

ИРИНА СОЛЯНАЯ



**ПРИНЦИП
КЕНТАВРА**

Молодому сыщику Хью Барберу из Антверпена поступает заказ найти натурщицу с картины мюнхенского художника. С энтузиазмом взявшись за работу, детектив узнаёт, что девушка давно утонула. Но почему тогда её ищут? И при чем здесь убийство?

Глава 1. Знатная заказчица

Детективное агентство «Барбер, Свенсон и сыновья» нельзя было назвать процветающим. Оно находилось на плаву благодаря удаче, которая явно поворачивалась лицом к его основателю — бывшему шефу полиции на пенсии, Свену Свенсону. Заказов было не много, но они исполнялись точно и в срок. Дела не представляли сложности, и Свен Свенсон даже не помышлял о каком-либо расширении бизнеса. На пенсии скучновато, а здесь какое-никакое дело. Его напарник Ганс Барбер уже пять лет покоился на окраинном кладбище, оставив своё место и отцовское напутствие Хью Барберу, молодому детективу двадцати шести лет от роду. Наличие сына у Свена Свенсона хоть и предполагалось в названии, но фактически Арни Свенсон появлялся в конторе редко и выполнял только разовые и несложные поручения.

Почему глава компании «Пивная Империя Майеров» решила обратиться именно в это агентство — было плохо объяснимо. Есть и другие крупные, с мощной агентурной сетью, с прочной репутацией, с известными именами. Рассуждая на эту тему, Свен Свенсон пришёл к выводу, что при ведении дела крупной компании возрастают шансы привлечь лишнее внимание к делу и, как следствие, утечки информации. Звонок секретаря Лилиан Майер удивил шефа Свенса, и он заметно нервничал перед встречей.

Лилиан пришла в агентство под вечер. Была сырая ветреная погода. Пожилая дама извинилась за насморк, поминутно в разговоре прикладывая к губам и носу кружевной платочек. Это была высокая статная леди с седой высокой причёской, аккуратной кокетливой шляпкой. Жакет сидел на фигуре как влитой, а широкие брюки удачно скрадывали полноту икр. Лилиан знала толк в моде, хотя возраст выдавали руки и шея. Именно поэтому Лилиан не снимала перчаток и лёгкого газового шарфа. Линзы-хамелеоны её очков говорили о том, что Лилиан любит рассматривать собеседника, но сама не желает, чтобы рассматривали её. Ведь выражение глаз могло быть намного красноречивее слов. Свен Свенсон любил афоризмы из настольных календарей и потому вспомнил фразу: «Средневековые судьи носили тёмные очки, чтобы подсудимый заранее не догадался о приговоре». Признаться честно, Свен Свенсон, был польщён, что такая знатная леди прибегла к услугам их мелкого агентства, и, разумеется, нервничал.

Лилиан заговорила низким грудным голосом:

— Уважаемый господин Свенсон, я обращаюсь к вам с деликатнейшей просьбой, касающейся моей семьи и моей личной жизни. Я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей честности и компетентности, однако, желала бы сделать акцент на такой детали, как способ нашего дальнейшего общения. Я прошу, чтобы все сообщения по существу нашего дела были исключительно в письменном виде, кроме случаев, не терпящих отлагательства. Со мной следует связываться не по телефонам моего особняка или виллы «Синий вереск» и уж тем более не по телефонам компании «Пивная Империя Майеров», а только через моего секретаря. Лилиан протянула бумажку с номером телефона. Это Юрген Бах, он в курсе поручения в общих деталях.

— Да- да, госпожа Майер, всё будет соблюдено самым тщательным образом. Утечка информации исключена.

— Понимаете, если что-то станет известно репортёрам, репутация семьи окажется под серьёзным ударом.

— Да-да, — закивал головой Свен Свенсон похолодев.

— Дело заключается в следующем. С недавнего времени я стала получать угрожающие анонимные письма. Точнее их было два. Одно пришло месяц назад, а второе — вчера, — Лилиан достала из сумочки два конверта и передала их Свену Свенсону, жестом прося их открыть и прочесть.

— Хм, — откашлялся Свен Свенсон, — приступим. Тэк-с.

Свен заметил, что конверты уже были аккуратно вскрыты, он осмотрел их и отложил в сторону. На конвертах был напечатан адрес особняка Лилиан Майер в Антверпене, получателем значилась сама Лилиан Майер. Сведения об отправителе отсутствовали. Записки были короткими, напечатанными при помощи печатной машинки на обычной канцелярской бумаге. Беглый осмотр шрифта не выявил особенностей машинки. В первой записке значилось: «Лилиан, наступила пора расплаты! Правду не скроешь, готовься ответить за смерть сына». Вторая записка гласила: «Я приду за своей долей, и ты не сможешь меня остановить».

— Вы можете предположить, кто направляет вам эти письма? — спросил Свен Свенсон.

Лилиан Майер откашлялась и покачала головой.

— Я расскажу вам то, что вызывает у меня опасения. Много лет назад, а именно 14 мая 1972 года трагически при пожаре погиб мой сын — Якоб. Он возглавлял компанию «Пивная империя Майеров».

Свен Свенсон начал лихорадочно припоминать тёмную историю с пожаром в особняке «Синий вереск». — Кажется, полиция выяснила причину пожара — поджог, — уточнил он у Лилиан. Та грустно покивала головой и сказала:

— Более того, в поджоге обвинили маленькую девочку, дочь Якоба и, соответственно, мою внучку Юджину. Мы называли её детским прозвищем — Юю. Разумеется, я не верила в эту ужасную чушь с убийством. Но все полицейские и психиатры пришли к выводу о том, что Юю глубоко больна, что она страдает детской шизофренией. В общем, бедный ребёнок сама не знала, что делает. Дело закрыли, Якоба похоронили. Я стала управлять компанией, так как наследница состояния — Юю была несовершеннолетней. Моя старшая внучка — Миранда Майер была по непонятной причине отстранена от наследования завещанием Якоба и значилась там как подназначенный наследник.

— Уточните, что это значит, уважаемая госпожа Майер, — подобострастно попросил Свен Свенсон.

— Это значит, что Миранда Майер могла вступить в свои права только в случае смерти Юю.

Свен удовлетворённо закивал.

— Я продолжу, — Лилиан поднесла к лицу платок. — Мне трудно говорить об этом. Юю после психиатрической клиники жила в «Синем вереске». Врачи уверили, что у неё стойкая ремиссия. Но мне надо было предвидеть, что в подростковый период болезнь может вернуться, — расстроенная Лилиан Майер всплеснула руками. Справившись с волнением, она продолжила. — В общем, спустя пять лет после трагедии Юю сбежала из дома. Мы организовали поиски, и нашли на берегу реки её туфельку, а ниже по течению — пижамные штанишки. Тела так и не обнаружили. Водолазы прочёсывали реку неделю, но безрезультатно. — Лилиан вздохнула, сдерживая слёзы. Свен Свенсон сочувственно покачал головой. То, что рассказывала Лилиан, было в газетах, и он вспоминал этот несчастный

случай.

— Спустя столько лет вам пришлось переживать эту трагедию заново, госпожа Майер, примите мои искренние соболезнования, — Свен Свенсон поклонился Лилиан.

— Ах, у меня ни дня покоя не было а эти годы. Мне было трудно принять гибель внучки. И вот теперь, когда моё сердце уже достаточно зачерствело, я получаю эти письма.

Свен с любопытством посмотрел на Лилиан, ему казалось, что в её облике сквозит не только печаль, но и страх.

— Вы подозреваете, что Юю выжила и пишет вам эти угрожающие анонимки? — спросил он. Лилиан закивала и стала вытирать слёзы платком.

— Это звучит невероятно, — пробормотал Свен Свенсон. Он налил из графина воды и подал стакан Лилиан. Дрожащей рукой дама схватила стакан и сделала несколько судорожных глотков.

— Я бы и сама не поверила старухе, выжившей из ума, — немного успокоившись, сказала она. — Но у меня кое-что есть.

Лилиан снова полезла в сумочку и достала яркий буклет. Она повертела его в руках, а потом протянула Свену Свенсону.

— «Лица и лики», — прочитал на обложке шеф детективного агентства и стал листать яркие страницы. В буклете говорилось об открытии мюнхенской выставки современного портрета, которая открылась неделю назад и продлится до конца сентября. Буклет содержал фотографии картин и отдельные отзывы первых посетителей выставки. Лилиан Майер приподнялась в кресле и ткнула пальчиком в тонкой замшевой перчатке на одну из страниц. Свен Свенсон начал читать:

— Особый интерес вызывают портреты современных молодых художников, которые соединяют в своём мастерстве традиции пострафаэлитов и современного нео-реализма. Примером тому служит очень удачный автопортрет Симона Крюгера и совместная работа «Ангел» Бориса Казарина и его молодой ученицы.

Взгляд Свена остановился на «Ангеле». На зрителя с картины смотрела белокурая большеглазая натурщица. Её голубое платье не скрывало стройных линий фигуры. Девушка сидела в старинном кресле, слегка подавшись вперёд, и невыносимо печально смотрела на Свенсона. Шеф Свенсон поднял глаза на посетительницу.

— Что вы хотите мне сказать, госпожа Майер?

— Я уверена, что на портрете «Ангел» изображена моя внучка — Юю Майер, — убежденно сказала посетительница. — Предвижу ваши сомнения в моей вменяемости... Но я плачу вам гонорар за то, чтобы вы нашли эту девушку с портрета и установили её идентичность моей внучке. Для этого я вам дам некоторые вещи Юю, там могут быть отпечатки её пальцев. В вашем распоряжении будут копии полицейского отчёта о смерти Якоба Майера и о поисках Юю Майер. Их пришлёт вам мой секретарь.

— Госпожа Майер, — торжественно сказал Свен Свенсон, — мы берёмся за это, несомненно, интересное и запутанное дело. Прошу подписать контракт. После соблюдения некоторых формальностей Свен Свенсон задал вопрос, который упустил из виду ранее.

— Как вы думаете, почему вам угрожает аноним? И что за странный смысл писем?

— Видите ли, шеф Свенсон, Юю всегда отрицала свою причастность к убийству отца и считала меня виновной в его гибели. Видимо, она настроена решительно, возможно, она действительно опасна.

Глава 2. Контракт номер сорок семь

Детектив Хью Барбер работал в агентстве «Барбер, Свенсон и сыновья» уже три года, но он не мог похвастаться тем, что его карьера шла в гору. Небольшое агентство не изобиловало заказами, но на кусок хлеба незадачливому студенту — юристу, которого отчислили из Брюссельского свободного университета, хватало. Работа поначалу казалась Барберу весьма романтичной, но уже к концу первого года выслеживание неверных жён и разоблачение мошенников, подделывавших подписи на векселях, ему наскучили. Единственным своим удачным и интересным делом он считал поиски пропавшей Сьюзен Далли, которая была в итоге найдена в голландском притоне наркоманов. Эта девушка инсценировала своё похищение с требованием выкупа, что и привело несчастных Далли к Свену Свенсону — главе детективного агентства. А тот уж поручил работу Барберу, чтобы, с одной стороны, дать шанс молодому отпрыску старого друга Свенсона, а с другой стороны — в случае фиаско свалить на него же все шишки. Вопреки ожиданиям Свена Свенсона Барбер показал себя с лучшей своей стороны, и уже через две недели Сьюзен рыдала в объятиях матери, которая, разумеется, простила заблудшую дочь.

Поэтому, когда могущественная Лилиан Майер обратилась в агентство «Барбер, Свенсон и сыновья» за помощью, Свенсон, не колеблясь, поручил новое дело Хью Барберу. Сам шеф агентства раздобыл, приобрёл пивное брюшко, одышку и первые признаки сахарного диабета. Выслеживать «дичь» в кустах и прочёсывать притоны он уже не был способен, да и не горел желанием. Предчувствие лёгкого гонорара от Майер не смущало Свенсона, и он решил подключиться к расследованию младшего напарника, только если тот зайдёт в тупик. Хью в отличие от своего шефа был романтичным, малоопытным, но чрезвычайно активным. Он не успел избавиться от юношеской наивности и отрастить жирок, верил в честность шефа и его дальновидность. В общем, напарники ладили, хотя почти во всем являлись противоположностью друг другу. Стройный Хью на голову был выше Свенсона и на сорок лет моложе. Спортивная фигура Барбера красовалась в любых мятых шмотках, тогда как его шеф предпочитал пиджаки из плотной ткани. Во всякую погоду они скрадывали оплывшие бока Свенсона.

Обговорив детали контракта с Лилиан Майер, Свен Свенсон пригласил Хью Барбера в кабинет, чтобы ввести его в курс дела. Лилиан Майер присутствовала при разговоре и внимательно изучала Хью Барбера через линзы своих хамелеонов.

— Уважаемый шеф Свенсон, — с сомнением в голосе произнесла Лилиан, — учитывая такой молодой возраст вашего сотрудника, уверены ли вы в том, что он справится с делом?

Хью Барбер покраснел и в душе порадовался, что в сумерках комнаты не слишком заметна его реакция на оскорбительное замечание заказчицы.

— О, — широко улыбнулся Свен Свенсон, — уверяю вас, это один из наших лучших сотрудников. Совсем недавно ему удалось распутать чрезвычайно сложное дело. Хью Барберу было гораздо легче благодаря возрасту и способностям к быстрому контакту с людьми внедриться в молодёжную неформальную среду и помочь отыскать похищенную дочь четы Далли.

Лилиан успокоенно вздохнула и покивала головой.

Хью Барбер поинтересовался:

— Госпожа Майер, прошу вас дать мне возможность ознакомиться с материалами и

составить стратегию поиска. Могу ли я в ближайшее время снова встретиться с вами, чтобы прояснить некоторые нужные мне детали?

— Разумеется, телефон для связи и инструкции я передала вашему шефу.

Засим Лилиан Майер откланялась и царственно удалилась. Свен Свенсон проводил ее до выхода, и, потирая руки, вернулся в кабинет.

— Ну, малыш Барбер, к нам в сети приплыла крупная рыба. — радостно сообщил он

— Надо думать, — подхватил Хью, — вот и взялись бы за это дело. Сложности оно не представляет, а я бы устроил себе отпуск.

— Ну-ну, сынок. Не кипятись и не волнуйся. — шеф похлопал напарника по плечу. — Хью, ты знаешь, что ты мне как родной, я всегда буду на подхвате, словом или делом. Завтра секретарь передаст нам документы, и можешь приступать. Придумай легенду, план действий. В расходах ты не ограничен, во времени тоже. Госпожа Майер сказала, что пару месяцев она может подождать, учитывая, если не изменится обстановка. Меры к своей личной охране она, разумеется, предпримет сама, это не наше дело.

Хью кивнул, забрал со стола документы: «контракт номер сорок семь», конверт с авансом и деньгами на неотложные нужды, буклет и анонимки. При этом конверты и сами анонимки он взял за края и положил в полиэтиленовый пакет. Шеф Свенсон выглядел довольным, словно выиграл в лотерею. Сам Хью был взволнован. Шутка ли — сама Майерша его клиентка, это могло означать как неожиданный взлёт в его карьере, так и глубокий омут, куда она не преминет его столкнуть в случае поражения.

Глава 3. Гори оно синим пламенем!

Наутро пакет с нужными документами расторопный секретарь Юрген Бах передал Хью Барберу. Там был дневник Юю Майер, её рисунки, а также две копии полицейских отчётов.

Детектив Хью Барбер не был большим любителем беллетристики, и дневник Юю представлял для него скорее криминалистическую ценность. Распрощавшись с немногословным Юргеном Бахом, Хью закрылся в своём кабинете. С обложки и отдельных страниц дневника при помощи дактилопорошка Барбер снял отпечатки пальцев, закрепив их на скотч. Проделав эту обычную процедуру, Хью чрезвычайно аккуратно стал листать страницы, предварительно натянув силиконовые перчатки, а обложку дневника обернул в полиэтилен. Тощий блокнот не был исписан и наполовину. Неумелые детские рисунки и текст, казалось, не представляли существенного интереса. Как считали полицейские, из этого дневника малолетней преступницы следовало, что поджог Юю задумала незадолго до самого его осуществления. Тем не менее Хью решил не только внимательно прочесть записи и рисунки, но и показать дневник знакомому психологу Люси— Мэй Иэн.

Не будучи очень чувствительным человеком, Хью слегка поёжился, прочтя запись в дневнике за 15 мая 1972 года. Детская рука писала: «Папичка был зол, когда узнал, что я хочу завести себе лабрадора. У лабрадоров длинная шерсть, и она остаётся на костюмах и креслах. Лабрадоры громко лают и у них длинные когти. Папичка словно не видит, что лабрадоры милые, гори он синим пламенем. Собаку я обязательно заведу, мне Констант принесёт щеночка. И никто мне не указ!!!».

Словосочетание «гори синим пламенем» встречалось в дневнике трижды. В записи за 22 января 1972 года значилось следующее: «Федерик, Констант, дура Зельден и рыжая Трулте предложили мне играть в пиратов. Как можно играть в пиратов, когда везде иней и лёд? К тому же нет моря? Вода из бассейна спущена, и он укрыт, гори он синим пламенем. Какие из девчонок пираты??? Они совсем не знают, как делать мушкеты и сабли».

06 марта 1972 года Юю записала: «Мы с Константом и Трулте стащили пирог с капустой у старой Бо. Пикник устроили на славу, хей-хо. Конечно Константу влетело, как самому старшему. Старая Бо орала как сирена, гори она синим пламенем. Папичка вечером меня отчитал, сказал, что воровать стыдно, и из такой девочки не вырастет истинная леди. А я хочу быть пиратом, а не леди. Воровайка — смешное слово. Я услышала его от старой Бо, она называла Константа воровайкой».

Остальные записи о покупках игрушек и праздновании дня рождения Федерика носили вполне мирный характер: «Папичка подарил мне куклу, у которой закрываются глаза. Когда её кладёшь на спину, она пищит «Мамми». На кукле красивое платье и штанишки, а чепчик мне не понравился, я его сняла и кинула за комод». «Федерику праздновали деньрождение. Он съел целое кило засахаренных орехов, и ему было мутно. Было много подарков, а гостей целых сто человек. Я села в углу и смотрела оттуда на гостей. Откуда у Федерика столько кузин и кузенов, уму не постижимо». Забавные рожицы и каракули под каждой записью. А под записью от 03 мая 1972 года нарисованы нож с каплюющей с него кровью, и довольно реалистичная пасть собаки. «Папичке» Юю явно следовало обратить внимания на наклонности дочери.

Хью Барбер захлопнул блокнот и перешёл к изучению полицейского отчёта. Сухие фразы осмотра места происшествия несколько смягчали картину, которую застали

полицейские в "Синем вереске". Из описания следовало, что огонь практически уничтожил внутреннее убранство библиотеки, большую часть книг и картин, повредил холл и комнату, которая использовалась как второй кабинет хозяина дома Якоба Майера. Практически обугленный труп нашли в в этом кабинете. Останки Якоба Майера опознала служанка Беатрис Олливен и его мать. Также на полу библиотеки между полками обнаружили тело малолетней дочери Якоба Майера — Юджины Майер со значительными ожогами спины, ягодиц и ног. Девочка была экстренно госпитализирована в ожоговый центр городской клиники Антверпена. Хью Барбер обратил внимание на то, что тело Якоба Майера настолько было обуглено, что не осталось ни волос, ни значительных кусков плоти. Криминалисты ничего не смогли сделать с непригодными для опознания костными останками. Даже зубы сохранились частично, но поэтому дантист не смог дать по ним идентификационное заключение. Тело было опознано по золотому обручальному кольцу и фрагментам синего брючного костюма. Удивительно то, что повреждения в библиотеке были очень значительными, выгорела почти вся комната, а дочь Якоба Майера сильно пострадала, но осталась жива. Хью Барбер сделал пометки в записной книжке и поставил жирный вопрос.

Далее следовало описание телесных повреждений девочки с указанием, что она была найдена шофером Генри Смолландом, на Юджине была пижама, которая значительно обгорела, а в руках малышки обнаружили фрагменты тряпки, смоченной бензином. В комнате Юджины за комодом была спрятана початая бутылка бензина с отпечатками пальцев девочки и самого Генри Смолланда, а также коробок спичек. На нём, тоже были обнаружены отпечатки пальцев Юджины.

В деле фигурировал дневник малышки, датированный 1972 годом. Фотокопии листов приложили к материалам отчёта. Шофер семьи Генри Смолланд пояснил, что бутылку Юджина могла найти в гараже при домовладении.

Прочитав протоколы допросов членов семьи Майеров, Хью обратил внимание на то, что ни мать, ни его дочь Миранда ничего не знали о предполагаемых врагах и ненавистниках Якоба Майера. Они отзывались о покойном как о жизнерадостном, полном энергии добряке. По свидетельству коллег Якоба по «Пивной империи Майера» он не слишком любил заниматься деловыми вопросами, предпочитая игру в гольф, светские мероприятия и, разумеется, дамское общество. Но ни о каких неудовлетворённых любовницах, внебрачных детях, оскорблённых рогоносцах следствию не было известно. Переписка Якоба и его деловые бумаги были в порядке, об угрозах Якобу никто и слыхом не слыхивал, в скандалах при жизни покойный замечен также не был. Единственной наследницей Якоба Майера по его завещанию, найденному в сейфе кабинета компании «Пивная империя Майера» являлась Юджина.

Хью снова сделал пометку в записной книжке. «Надо бы поговорить с Гленом Куком, моим нотариусом, подумал Хью Барбер, — а то мои познания в области наследственного права слишком поверхностны. Но раз смерть Якоба Майера была на руку его младшей дочери, можно ли предположить, что у Юджины восьми лет от роду возник коварный план корыстного убийства отца? Но какое это имело отношение к исчезновению девочки? По-видимому, никакого. Меня наняли не расследовать смерть Якоба Майера, а найти пропавшую девицу». Хью вздохнул и вычеркнул имя Глена Кука из планов.

При полицейском расследовании Юджину Майер допросить не удалось. По мнению психиатра Брежцеля Х.-М., имевшемуся в деле, девочка была не доступна контакту.

Заключительное постановление судьи в материалах полицейского отчёта гласило, что данный случай гибели Якоба Майера в особняке «Синий вереск» следует отнести к поджогу с целью убийства, а виновной в котором следует признать малолетнюю Юджину Майер, которая подлежала освобождению от уголовной ответственности в силу возраста. Также суд определил девочку на принудительное лечение в психиатрической клинике Антверпена последующим наблюдением до совершеннолетия.

Захлопнув отчёт, Хью потянулся. На его недовольном лице появилась гримаса усталости. В голове не укладывалось, что маленький ребёнок способен на хладнокровное убийство. Факты, однако, упрямая вещь, повторил Хью. Разумеется, начинать поиски следовало с консультации лечащего врача психиатрической клиники Антверпена. Остальные вопросы в записной книжке Барбера могли и подождать.

Второй отчёт от 28 апреля 1975 года был также не слишком толстым, и на его изучение ушло не более получаса. Как и полагалось при поиске Юджины были задействованы силы местной полиции и добровольцев. Согласно первому протоколу осмотра места происшествия, на берегу реки Шельда, в том же районе Хобокен, где и жила Юджина, была найдена детская туфелька 32 размера, которую опознала служанка Бо Олливен как принадлежавшую Юю Майер. Больше следов обнаружено не было, не считая размазанных и нечётких следов на глинистом берегу и двух нитевидных волокон, которые как потом подтвердилось, совпадают с волокнами ткани пижамных брюк Юю Майер. Были обнаружены и иные волокна тканей, следы шин нескольких автомобилей, окурки сигарет и экскременты животных. Но учитывая многолюдность данного места, указанные следы не были отнесены к имеющим значение для дела.

Из второго протокола осмотра места происшествия следовало, что на участке прибрежной местности в 2,5 км вниз по реке Шельде была обнаружена мокрая, испачканные глиной и водорослями пижамные брюки девочки. Детектив Барбер заметил протоколы допросов слуг, членов семьи, психиатров, подруг. Ничего интересного Хью Барбер не почерпнул, но список лиц, с которыми следовало потолковать — составил. Детектив был полон надежд на быстрое распутывание клубка и приступил к планированию операции.

Сначала следовало встретиться с психиатром Бреццелем Х.-М., который, судя по количеству составленных им документов, больше других врачей общался с Юджиной. В текстах упоминался также Губерт Зильберштейн, но встречу с ним Барбер решил отставить «на потом». Бреццель был нужен для того, чтобы выяснить степень психопатии юной Майер и составить некий прогноз её поведения в будущем. Барбер не был трусом, и даже к осмотрительным людям он себя явно не причислял, но считал, что осторожность не помешает, поскольку не имел никакого опыта общения с опасными психопатами женского пола. К слову, и с женщинами вообще он общался крайне мало. Люсьен Мерье, с которой он расстался три месяца назад, была не в счёт.

Дальше, обрисовав примерный портрет Юю Майер, Барбер решил поговорить с её друзьями — Константином Смолландом и девушками — Трулте Яхимсон и Зельден Лиденбранд, поименованными в дневниках «рыжей» и «дурой». Возможно, им известно что-то о поведении Юю перед исчезновением, её намерениях. Не исключено, что девчонки скандалили с ней или, наоборот, помогали сбежать и имитировать самоубийство. Маловероятно, но не исключено.

Затем следовало встретиться с самой Лилиан Майер, чтобы добыть у неё ещё какие-либо сведения об образе жизни Юю, её так называемых социальных связях.

На эту предварительную подготовку не должно уйти больше трёх дней, решил для себя Хью Барбер. Зачем затягивать расследование?

Изучение буклета дало одну важную деталь: адрес выставочного центра в Мюнхене. Туда и надо было отправиться в первую очередь. В буклете не говорилось о национальной принадлежности художников, но вероятнее всего, почти все они были немцами или просто жили в Германии. По крайней мере, о международном характере выставки не было сказано ни слова. А на месте вполне могли рассказать что-то о Борисе Казарине и его натурщице или даже дать их адреса, что было бы идеально для быстрого расследования.

Итак, Борис Казарин — это одна из важных ниточек, возможно, единственная, но ехать сразу в Мюнхен Хью не решился. Это означало полную неготовность к встрече с Юю в реальной жизни. Три дня не могли быть признаны заказчиком контракта номер сорок семь неоправданной задержкой, и потому Хью решил себе позволить покопаться в истории девушки в Антверпене.

Молодой детектив, недолго поразмышляв о легенде, решил избрать уже привычный для себя образ — корреспондента газеты. К примеру, он пишет очерк о жизни концерна или о детской преступности или о художниках современности. Связи Свена Свенсона и покойного отца Хью Барбера — Ганса в ряде крупных СМИ неизменно выручали Хью. И поэтому он, не теряя времени, позвонил в редакцию «Юнге Вельт» с просьбой о продлении ему служебного удостоверения и попросил секретаря детективного агентства «Барбер, Свенсон и сыновья» подготовить ему сведения обо всех работавших за последнее время штатных сотрудниках «Юнге Вельта» — круг публикаций, возраст, семейное положение и описание внешности.

Возвращаясь мыслями к Борису Казарину, Хью Барбер решил также собрать о нем какие-нибудь доступные сведения. Знаменитые картины и участие в выставках, художественных обществах, принадлежность Казарину недвижимости, меценатство, наличие собственной школы. Это тоже могло потребовать затрат времени, и Хью Барбер поставил в плане жирный вопрос. Видимо, сведения о Борисе Казарине нужно будет выяснять позже, в случае, если сразу через этого художника не удастся выйти на след Юю. У Барбера мелькнула мысль: если бы с Казариным было всё так просто, то зачем Лилиан Майер прибегать к услугам детективного агентства, могла бы и сама позвонить и спросить его о натурщице...

Глава № 4. Неудача профессора Бреццеля

Государственная клиника Антверпена представляла собой гигантский комплекс зданий, соединённых в одно целое, заблудиться в хитроумных переходах которого было проще простого. Хью Барбер, одетый по своему разумению в костюм человека свободной профессии — джинсы и пёстрый длинный свитер, спешил за вертлявой пухленькой медсестрой, которая периодически оглядывалась на него, указывая дорогу к кабинету врача Бреццеля. Хью изо всех сил вертел головой, разглядывая всё вокруг себя и старательно пытаясь запомнить дорогу. Доведя Хью до двери, медсестра улыбнулась ему, слегка кокетливо, и напомнила, что у господина Бреццеля всего полчаса для этого визита, так как предстоит еженедельный расширенный консилиум, который господин Бреццель имеет обыкновение возглавлять.

Барбер вошёл в кабинет Бреццеля и обратил внимание на то, что его убранство резко контрастировало с обстановкой тех помещений больницы, где Хью уже довелось побывать по пути. Белые кожаные кресла, множество витиеватых рамок с дипломами и сертификатами, цветочные композиции с орхидеями и сухими ветками. Комнату украшал небольшой электрический камин с забавными фигурками докторов в белых халатах, то с огромным градусником вместо носа, то с большой клизмой в руках, то с танометром у гигантского гротескного уха. Профессор Бреццель обладал специфическим врачебным чувством юмора.

— Добрый день, господин Барбер, — улыбаясь приветствовал его Х.-М. Бреццель.

— Добрый день, — мнимый журналист пожал руку доктора, она оказалась на удивление тёплой и приятно пахла пудрой или тальком, Хью не разобрал. Доктор пригласил собеседника присесть в мягкое кресло, его облик олицетворял вежливое внимание.

— Уважаемый профессор, я занимаюсь написанием книги о детской преступности, мой проект финансируется фондом «Чистые руки». В поле зрения попала история поджога с непреднамеренным убийством Якоба Майера, случившаяся в 1972 году. — предупреждая вопрос профессора, Хью Барбер сообщил, — Я встречался с госпожой Лилиан Майер, и она согласилась, чтобы я использовал информацию по данному делу без упоминания в книге имён и фамилий.

— Я могу получить подтверждение этому? — поинтересовался Х.-М. Бреццель.

— Разумеется, вот телефон секретаря Лилиан Майер, — Хью Барбер протянул листок бумаги с номером Юргена Баха. Профессор кивнул детективу и просил подождать некоторое время в приёмной. Хью Барбер вышел для повторного приглашения. Бреццель не заставил себя долго ждать. Через десять минут он вновь позвал Барбера и теперь уже был готов отвечать на вопросы детектива.

— Что вас интересует конкретно, мистер Барбер? К сожалению, я не располагаю временем для подробных бесед, я могу лишь в общих чертах обрисовать вам ситуацию, — с неизменной улыбкой вступил в разговор Х.-М. Бреццель.

«Меня интересно всё», — хотел было сказать детектив, но, следуя своей легенде, пояснил:

— Прежде всего, меня интересует состояние Юджины непосредственно после совершения преступления, ход ее лечения и причины, по которым вы сочли её излечившейся и неопасной. И, разумеется, её чувства после совершенного поджога. Также меня волнует,

насколько обоснованными были подозрения в отношении Юджины именно с точки зрения психиатра.

— Хорошо, — доктор наклонился немного вперёд, сцепил кисти замком, и, поигрывая большими пальцами, начал свой рассказ. Его монотонный голос успокаивал и убеждал одновременно.

— Случай с Юю Майер нельзя было с первого взгляда отнести к классическим. Детская шизофрения часто похожа на расстройство аутического спектра. Но учитывая такую наследственность, как у неё, я пришёл к выводу о том, что передо мной ничто иное, как шизофрения. Мать Юю Майер страдала этой же болезнью и покончила жизнь самоубийством в 1969 г. в частной Брюссельской клинике. Бедной женщине удалось выкрасть свечу для самосожжения. Типичный случай для шизофрении со слуховыми галлюцинациями. Когда голоса приказывают совершить насилие над собой или кем-то посторонним, больной не может этому противостоять. Юю Майер ничего не говорила о голосах, которые её преследовали, но я слышал от этой юной пациентки частые повторения фразы: «Папа не умер, он говорил со мной, приходил ко мне». Отрицание очевидных фактов: смерти, своей причастности к этой смерти — это свидетельство амбивалентности сознания. А, как вы понимаете, мнимые разговоры с умершими — это классические признаки галлюцинаций. Большое значение для развития болезни девочки имел тот факт, что Юю Майер воспитывалась в неполной семье, малышке нужно было уделять пристальное внимание, отслеживать все тревожные признаки. Но, к сожалению, этим не занимался ни отец, ни бабушка. До восьми лет особенностей в её развитии не проявлялось. А потом домашние стали замечать агрессивность девочки, её склонность причинять боль другим. Она царапалась и кусалась, щипала сверстников, не хотела играть с детьми, устраивала истерики с длительным плачем. Об этом мне сообщили её близкие, — профессор Бреццель печально покачал головой.

Хью Барбер делал тем временем пометки в блокноте и помалкивал.

— Затем состояние девочки ухудшилось, это и привело к трагедии. Я не буду вдаваться в юридические подробности, а буду пояснять к в пределах моей компетенции. Могу лишь сказать, что Юю в тех редких случаях, когда она была доступна контакту, отрицала свою причастность к поджогу и к убийству отца, — профессор развёл руками и улыбнулся.

— Какой была Юю Майер, когда началось её лечение? — Хью Барбер приготовился записывать.

— Я выявил все составные признаки шизофрении, — самодовольно цедя слова, сообщил профессор, — Было налицо психопатологическое расстройство — расщепление сознания, схизис.

— Что? — вскинул брови детектив.

— Именно! Не раздвоение личности, мой юный друг, а именно расщепление души. Амбивалентность, — психиатр явно наслаждался удивлением собеседника, — Чувство страха и тревоги при одновременном ступоре. Обычный человек, тревожась об опасности, прибегает к помощи родных и близких, либо сам ищет источник или причину такого чувства и пытается что-то сделать. Идя по тёмному переулку, он ускоряет шаги и спешит домой. Видя наводнение — ищет лодку. А шизофреник не способен к действию. Его взор полон ужаса, но он вял и апатичен. Это же было и у Юджины. Не сомневаюсь в том, что девочка учинила пожар, но при этом протестовала против своих действий и одновременно звала на помощь и пыталась скрыться. Когда она прибыла к нам в клинику, я видел, что она очень

агрессивно и враждебно настроена к нам. А ведь она была должна доверять взрослым. Она не шла ни на какой контакт — тактильный и даже зрительный. И тех, кто не пытался с ней говорить, накормить и так далее, она даже не замечала. Также были налицо признаки аутизации, так как девочка не могла сконцентрировать взгляд на собеседнике, находилась в неестественной позе. Она ничего не ела и не пила, мы её кормили насильно, преодолевая неожиданные приступы буйства.

Хью Барбера передёрнуло, но он продолжал слушать.

— Терапия действовала очень медленно, мистер Барбер, — печально сказал профессор, — потом мы заметили, что наилучший контакт у пациентки имеется именно с Губертом Зильберштейном. Он шёпотом говорил с ней, гладил по ладоням. И поскольку этот особый эмоциональный контакт был установлен, то я принял решение передать Юю Майер в его ведение. Губерт был тогда ещё достаточно молод, амбициозен, он много времени проводил с этим несчастным ребёнком, видимо смог интуитивно нащупать тропинку к её искореженному сознанию. И примерно через год у Юджины наступила ремиссия.

— Вы не можете утверждать, что девочка стала здорова? — уже зная ответ на вопрос, осведомился Хью.

— О, нет, молодой человек, — засмеялся над наивным собеседником профессор Бреццель. — Шизофрения не излечима, современная наука не знает, как склеивать трещины в сознании и психике. Я полагаю, Юджина находилась в периоде стойкой ремиссии. Но поскольку после выписки домой ею никто толком не занимался, а Лилиан Майер безотчётно доверилась этому Зильберштейну, то и поддерживающую медикаментозную терапию Юджина не получала.

— И вот вам, печальный результат — самоубийство, — подытожил мнимый журналист.

— Да, молодой человек, да, — поджав губы, закивал Бреццель. — Я не был противником выписки Юджины, но я был категорически несогласен с её возвращением в «Синий вереск». Фактически она была помещена в дом с привидениями. И этих приведений продолжало рожать её больное сознание, — профессор выразительно постучал пальцем по виску, — Видимо, в один момент Юджина впала в состояние острого неистового возбуждения с аутоагрессией и тягой к суицидальным действиям. И на своём пути она не встретила препятствий.

Профессор Х.-М. Бреццель со вздохом поднялся из кресла, давая понять, что аудиенция окончена. Хью горячо поблагодарил его и спросил для соблюдения формальности:

— Вы включали случай Юю Майер в учебники по психиатрии?

— О, да, — профессор широко улыбнулся, но у Хью от этого по коже мурашки пробежали, — преподавание и наука — часть моей профессиональной деятельности. Рекомендую прочесть мой труд «Психопатологии в детском и раннем подростковом возрасте».

— А что вы можете сказать о психиатре Губерте Зильберштейне? — напоследок спросил Хью Барбер.

Профессор Бреццель поморщился, словно от зубной боли, и ответил нехотя:

— Он у нас уже не работает. Несколько лет назад я его видел случайно в торговом центре. Он спился, молодой человек, спился. Наша профессия накладывает на нас своеобразный отпечаток, нужно уметь отключаться от увиденного и услышанного, не проецировать проблемы пациента на свои. Этим не поможешь больному, а только навредишь. Пациенту нужна помощь, уход и лекарства, а доза жалости и сюсюканья ему и

так достаётся от близких.

— Спасибо, профессор, — прощаясь Барбер пожал тёплую напудренную руку доктора, — вы мне очень помогли.

Выйдя из стен больницы, Хью Барбер почувствовал облегчение, словно вдохнул свежего воздуха. Даже дружелюбный доктор не смог создать атмосферу доверия и покоя в этих скорбных стенах. Хью почувствовал облегчение, выйдя на улицу, и сказал шёпотом сам себе: «Пусть будет, только не теперь, и не со мной», и развеселившись от этой чисто эгоистической мысли, он двинулся к следующему адресату. Посмотрев на список людей, детектив с удивлением обнаружил, что Зельден Линденбрант — его соседка, только живёт двумя этажами выше. И как он раньше не увидел этого совпадения! Хью порылся в своей памяти, и решил, что из всех девушек, живших в его многоэтажном кондоминиуме, по возрасту подходит только одна. Итак, предстояла встреча с «дурой» Зельден.

Глава 5. Единственная искренняя улыбка

Неудачное расставание с Люсьен Мерье, сильно подкосило веру Хью Барбера в свои донжуанские способности. Яростная Люсьен наградила его таким количеством оплеух и злобных унижительных эпитетов, что надолго отбила всякое желание общаться с девушками. Предвкушая встречу со свидетельницей, Барбер нервничал. Хью вернулся в квартиру, наскоро перекусил остывшим яблочным пирогом, и спросил: «Мам, а ты знаешь Зельден Линденбрант?»

Мать отложила вязание и с торжествующей улыбкой сказала:

— Хью, зайчик мой!

Хью привычно вздохнул. Мама никак не могла смириться с тем, что ему было двадцать два года, и он совсем не походил на милого ребёнка-зайчика.

— Наконец-то ты решил обратить внимание на эту славную девушку. Я же тебе говорила, что она так мило поёт, я слышала её в церкви. И к тому же у неё такой отменный вкус, она скромно одета, причёсана, никаких джинсов и новомодных развратных штучек. Зельден, между прочим, всегда со мной беседует при встрече, спрашивается о моём здоровье, о тебе спрашивает. За бабушкой парализованной ухаживает. Очень, очень хорошая девушка.

Хью понял, что его ждёт не самый приятный разговор, но отступить от плана он не мог, поэтому кисло улыбнулся и спросил:

— Мне нужно встретиться с Зельден по делу, задать ей пару вопросов. Это совсем не то, что ты думаешь.

— О чём ты, зайчик, — всполошилась мать, — Зельден совершенно не имеет никакого отношения к преступному миру. Нельзя подозревать всех и каждого! Зельден — очень милая и воспитанная девушка, она из хорошей семьи, её мать — почтенная женщина, возглавляет женсовет общины.

Хью попробовал было что-то объяснить, но мать трещала, не переставая:

— Ты совсем как твой отец! Во всех людях видишь исключительно плохое. Только я понадеялась, что ты хочешь свести дружбу с порядочной девочкой, а не с накрашенной выскочкой, на которой не то юбка надета, не то пояс от юбки, — мать явно намекала на Люсьен Мерье, — как ты сразу записал её в преступницы!

— Мама, мама! — Хью поднял обе руки вверх, показывая, что сдаётся на милость победителя, — ты совсем не поняла меня. Мне нужно поговорить с Зельден как со свидетелем по делу. И именно учитывая её порядочность и честность, я надеюсь, что она может сообщить без ужимок и вранья важные для меня сведения. Это не касается никаких убийств и ограблений, — тут Хью ради дела покривил душой, — это касается её давних школьных знакомых.

— Ну, ладно, — мать взяла вязание и была удовлетворена ответом. Хью передохнул и сказал: — Так в какой квартире она живёт? Мне адрес сообщили, но номер квартиры не указан.

— В триста шестнадцатой, — пробурчала мать, считая пальцем петли на длинной спице, — она сейчас должна быть дома. После обеда она уходит в приют, где подрабатывает сиделкой, — с нажимом сказала мать, демонстрируя, что есть люди, которые заняты делом, не то, что некоторые.

Хью провёл расчёской по волосам, покрутился у зеркала и, натянув суровую гримасу,

двинулся к лифту.

Дверь триста шестнадцатой квартиры Зельден открыла сразу. Это была высокая тощая блондинка с белыми бровями и ресницами. Воланы на юбке— миди тщательно разглажены, светлая отутюженная блузка на плоской груди натянута плотно. Волосы собраны в тощий крысиный хвостик, а губы вытянуты в ниточку.

— Добрый день, Зельден, — изобразил дружелюбие Хью Барбер, — мне нужно поговорить с тобой о давней твоей знакомой — Юю Майер.

Невыразительное лицо соседки вспыхнуло, она кивнула Хью и пригласила войти.

Дететкив прошёл в комнату за девушкой. Оклеенная обоями в мелких блёклых розочках комната была такая же невыразительная, как и сама её хозяйка. На сером диване в углу под клетчатым пледом, несмотря на духоту в комнате, лежала старуха. «Видимо, та самая парализованная бабка Зельден», — подумал Хью и приветственно кивнул ей, даже слегка поклонившись.

— Мы можем поговорить здесь, — Зельден жестом указала Хью на жёсткий стул у круглого стола, — бабушка плохо слышит, она нам не помешает.

Хью отметил, что голос у Зельден приятный, видимо, она и вправду славно поёт. Не может же девушка быть абсолютно непривлекательной?

— Зельден, я узнал, что в детстве ты дружила с Юджиной Майер, что ты можешь рассказать об этой девочке?

— Хью, я знаю, что ты работаешь в детективном агентстве, но поверь, я никакого отношения не имею ни к богачам, ни к преступному миру, ни к психопатам, — усмехнулась Зельден.

— Конечно-конечно, — Хью чувствовал, что разговор у них не склеится, и попытался на ходу исправить положение, — я решил написать книгу о детской и подростковой преступности. И неплохим объектом для исследования в моём случае является Юджина Майер. Помимо всего, я бы хотел осветить такой аспект...

Хью покашлял под буравящим взглядом Зельден. Она внимательно следила за его мимикой.

— Меня интересует, как ребёнок может стать на кривую тропу преступления, если его окружает любящие родственники и друзья из порядочных семей. Ведь в человеке имеются и социальное начало, и звериное. Анализируя поступки преступника, мне хочется должны понять, почему животное берёт верх.

Зельден удовлетворённо кивнула, видимо, Хью нащупал нужное направление беседы.

— Скажу тебе сразу, Хью Барбер, что мы никогда не были подругами. Просто учились в одном классе. У Юджины Майер было много одноклассников, кстати сказать. Но она ни с кем не дружила, находилась ото всех как бы в отдалении. Потом её бабка стала навязываться моей матери, чтобы я подружилась с Юю. Трудно поверить, но она приходила к нам домой несколько раз. Мы жили тогда в пригороде — в Хобокене, недалеко от виллы «Синий вереск». Приходила и давала моей матери деньги за то, чтобы я по выходным бывала на этой вилле и играла с Юю.

— М-да, — протянул Хью Барбер, — это очень странно.

— Не знаю, кем себя мнила госпожа Майер, — презрительно процедила Зельден, — но она и впрямь считала, что всё можно купить за деньги. Мать или бабушка, — Зельден кивнула в сторону лежавшей на диване старухи, — брали эти деньги, и каждую субботу и воскресенье отправляли меня в «Синий вереск».

— А как к тебе относилась Юю Майер? — спросил Хью.

— Ей были безразличны мои визиты. Она играла только с мальчиками. — спокойно сказала Зельден.

— Вт как? — спросил Хью.

— Помимо меня там бывала Трулте Яхимсон. А также иногда с нами играли дети слуг Майеров. Констант и Федерик, кажется. Те были постарше, и Юю с ними обращалась лучше.

— С тобой она плохо обращалась? — спросил осторожно Барбер.

— Да уж, — хмыкнула Зельден, — она даже выгоняла меня. Я, бывало, уйду да и сижу на берегу речки, чтобы домой не возвращаться, иначе мать прознает да и побьёт меня.

— А ты замечала у Юю признаки душевной болезни?

Девушка засмеялась бряцающим неприятным смехом. Барбер отметил, что когда Зельден просто беседовала, то её голос был не лишён обаяния. Но когда она смеялась, создавалось неприятное ощущение, словно она никогда раньше этого не делала, оттого имитирует похожий на смех звук.

— Нет, на мой вкус Юю была избалованная дрянь. Она манипулировала бабкой, своим отцом, всеми слугами. Вела себя дома как маленькая королева. Констант и Федерик ей во всём подчинялись, поддерживали все её нелепые затеи. А мы с Трулте чувствовали себя глупо и неуютно среди роскоши и помпезности поместья. Юю смеялась над нами, щипала нас за руки, дразнила за ситцевые платья. Если и была какая-то агрессия, то это была агрессия непослушного ребёнка, которому бы не помещала хорошая порка, — эти последние слова девица Линденбрант произнесла с особым удовольствием и даже улыбнулась.

— Зачем же её лечили психиатры? — наивно спросил Хью.

— У богатых свои причуды. Если у меня болит зуб, то мать выдирает его рыбацкой леской, а если зуб болит у Юю Майер, её ведут к лучшему дантисту. Вот и к психиатру её потащили, так как это модно — иметь странные болезни.

— Ты думаешь, что она не могла убить своего отца? — спросил Хью.

— Нет, конечно, — с уверенностью сказала Зельден. — поджечь дом — вполне. С неё станется. Думаю, что Якоб Майер, упокой, Господи, его душу, — Зельден мелко перекрестилась, — стал случайной жертвой. Вот отца Юю действительно любила, насколько она вообще была способна любить и заботиться при своем гипер-эгоизме.

— Тебе известно, как она жила в психиатрической клинике? — спросил Хью.

— Нет... Ведь мы с мамой переехали в 1973 году сюда, в Зуренборг, я и школу сменила, и потом уж не общалась с Юю Майер. Я знаю только, что она не сразу попала в психушку, сначала лечилась от ожогов. Мы с Трулте даже один раз к ней пришли в клинику, но она не захотела нас видеть. Госпожа Майер заплатила нашим родителям, чтобы мы посетили её дражайшую внучку, — губы Зельден презрительно скривились. — Потом я узнала, что Юю утонула в реке. Видно, бесы окончательно взяли над ней верх.

Девица снова мелко перекрестилась. Хью почувствовал, что его визит окончен, ничего ценного для себя он не почерпнул, кроме того, что Зельден вряд ли стала помогать Юю в побеге и инсценировке самоубийства.

— Спасибо, Зельден, ты мне очень помогла, — Хью встал и направился к выходу, но девушка остановила его жестом.

— Скажи, а я буду фигурировать в твоей повести? — спросила она неожиданно.

— Разумеется, — Хью для убедительности похлопал по большому блокноту, в котором в течение всей беседы он делал пометки.

— Я бы хотела прочесть ту главу, в которой я буду упоминаться, прежде чем... — Зельден запнулась и через некоторое время продолжила, — прежде чем ты отдашь книгу в издательство.

— Непременно, Зельден, — пообещал Хью, и немного покраснел, потому что это было всё равно, что обмануть ребёнка.

— Подожди, Хью, — Зельден выбежала из комнаты и вернулась с толстым альбомом для вырезок. — У меня есть для тебя кое-что. Я делала вырезки из газет и журналов, что касалось пожара в «Синем вереске». Может, тебе пригодятся эти материалы.

Хью с величайшей благодарностью принял альбом и сказал:

— Зельден, я обязательно упомяну тебя в книге, как неоценимого помощника в её написании!

Зельден радостно улыбнулась, и Хью понял, что это была, пожалуй, её единственная улыбка от души за всю эту беседу.

Хью Барбер вернулся в свою квартиру. Ему не терпелось приступить к изучению альбома, но мать стала настаивать на беседе. Она вскипятила чайник и разложила аккуратно намазанные бутерброды с паштетом.

— Ну, как прошла беседа, — спросила мать, наливая Хью чашку чая.

— О, это чрезвычайно милая и услужливая девушка, она мне очень помогла, — ответил дежурной фразой Хью.

— Я так рада, зайка.

— Мама, имей в виду, я сказал, что пишу книгу, и мне нужно интервью с Зельден по некоторым вопросам.

— Так ты уже не работаешь в агентстве? — с тревогой в голосе спросила мать.

— Нет, мама, работаю, — терпеливо ответил Хью, — просто пока нет крупных заказов, я решил попробовать себя в другом деле.

Мать села напротив и, подложив под голову пухлые кулачки, с улыбкой уставилась на сына.

— Я всегда знала, что тебя ждёт большое будущее, — убеждённо сказала она. — Конечно, когда ты бросил юриспруденцию, я разочаровалась. Но теперь я вижу, ты стал на путь взросления.

Хью покивал ей, жуя бутерброды.

— О чём же эта книга? — спросила мать.

— Она о детской и подростковой преступности. Стиль скорее научно-публицистический, нежели художественный, — Хью посмотрел на часы и понял, что надо пойти в контору почитать материалы, так как дома сосредоточиться мать не даст.

— О, это должно быть интересно, зайчик мой, — мать поцеловала Хью в макушку, — и Зельден много об этом знает, она же подрабатывает в приюте и в церковной общине. Ты правильно сделал, что к ней обратился. Молодых людей и девушек всегда объединяет совместная работа.

Хью уже некогда было слушать рассуждения, дело шло к обеду, а работы было непочатый край, поэтому детектив Барбер приобнял мать и поспешил в офис.

Глава 6. Первый день расследования закончен

Почти три часа ушло у Барбера на изучение альбома. Перед ним была не только история поджога в «Синем вереске», а целое повествование о детстве Юю Майер. Конечно, детектива мутила несовпадение оценок Зельден и профессора Бреццеля, но подумав об этом, Хью решил, что профессор с мировым именем, да ещё и не один, а в компании коллег, вряд ли могли ошибаться на счёт Юю. А вот Зельден, которая явно не любила одноклассницу и к тому же ей завидовала, вряд ли могла разбираться в детской психологии и списывала странное, агрессивное поведение девочки на её избалованность.

Зависть Зельден была очевидной и подтверждалась подборкой толстого альбома с вырезками. Если бы интерес Зельден к семье Майеров ограничивался только громким преступлением, то она бы собирала документальные свидетельства пожара, но в альбоме были вырезки с 1970 года, когда о беде ничего не предвещало.

Видимо, Зельден с начальной школы обратила внимание на Юю Майер как на местную знаменитость, и стала коллекционировать вырезки.

Вот фотография с детского рождественского бала. Одна тысяча девятьсот семидесятый год. В центре Юджина Майер, держит за руку актёра в костюме Белого Зайца, широко улыбается и машет в камеру тонкой ручкой. Подпись под фото: «Якоб Майер организовал для детей пригорода роскошный рождественский бал. В центре внимания Юджина Майер, сыгравшая роль Алисы в стране чудес. Неплохо в постановке проявили себя дети муниципальной школы». Дальше следовали вырезки о спортивных состязаниях школьников, также заметки о пасхальных благотворительных неделях, о конных прогулках, которые организовывала семья Майеров, застольях праздника Сискенфорт и Парада коз, причём неизменно в центре внимания репортёров была Юджина Майер. Старые выцветшие вырезки Хью рассматривал пристрастно, на всех фотографиях Юджина приветливо улыбалась, была нарядной и весёлой. А что должен был он, собственно говоря, заметить? Звериный оскал юной убийцы?

Как гром среди ясного неба появилась первая короткая заметка о пожаре на вилле «Синий вереск». Сообщалось о том, что погиб Якоб Майер и пострадала Юджина Майер. Никаких комментариев семьи и полиции. Затем были публикации полицейского отчёта о результатах расследования, а также небольшое интервью с Лилиан Майер, данное ей спустя полгода после трагедии на вилле. Это интервью Хью Барбер прочёл с особым вниманием.

«Лилиан Майер после долгого молчания любезно согласилась поговорить с нашим постоянным корреспондентом Сабиной Риттер. Это интервью мы публикуем для развенчания мифов, которые в последнее время появились вокруг трагедии знаменитой семьи промышленников и меценатов нашего города.

— После окончания полицейского расследования, которое расставило все точки над «и» я считала необходимым заверить общественность в том, что «Пивная Империя Майеров» будет продолжать работать в прежнем динамичном ритме. Трагическая и нелепая смерть Якоба Майера не поставила точку на истории нашего семейного бизнеса, а только сплотила усилия по возрождению компании. Несмотря на то что полиция остановилась на версии поджога и непреднамеренного убийства моего сына Якоба его малолетней дочерью, я остаюсь при своём искреннем убеждении в ошибочности данных обвинений. Я считала и буду считать, что был нелепый и трагический случай, который совершенно не стоит

расценивать как преступление, пятнающее честь нашей семьи. Не стоит верить слухам о том, что от процветающего предприятия отвернулись партнёры и инвесторы. Эти слухи на руку нашим конкурентам, особенно немецким пивоварам, которые занимаются подчас не вполне честными захватами потребительских рынков. «Пивная Империя Майеров» сама отклонила ряд финансовых предложений по слиянию компании с другими предприятиями и репрофилированию её деятельности, так как эти предложения были неприемлемы с точки зрения политики компании и стратегии её развития, которую наметил Якоб Майер как прежний президент. Мы дорожим каждым нашим сотрудником, и рабочие места не будут сокращены».

Хью Майер зевнул и перевернул страницу, ему было понятно, что Лилиан Майер пыталась делать хорошую мину при плохой игре. Воспитать убийцу и психопатку, да ещё и потерять любимого сына — это будет давить непосильным грузом на любого, но такую, как Лилиан, видимо, не сломило.

Дальше следовали несколько заметок о благотворительной деятельности Лилиан Майер, но по понятным причинам в центре внимания Юджины Майер уже не было. Хью обратил внимание на смазанную фотографию девушки в джинсах и кедах, с распущенными волосами, пойманную объективом вполуборот с подписью корреспондента-папарацци: «Юю Майер на ежедневной прогулке». В кратком комментарии содержалось следующее: «Юджина Майер, на кокоторой лежит неснятое обвинение в убийстве собственного отца, подросла и стала привлекательной. Корреспонденту не удалось поговорить с ней, когда он запечатлел девицу Майер на прогулке, так как Юджина не была расположена к беседе. Юджина гуляет по Антверпену без охраны, но в сопровождении слуг. Учитывая это, нелишне задать властям вопрос: «Ждать ли жителям Антверпена новых поджогов и убийств?»

Хью Барбер пытался рассмотреть лицо Юю на фотографии, но качество печати оставляло желать лучшего. Трудно было понять, кто там вообще был запечатлён. Затем была вырезка из газеты, на которой имелась также нечёткая фотография Юю Майер, сделанная в летнем кафе. На снимке Юю, улыбаясь сидевшему напротив неё мужчине, потягивала коктейль из трубочки. Её спутник был снят со спины. Подпись папарацци гласила: «Обычный день наследницы империи Майеров». Далее шла статья такого содержания. «Интерес к Юджине Майер в обществе не утихает. Представители золотой молодёжи проводят время на горных курортах, модных показах и кинофестивалях. А чем занимается наследница империи Майеров? Вы удивитесь, если узнаете, что Юджина живёт практически одна в огромном полуразрушенном особняке «Синий вереск». Уцелевшие от пожара комнаты напоминают о страшном преступлении, которое совершила Юджина в припадке безумия. Видимо, деньги империи Майеров тают, как пивная пена. Поэтому особняк до сих пор не отреставрирован, да и сама Юджина уже не проходит лечение в дорогостоящих клиниках. Всем известно, что услуги психиатров слишком дороги. Но означает ли это, что подросшая убийца должна разгуливать по улицам среди ничего не подозревающих о её безумии гражданах и беззаботно пить коктейли в уличных кафе? Видимо, властям города эта проблема безразлична, или на покупку розовых очков для инспекторов по делам детства и семьи у Лилиан Майер хватает доходов?».

Хью хмыкнул, удивляясь наглости тона статьи, и стал рассматривать девушку с картинки. На вид ей было не более двенадцати лет, совсем подросток. Только очень высокая и худощавая. Ещё детская угловатость скользила в её фигуре. Личико юной преступницы

было довольно милым, если можно было судить по данному фото. Но, не будучи физиономистом, молодой детектив не мог определённо ответить на вопрос, могла ли Юю Майер быть девушкой с картины Бориса Казарина.

Дальше шла серия заметок о самоубийстве Юджины Майер.

В них для себя Хью Барбер не открыл ничего нового, кроме того, что журналист Тес Цандер дотошно опросил всех жителей Хобокена по побережью. И никто ничего не видел и не слышал. Продемонстрирована была фотография Юджины Майер, и только один старик узнал изображённую девочку, так как за несколько дней до её исчезновения видел фото Юю Майер в одной из газет.

Последней была заметка в виде интервью с Мирандой Майер. Спустя несколько лет молчания Миранда дала короткое пояснение журналистам: «Моя бабушка Лилиан не верит в смерть Юджины, её доброе измученное сердце не может смириться с потерей. Слишком много испытаний выпало на долю нашей семьи. Я подробно ознакомилась с отчётом полиции и полностью доверяю выводам специалистов. Вынуждена признать, что тело моей младшей сестры вряд ли найдут. В этой части Шельды достаточно сильное течение. Упокой, Господь, душу Юджины... Она в последние годы была совсем неуправляемой и причиняла нам много хлопот. Я испытываю огромное сожаление, что не могу возложить цветы на её могилу в семейном склепе. Но я буду молиться за её бессмертную душу. Надеюсь, что там, на небесах мой покойный отец и Юджина помирятся».

Хью закрыл альбом и потянулся. Он ничего нового не узнал, только картина стала более полной. В голове у детектива поселился червячок, который беспокойно шевелился. Хью казалось, что он просмотрел что-то важное, упустил что-то очевидное. Детектив ещё раз внимательно пролистал альбом. Червяк не успокоился. Хью вздохнул, решил, что неоконченному подозрению нужно время для того, чтобы оформиться в важную мысль.

Если Юджина жива, то она, безусловно, опасна. Вопрос только в том, когда она начнёт действовать. Барбер посмотрел на список контактов, которые были запланированы перед поездкой в Мюнхен. Трулте Яхимсон, Федерик Симонсон и Лилиан Майер. За один день можно вполне успеть.

Глава 7. Рыжая Трулте и Федерик Симонсон

Утром в офисе Хью Барбер получил удостоверение «Юнге Вельт» с отметкой о продлении, подивившись расторопности немецких партнёров, и папку от секретаря агентства — Ханны. Там был список журналистов «Юнге Вельт» с указанием о них кратких сведений. Эти документы Хью решил изучить по пути в Мюнхен. Покрутившись без дела и потрепавшись о том-о сём с Ханной, Хью «сел на телефон» и стал звонить в адресное бюро. Оттуда вежливо сообщили, что Федерик Симонсон уже не проживает по указанному адресу, а выбыл в неизвестном направлении. И Трулте Яхимсон два года назад съехала с прежней квартиры, не указав куда. Хью попросил дать ему список адресов всех Трулте Яхимсон в Антверпене и через десять минут уже получил длинную факсовую ленту. Шестьдесят человек! Кто бы мог подумать, что их столько! Барбер вооружился красным карандашом и стал вычёркивать из списка женщин старше двадцати лет и девочек моложе шестнадцати. В остатке обнаружилось пять фамилий. В разных концах Антверпена, без телефонов.

О, как это не любил Барбер! Он тут же пожаловался Ханне на нелёгкую судьбу, а та красноречиво указала на стену агентства. Её украшали выразительно выполненные таблички с изречениями Свена Свенсона. Одна из них гласила: «Волка и детектива ноги кормят». Хью вздохнул и отправился в путь по списку.

По первому адресу его встретила симпатичная брюнетка, которая ласково сообщила, что она никогда не училась в шестнадцатой муниципальной школе и не жила в Хобоконе.

Вторая квартира располагалась в таком же кондоминиуме, что и родной дом. Дверь ему после настойчивых звонков и стука открыла толстуха с сигаретой в зубах. Из-за дверей квартиры были слышны пьяные крики (и это в десять утра!). На вопрос о Трулте Яхимсон толстуха буркнула: "А ничего я не знаю о такой, сроду тут таких не было, если только это не хозяйка квартиры, чёрт её дери. А как же хозяйку звать? Черт её дери! Она давно в Брюссель укатила, а квартиру сдаёт мне"

Хью уже откланялся, но толстуха предложила пропустить стаканчик с утра, горло прополоскать. При этом полы халата толстухи распахнулись, обнажив волосатые коленки и вспухшие вены на икрах. От этого отвратительного зрелища Хью замутило, он поспешил ретироваться, даже не спросив адреса хозяйки в Брюсселе.

«Вернусь лучше, попозже, если не найду зацепки», — решил для себя Хью.

По третьему адресу в отдалённой части Вилрейна стоял заколоченный дом.

Детектив начал унывать. Расспросы соседей ничего не дали. Лишь одна старушка сообщила, что три года тому назад хозяева переехали, и адреса не сообщили. Трулте она помнит прекрасно, рыженькая такая девочка, она как-то встречала её в Антверпене, в кафе «Зелёный рай», где та работала официанткой. Вежливо обслужила старушку и рассказала, что даже замуж собирается. Хью уточнил место положение кафе и двинулся туда. Оставалось два адреса, но Барбер чувствовал, что их посещение можно отложить.

К кафе «Зелёный рай» на улице Хондстраат Хью подъехал только к шести вечера. В животе нещадно урчало, и было весьма кстати съесть что-то мясное, жирное и сочное. Кафе нельзя было отнести к числу солидных мест, но внутри аппетитно пахло, и народу было много. Хью нашел свободный столик, и к нему сразу же подошла официантка.

— Что будете заказывать? — поинтересовалась она.

— Мясное рагу и большую чашку чая. — сообщил Хью. — Скажите, а Трулте Яхимсон

тут работает?

Официантка пометила что-то в блокноте и с сомнением покачала головой.

— Ваш заказ будет через десять минут.

Хью ожидал позднего обеда, оглядываясь по сторонам. В кафе давненько не было ремонта, и видно, что раньше оно знавало лучшие времена. Наверняка, семейка Майеров в такие заведения и не заглядывала.

Когда Барберу принесли рагу, он удивился восхитительному аромату. Воистину голодному всё вкусно. Набивая рот мясом и картофелем, Барбер продолжал рыскать глазами по сторонам, как будто рыжая Трулте могла прятаться за стойкой бара или за музыкальным автоматом в углу. Барбер уже было закончил свой обед, как к нему вразвалочку подошёл мускулистый молодой человек и, опершись на кулаки, наклонился над столиком.

— Кто тут ищет Трулте? — грозно спросил он.

«Ох, — подумал детектив Барбер и закончил жевать, — как это всё некстати...»

— Я журналист и ищу Трулте Яхимсон.

— Писака, — скорее утвердительно, чем вопросительно протянул субъект, и без всяких предупреждений схватил Хью за воротник рубашки. Не прошло и пяти секунд, как молодчик оказался на полу, а сверху сидел Хью. Вокруг белела разгромленная посуда, а посетители с интересом взирали на драку.

— Я ищу Трулте Яхимсон, — повторил, запыхавшийся Барбер, — а не приключения на задницу. Мне надо поговорить с ней про Юджину Майер.

— Про кого? — удивлённо охнул молодчик, словно знал это имя.

— И про Федерика Симонсона.

— Так я и есть Федерик Симонсон, — пропыхтел молодчик и заёрзал, пытаясь сбросить с себя Хью.

Хью слез с Федерика и сказал галантно:

— Приятно познакомиться, — а официантке крикнул — Обед за его счёт.

Помирившиеся мужчины перевернули стол, водрузили на него скатерть и кое-как утварь, после чего Федерик кивнул Хью, и тот проследовал за ним в подсобку. Там оказался небольшой кабинет, заваленный упаковками для обедов навынос. На стене висело зеркало, в котором молодчик с лёгким смешком стал рассматривать шишку на голове сбоку:

— А здорово ты меня приложил, чёрт, — восхищенно сказал он, — это в редакциях такому учат?

— На писательских курсах, — огрызнулся Хью.

Молодчик заржал.

— Рассказывай, зачем пришёл, — отсмеявшись попросил Федерик, присев на краешек стола, Хью стоял рядом, скрестив руки на груди и хмуро глядя на парня.

— Мне нужно поговорить с Трулте об Юю Майер, ну и с тобой тоже.

— Ясно, — кивнул Федерик, — если ты хочешь что-то узнать — у меня спрашивай.

— А Трулте Яхимсон где? — спросил Хью.

— Не Яхимсон она, а Симонсон, мы поженились полгода назад. В роддоме она, вот, — шмыгнул носом молодой папаша.

— Мои поздравления, — удивился Хью Барбер.

— Не знаю, что тебе рассказать про Юю. Ну, была такая девчонка, была да сплыла, лет десять уже.

— Восемь, — поправил Барбер.

— Значит, восемь, раз говоришь. Я её лучше знал, чем моя жена. Я ж работал у Майерши на кухне поваренком, помогал старой Бо. Теперь вот свой ресторанчик, арендуем помещение, крутимся как можем. Сеструха работает, тёща и мы с Трулте.

Хью кивнул, а Федерик спохватился.

— А зачем тебе копаться в этой истории? Ты деньги хочешь заколотить?

— Я пишу книгу, — сообщил привычную легенду Хью Барбер. — Если расскажешь что-то интересное, то я тебе заплачу.

— А если «кинешь»? — недоверчиво скривил губы Федерик.

В ответ Хью Барбер пошуршал переднего носом двумя сотенными купюрами.

— Идёт, — согласился Федерик. — Спрашивай.

— Расскажи о поведении Юджины как до пожара, так и после.

— До пожара она ребёнком была, а я на три года только старше. Тоже, считай, был малец. Я жил у Майеров и на кухне поваренком работал, хотя мне было-то всего одиннадцать. Бо Олилвен — моя тётка, она пристроила меня работу, потому что мать моя пила до беспамятства, и в доме куска хлеба не было. Якоб Майер смотрел сквозь пальцы, кто там на кухне вертится, я думаю, он и не замечал меня. Юджину мы звали Юю. Её все в доме любили, хотя характер у неё ещё тот был, — Федерико обернулся. — Точно чёрт в юбке. Всегда придумывала, чем бы этаким заняться. Мы и в подводников играли, и в пиратов, и в покорителей этого, как его... Эвереста. Жратвы в доме всегда было от пуза. Ещё она придумывала карты рисовать, вроде как сокровища спрятаны, а мы должны были их отыскать, и подсказки писала. Найдёшь одну подсказку, а потом надо вторую искать. Иногда целую неделю её загадки разгадывали.

— А девочки были в вашей компании?

— Да, Трулте была, это точно. Она жила по соседству с «Синим вереском». Часто прибегала. Только они с Юю не больно-то ладили, Трулте была плаксивая, да и уставала сильно от беготни. И еще одна была — Зельден, кажется, звали. Стервоза еще та. Стукачка. Ходит и вынюхивает, и все шалости наши закладывала старухе Майер, прямо самый настоящий шпион.

— А ты замечал, что у Юджины не в порядке с головой?

— Нет... — задумчиво сказал Федерик. — Не было у неё ничего такого. Только вот как отец её погиб, тогда и началось всё. Полицейские забегались, то да сё. Свалили все на малышку. Тут кто хочешь с ума сойдёт.

— А ты думаешь, что это не Юю подожгла дом.

— Может, и не она. — пожал плечами Федерик, — зачем ей-то это? Я вот думаю, что ей за польза? Я читаю много, ты не думай. Например, я всю подборку детективов Агаты Кристи прочитал. Про Эркюля Пуаро и про мисс Марпл. Так вот, что я скажу: искать надс того, кому было выгодно.

— Разве Юю было не выгодно? Она стала единственной наследницей состояния Майеров.

— А что она до этого последний сухарь догрызала? — ухмыльнулся своей шутке Федерико. — У ней всё было, что её душенька пожелает. А зачем ей пивзаводы? Куклы есть, платьев — все шкафы забиты. Каждый день жратва от пуза, да не самая плохая. И бассейн во дворе, и качели всякие. Клоуны домой приходили ее развлекать. У неё пони был... Представляешь?

— Ладно, а что потом, после пожара? — Хью передал одну купюру, которая сразу

исчезла в заднем кармане джинсов Федерика.

— А после пожара уже всё изменилось. Сначала девочку отправили в больницу, у неё вся задница и ноги обгорели, офигеть. Потом в психушку. А я тоже уже не работал у Майеров, меня в приют определили, так как мать совсем спилась. Я встретил Юджину уже спустя три или четыре года, случайно на улице. Она так мне обрадовалась, мы пошли в летнее кафе и там посидели и поболтали о том-о сём. Не скажу я, что у неё жизнь весёлая была. Да ещё и журналисты вроде тебя донимали. Один прямо при мне прилепился как банный лист ну я и двинул ему в хохотальник.

— Что тебе Юджина рассказывала?

— Сказала, что хочет покончить с собой, я прямо в шоке был. Я её уговаривал как мог, мол, всё образуется, изменится. Приводил себя в пример. У меня после приюта жизнь на лад пошла, я стал в кафе работать, копейка в кармане появилась. Она сказала, что не видит никакого выхода. Недолго мы тогда посидели, а потом недели не прошло, как по всем газетам раструбили, что она утонула в Шельде.

— А ты веришь, что она утонула? — спросил Хью.

— А что ж не верить, я сам был в добровольческом отряде. Туфлю её нашёл. — Федерико шмыгнул носом и просительно посмотрел на Хью. Хью протянул ему вторую купюру.

— Спасибо, друг. Передавай Трулте привет. И не будь таким быком.

— Та ладно, ты ж должен понимать. Трулте у меня девочка что надо. Красивая. Липнут всякие к ней. Думают, что если официантка, так будет с каждым хвостом крутить. Ну, понятно, я сразу ж взбеленился, как тебя увидел. Не серчай.

Хью пожал руку молодчику и ушёл в раздумьях.

Свен Свенсон всегда учил младшего коллегу подводить итоги проделанной работы. Даже настенная табличка гласила: «Спроси себя, что ты сделал сегодня?» Хью Барбер подытожил, черкая в блокноте, что ближайшие друзья Юю Майер, а именно Трулте, Федерик и Зельден вряд ли причастны к побегу Юджины из дома. Оставался Констант Смолланд, числившийся садовником у Майеров. Говорить с ним надо было осторожно, и спросить прежде разрешения хозяйки поместья «Синий вереск», так как это могло нарушить конфиденциальность контракта. Не заявится же Хью в особняк: «Здравствуйте, я пишу книгу о Юджине Майер». Констант без разрешения хозяйки вряд ли откроет рот. Значит, надо начинать с Лилиан Майер.

В планах до отъезда как раз и была встреча с заказчицей. Хью, не теряя времени, позвонил Юргену Баху, чтобы договориться об этой встрече. Юрген Бах сказал, что госпожа Майер занята и просил подождать. Хью успел доехать до дома, принять душ и выслушать тысячу вопросов от матери о том, как продвигается книга.

Лилиан Майер сама перезвонила Хью и на удивление сухо сообщила ему, что встретиться с ним никак не может по причине занятости, и посещение виллы «Синий вереск» для беседы с Константином Смолландом в настоящее время не целесообразно. Она просит Хью как можно скорее прибыть в Мюнхен для поисков Юю Майер. Хью был крайне удивлён таким поворотом беседы, так как привык сам решать, что целесообразно, а что — нет в его расследовании. И не преминул сообщить об этом в мягкой форме Лилиан. Та, немного помолчав, согласилась с ним и сказала, что не возражает против телефонного разговора, в котором она может ответить на все интересующие Хью Барбера вопросы, но встречу с Константином просит отложить.

Хью, предпочитавший личный контакт беседам по телефону, недовольно скривился, но задал заказчице несколько вопросов.

— Уважаемая госпожа Майер, размышляя над версией побега Юю из дома не с целью дальнейшего самоубийства, а именно с целью сбежать, как говорится, я пришёл к выводу о том, что Юджине требовался помощник, и, возможно, не один.

— Почему вы так решили?

— Юджина убежала из дома в пижаме и туфельках. Вряд ли она могла оказаться незамеченной на улицах города, ведь вилла «Синий вереск» не стоит на берегу Шельды?

— Хм, этим вопросом задавались полицейские, но пришли к выводу о том, что от «Синего вереска» до берега Шельды немногим более километра, и нет ничего странного в том, что Юджину никто не заметил поздним вечером или ночью. Слуги также спали. А пропажу внучки обнаружили только к двенадцати часам, когда она не спустилась ни к завтраку, ни к ленчу. Скорее всего, она убежала из дома ночью.

— Вещи Юджины пропали?

— Мы проверяли не только детскую, но и весь дом. И заметили, что ничего существенного не пропало, кроме коричневого болоньевого плаща. Видимо, она в нем ушла из дому.

— Не правда ли, странно. Девочка идёт топиться на Шельду и надевает плащ, чтобы не замёрзнуть?

— Я твердила об этом полицейским, но они меня не слушали.

— Плащ, я так полагаю, не нашли?

— Нет.

— Ценности и дорогостоящие вещи не пропали?

— Нет, насколько я помню. Даже наличные деньги, хранившиеся в библиотеке, остались нетронутыми.

— Кто-либо приезжал к Юджине накануне её побега или за пару дней до этого?

— Нет, слуги бы знали.

— А сама Юджина ходила куда-либо?

— Как обычно, она совершала ежедневную полуторачасовую прогулку и посещала психиатра за три дня до гибели.

— Психиатра Губерта Зильберштейна?

— Именно его. Полиция задавала ему вопросы, но он ничего не знал о намерениях Юджины, сказал, что её поведение не вызывало опасений. Она лишь жаловалась на папарацци, которые преследуют её на улицах.

— А папарацци удалось допросить? Об этом нет ничего в полицейских отчётах.

— С одной из газет у нас была долгая тяжба, и мне удалось добиться взыскания морального вреда за травлю моей внучки, — трубка вздохнула и помедлила. Видимо, Лилиан Майер не хотелось рассказывать о таких неприятных вещах. — Корреспондент был уволен, но найти связь между самоубийством Юю и действиями папарацци полиции не удалось.

— Как вы полагаете, кто-то из слуг мог содействовать побегу Юджины?

Телефонная трубка помолчала.

— Трудно сказать. С Бо Олливен у Юджины были сложные отношения. Они не ладили. Домоправительница заботилась о моей внучке, можно сказать, полностью обслуживала её: готовила, убирала, сопровождала на прогулки. Но Юджина к ней относилась плохо, иногда

бросала в неё вещи, даже пыталась бить Бо.

— А Констант Смолланд?

— Он с детства был рядом с Юджиной, они были друзьями, но после пожара практически перестали общаться. Констант занимался садом, в доме почти не бывал... Также он выполнял мелкие поручения в связи с покупками и оплатой счетов. Бо Олливен следила за тем, чтобы Юю и Констант не входили в контакт. Сами понимаете, два подростка, которые могли бы оставаться наедине... учитывая неопытность и незащищенность больной девочки.

— Да... Береженого бог бережёт.

— Но, всё же, не стоит исключать Константа из списка подозреваемых в причастности к побегу Юю, — неожиданно для Хью сказала Лириан. — пожалуй, я сама с ним поговорю до вашей встречи. Посмотрю на его реакцию, может, моё чуткое сердце и даст мне подсказку. Вы не возражаете?

— Ммм, хорошо, — неуверенно протянул Хью Барбер.

— У вас есть еще вопросы?

— Да, — нетерпеливо ответил Хью. — Обо всех ли друзьях и знакомых Юджины мне стало известно из документов?

— Моя внучка была совсем юной, она училась в школе, много общалась с представителями прессы и различных организаций, она была в центре внимания. Но после ужасной трагедии с Якобом всё как-то быстро отвернулись от Юджины, самое её имя словно стало под запретом. Она оказалась в полной изоляции от своего класса. Я в немалой степени переживала об этом, но профессор Бреццель утверждал, что пока мы не будем уверены в стойкой ремиссии у Юю, то ей не следует расширять круг общения... Это могло быть опасно как для них, так и для неё самой. Больные люди ведь очень ранимы, не так ли?

— Видимо, да, — Хью почувствовал, что инициативу разговора он безвозвратно потерял.

— Так что компания Юю — это слуги виллы «Синий вереск», врачи да мы с Мирандой.

— Я бы хотел также поговорить с Мирандой, если вы позволите. — сказал Хью Барбер.

— Если в этом есть необходимость, то я не против, однако моя внучка до конца месяца будет в Мексике, она путешествует с бой-френдом.

— Нет, столько я ждать не могу, — пробормотал Хью. — А Миранда не жаловалась на то, чтобы к ней поступали какие-либо угрозы?

— Нет, мне об этом ничего не известно. Прошу вас не медлить и начать поиски Юю в Германии. Благословляю вас, мой мальчик, — со слезами в голосе сказала госпожа Майер и повесила трубку.

Хью Барбер прошёлся по своей небольшой комнате. Ему очень не нравилось, что в его расследовании имеется только одна версия: Юю жива, прячется от родных, но при этом угрожает им и шантажирует свою бабушку. Это противоречило здравому смыслу и официальным документам полицейского расследования гибели девочки. И, главное, что Хью не мог понять, зачем Юю это понадобилось?

Глава 8. Неудача в Мюнхенской галерее

14 августа 1984 года Хью прибыл в Мюнхен, к стыду своему, он заметил, что чувствует себя чужаком в этом огромном старинном городе. Хью Бабер никогда не покидал Бельгии, и первая поездка за границу была для него подлинным культурным событием. Его интересовало всё — от устройства крупного аэропорта «Мюнхен Рим» до фасонов платьев немецких красоток, от Фрауэнкирхе до цен в ближайших закусочных. Ещё в самолёте Хью внимательно прочёл сведения о сотрудниках «Юнге Вельт», чтобы не выглядеть бледно перед случайными читателями немецкой передовой прессы. Благо, на память Хью пока не жаловался. Остановившись в небольшом отеле «Паллада», Хью вернулся к обдумыванию планов поисков. Разумеется, начинать следовало с Мюнхенской художественной галереи. Вполне вероятно, что никаких личных данных о живописцах и их моделях ему не сообщат, о натурщицах им вряд ли известно вообще, а о художниках организаторы выставки могут скрывать сведения из соображений конфиденциальности. Надо подумать перед посещением галереи, для чего журналисту искать встреч именно с Казариным? Возможно, желание получить интервью. Хью поразмышлял и решил оставить эту версию. Но если ему не улыбнётся удача, и он не получит адреса Бориса Казарина, то что делать дальше? Не шататься же по улицам и не приставать к прохожим в огромном городе...

У себя в Антверпене или Брюсселе он всегда мог получить адресную справку, а как обстоят дела с этим в Германии? Хью не знал. Он попросил администратора отеля принести ему телефонный справочник. Пролистав его на букву «Б» и «К», Хью не удивился тому, что Борисов Казариных в справочнике нет. Для интереса он пролистал справочник с целью поиска Юджины Майер. Такие были, целых десять человек, и Хью выписал их телефоны и адреса, на всякий случай.

«Проблемы надо решать по мере их поступления», — вспомнил детектив Барбер наставления шефа Свенсона и отправился в душ. По возвращении съел плотный завтрак, оделся в новый костюм в едва заметную полоску, ведь не в бар идёт, а в галерею, и отправился в путь. Преодолев духоту мюнхенских автобусов, сделав две пересадки и чуть не заблудившись, Хью решил взять к вечеру в аренду автомобиль и подробно изучить карту города. Слегка расстроенный от мысли, что он потерял много времени попусту, сыщик попал в галерею только к трём часам дня. Побродив по ней, он не получил эстетического наслаждения. Как говорится, красота в глазах смотрящего. А Хью разбирался в живописи так же слабо, как в китайской народной медицине. И никакой особенной красоты или очарования в картинах Хью не заметил.

Разумеется, его внимание привлёк «Ангел». Кстати говоря, большинство посетителей останавливалось именно возле этого портрета. Барберу было непонятно, оценивают ли зрители мастерство художника или красоту модели. Хью понаблюдал за лицами вокруг. Откровенных зевак не было. Все ходили с одухотворенным видом, с полными глубокого значения минами. Хью попытался завязать разговор с парой посетителей, но они явно были не расположены к беседе, и ретировались сразу же. Хью со вздохом обратился к молодой смотрительнице галереи, судя по бейджику — члену волонтерского движения.

— Добрый день, меня заинтересовала эта картина. Вы не знаете художника? — Хью был воплощением любезности.

Девушка покраснела и покачала головой, и подойдя к картине ближе прочла на

табличке «Борис Казарин» с ударением на последний слог.

— Нет, я не знаю его. Я тут недавно.

— А с кем я могу поговорить о творчестве этого художника?

— Ой, — смутилась собеседница, — наверное, с фрау Гольберг — директрисой выставочного центра. Её кабинет на втором этаже налево по коридору. Там увидите табличку.

Хью откланялся и двинулся на по лестнице. По пути он задержался, заметив ещё несколько портретов кисти Бориса Казарина, не таких больших полотен, но всё же, интересных. На одном была изображена пожилая женщина в нелепой шляпе с подсолнухами, картина называлась «Неизвестная», а на третьем был портрет маленькой девочки, обнимавшей щенков лабрадора. Лица малышки было не видно, только курносый носик, на голове был детский чепчик с кружевом, и вся картина была «очень кружевная» — платице, завитки шерсти собак. Подпись под полотном «Друзья».

Детектив Барбер без труда нашел кабинет фрау Гольберг и постучал. У фрау Гольберг не было секретаря. Судя по всему, дела хозяйка галереи вела лично, поэтому поверхность её стола спряталась под стопками бумаг. Папки, конверты и разрозненные листки, кипы журналов и буклетов лежали на полках, на подоконнике и даже на полу в углу комнаты.

— Добрый день, фрау Гольберг, — детектив предъявил удостоверение журналиста «Юнге Вельт», — меня зовут Петер Петерс, запомнить легко.

— Добрый день, герр Петерс, чем могу служить? — фрау Гольберг выглядела усталой и озабоченной. Эта, несомненно, красивая женщина начала преждевременно стареть. На загорелом лбу виднелись длинные продольные морщины, а щёки и шея стали дряблыми. Светлый брючный костюм не скрадывал оплывающие формы. Фрау не скрывала, что ей не терпится избавиться от посетителя, который отрывает её от дел. Присесть Хью Барберу она также не предложила.

— Я командирован «Юнге Вельт» в Мюнхен для написания статьи о вашей выставке. Решено делать ежемесячные обзоры крупных культурных мероприятий.

— Странно, — удивилась фрау Гольберг, я буквально три дня назад говорила с выпускающим редактором Фрицем Циммерманом, и он ничего мне об этом не сказал.

— Возможно, фрау Гольберг, главный редактор не посвятил Фрица Циммермана в эту идею. — Хью старался выглядеть смущённым. — Видите ли, я работаю в газете немногим более года, мне ещё не доверяли таких ответственных поручений, и я сам сомневаюсь, что в полной мере оправдаю надежды начальства. Я им говорил, что лучше с этой задачей справился искусствовед, к которым вполне можно отнести господина Циммермана, учитывая его уровень образованности и энциклопедический ум, — Хью несло по волнам сладкой лжи, фрау Гольберг с кислым видом кивала ему, — но главный редактор сказал, что мыслит данный репортаж именно в ключе свежего и незамутнённого взгляда обывателя, коим я и являюсь, к моему прискорбию.

Фрау Гольберг кивнула с высокомерным видом, а Хью смущенно покашлял.

— Одним словом, учитывая аудиторию нашей газеты, было решено, что искусствоведческий обзор — это не совсем то, что требуется. Я бы хотел не только рассказать о выставке как таковой и о современных тенденциях в мире изобразительного искусства, но и встретиться с художниками, их моделями и побеседовать с ними. Чтобы рассказать простому читателю, как рождается произведение искусства, что объединяет все представленные картины... — тут Хью запнулся, — и так далее.

— Я поняла вашу задачу, герр Петерс, — кивнула ему фрау Гольберг, — только вот я не знаю, чем могу вам помочь. — Я занимаюсь решением кадровых, финансовых и других управленческих вопросов. В силу этого я, в принципе, не могу дать вам нужной информации.

— Понимаете, вы могли бы содействовать мне, предоставив сведения о художниках выставки, я бы встретился с теми, кто открыт для общения... — начал было Хью Барбер.

— На выставке «Лица и лики» представлены работы восемнадцати художников, а в наших залах проходит одновременно пять выставок и планируется ещё две, а также ряд мероприятий, подготовкой занята именно я. И у меня совершенно нет времени, прошу меня понять. — фрау Гольберг красноречиво развела руками вокруг, показывая, как она завалена делами.

— Но я же не прошу сопровождать меня по выставке, организовывать встречи с мэтрами. — просительно улыбнулся Хью. — может, вы дадите мне контакты живописцев. А с ними я уж встречу сам.

— Хорошо, — уступила фрау Гольберг, — я сейчас направлю вас к бухгалтеру, посмотрим, что можно вам помочь.

Хью понял, что для Фрица Циммермана эта стареющая дама расстаралась бы на славу, но он поблагодарил фрау Гольберг и направился далее по коридору в кабинет номер семнадцать.

Бухгалтер была также неблагосклонна, покопавшись в записях, она, сдвинув на лоб очки, сообщила, что может дать адреса только шести художников, назвав их фамилии. Среди них не было ни Бориса Казарина, ни Юджины Майер.

— А остальные художники? — спросил Хью, забирая список в папку.

— Вам мало? Вы же не энциклопедию писать станете, — фыркнула бухгалтер.

— Простите, но я видел в буклете потрясающий портрет работы Бориса Казарина, и посещение сегодняшней выставки также укрепило меня в мысли, что он один из самых значительных авторов, возле этого портрета больше всего посетителей. — упрямо сказал Хью.

— Что до Бориса Казарина, то тут я вам точно ничем не помогу, — фыркнула снова бухгалтер. Я с ним лично никогда не общалась, в галерею он не приходил, все дела он ведёт через своего представителя, так сказать — агента. Могу дать его телефон.

Хью кивнул, после чего секретарь выудила номер телефона из записной книжки и переписала на листок из блокнота. С кислой миной она протянула его Хью.

— Виктор Шилов, — прочёл детектив.

— Эти странные русские никому не доверяют и ведут дела только между собой, вам нелегко придётся, — впервые за весь разговор проявила сочувствие секретарь.

Выйдя из здания Мюнхенской художественной галереи, Хью развернул карту и нашёл прежде всего ближайший пункт проката автомобилей. Уже через полтора часа он стал временным владельцем подержанного БМВ — 700. Теперь по городу передвигаться он мог без проволочек. Хью остановился у ближайшего таксофона и позвонил агенту Казарина.

— Добрый вечер, господин Шилов, — начал разговор Хью Барбер.

— Слушаю, — произнес неприветливый голос.

— Ваш телефон мне дали в Мюнхенской художественной галерее, я журналист, мои имя Петер Петерс. Я работаю в берлинской газете «Юнге Вельт».

— Так.

— Я пишу очерк о выставке «Лица и лики» и хотел бы встретиться с Борисом Казариным, получить у него интервью.

— Борис Казарин не даёт интервью и не встречается с журналистами. Всего доброго, — отрезал Шилов и недружелюбно повесил трубку.

Хью с досады брякнул трубкой таксофона и вышел на душную улицу.

«Что имеется в сухом остатке на сегодняшний день?» — размышлял он. Есть список адресов десяти Юджин Майер, которых надо проверить. Есть телефон Виктора Шилова, по которому я могу установить место жительства и начать слежку. Хорошо, если Виктор Шилов живёт в Мюнхене, а если нет? Также надо бы собрать о Борисе Казарине хоть какую-то информацию, чтобы была зацепка».

Вернувшись в номер гостиницы, Хью Барбер нашёл в телефонном справочнике адрес Виктора Шилова. На счастье детектива Виктор не скрывал своего места жительства, а спокойно зарегистрировался в Нойперлахе — не самом престижном районе Мюнхена. Туда Хью решил отправиться спозаранку. А пока Хью Барбер позвонил Ханне и попросил помочь собрать информацию о художнике Борисе Казарине, что только можно из открытых источников. Ханна была очень недовольна, но обещала помочь за коробку шоколада. Затем молодой детектив начал звонить по телефонам Юджинам Майер. Он понимал тщету этой деятельности, но не отступая от плана.

Три первые Юджины не ответили на звонок. Четвёртый номер отозвался автоответчиком. Хью сообщение оставил, отрекомендовавшись журналистом Петерсом. Пятый звонок был результативным и бесполезным одновременно. «Вот тебе и амбивалентность», — усмехнулся Петер Петерс. На другом конце провода молодой голос сообщил, что она — Юджина Майер внимательно слушает. Мнимый Петерс сообщил кратко свою легенду и выслушал удивлённый ответ:

— Это какая-то ошибка, я никогда не позировала художникам и сама никакого отношения к искусству не имею. Я работаю медсестрой в хосписе, но если вы настаиваете на встрече, я, пожалуй, могу завтра после дневной смены с вами встретиться.

Петеру Петерсу пришлось отмахнуться от встречи под благовидным предлогом завтрашней занятости.

Отдышавшись, Хью Барбер продолжил звонки. Снова номера не отвечают.

Детектив вспомнил, что неплохо бы пообедать и направился на поиски недорогого кафе.

Глава 9. Суп как катализатор поисков

Сделав заказ в людном кафе «Осенний шмель», Хью предался размышлениям. Он постоянно возвращался к визиту в психиатрическую клинику. Сыщика удивляла разность в оценках поведения Юю, которые давали её приятели и профессор Бреццель. Но приятели могли быть просто некомпетентны, и не понимать, что их подружка больна, списывая ее странности и агрессию на недостатки воспитания. К тому же сам Бреццель утверждал, что к Юю с детства не относились как к больной, не учитывали её тяжёлую наследственность. Бреццель выглядел исключительно убедительным, хотя сам, как оказалось, лечением Юю не занимался. Старый хрыч зато на ней сделал свой научный капитал. На ней и на таких, как она, включив их «типичные случаи» учебник психиатрии. Так Бреццель добился невероятной популярности как ученый и педагог.

Хью рассеянно хлебал гороховый суп, дивясь гигантскому размеру порции. При этом он припоминал прочитанные статьи об изобретательности и изворотливости шизофреников. Была ли такой Юю изначально, или хитрость появилась в ее характере вместе с болезнью? Предположим, она давно замыслила побег и выждала удобного момента для этого, а дождавшись — воспользовалась им. Но одно дело обмануть семью, а другое дело — полицию. Ведь не нашли никаких следов, и дело представилось как самоубийство. И где всё это время находилась Юю? В Антверпене, в Бельгии ли вообще или пересекла границу? Хью от злости звонко хлопнул себя ладонью по лбу, что даже пожилая пара за соседним столиком перестали жевать и уставились на странного молодого человека. Надо же было начать поиски с изучения картотек социальных сирот и детей — бродяжек, а также проверить все случаи усыновления иностранцами!

Хью в бессилии откинулся на спинку кресла. Предстояло перелопатить уйму материалов, встретиться со всевозможными чиновничьими препонами, наткнуться на тайну усыновления и остановиться в тупике. Хью продолжил в великой печали хлебать суп.

Через некоторое время его посетила другая мысль. Случайно ли Лилиан Майер дала ему буклет? Она ведь направляла его поиски именно к Борису Казарину. Хитроумная госпожа не горела желанием отыскать внучку вообще. Она чётко сказала: «Я плачу вам гонорар за то, чтобы вы нашли эту девушку с портрета и установили её идентичность моей внучке». Вот странное дело! А если внучка жива, но к художеству Бориса Казарина не имеет никакого отношения? Её не надо искать?

Что-то было не так, и что «не так» Хью Барбер не понимал. Доев суп, он приступил к уничтожению гуляша. После ужина он несколько повеселел, вспомнив слова Зельден Линденбрант: «У богатых свои причуды». Зря он так упёрся в задачу поиска Юджини Майер. От детектива требовалось найти Бориса Казарина да и вытрясти из него начистоту сведения о его натурщице. Вот и всё.

Хью повеселел: вот что делает с человеком обыкновенный гороховый суп да свежая свинина.

Барбер нашёл адрес Виктора Шилова на местности довольно быстро. Консьержка многоэтажки подтвердила, что Виктор Шилов действительно живёт в семьдесят четвёртом номере, но появляется дома только вечером. Барбер оставил Виктору Шилову записку с просьбой перезвонить в отель «Паллада» по поводу интервью с Борисом Казарным. Хоть он и не надеялся на звонок, но возбуждать подозрения у консьержки не стоило.

Сообразив на выходе, что совершенно не представляет внешность Виктора Шилова, Хью повернулся на каблуках и спросил консьержку, которая читала дамский роман.

— Фрау, а Виктор Шиллов — это такой высокий брюнет с проседью?

— О нет, молодой человек, — улыбнулась консьержка, — это толстоватый такой шатен, и на носу у него бородавка.

Мнимый журналист рассыпался в благодарностях и вышел из подъезда. Прошатавшись без дела по Мюнхену, вдоволь налюбовавшись старинными особняками на Мариенплац, Барбер вернулся к дому Виктора Шилова около шестнадцати часов. Сидя в БМВ-700, Хью рассматривал прохожих. Как бы ему хотелось, чтобы Виктор Шиллов явился домой в компании юной Юджины! Хотя Барбер даже примерно не представлял, что он будет в этом случае делать, мечта была такой чёткой. Он стал "крутить сюжет" дальше. Вот юная красавица появляется у подъезда. Что же следует сделать... Схватить Юджину и принудительно «откатать ей пальчики»? Похитить Юджину и привезти силком в багажнике БМВ-700 в Антверпен? Вопросов в голове Хью роилось множество. Самым сложным было не только найти девушку с картины, но и войти с ней в контакт и каким-то образом получить её отпечатки пальцев. Как это сделать половчее — Хью не знал. Может быть, сахарнуть её чем-то тяжелым по голове, и пока она будет в отключке, снять отпечатки пальцев? Этот вариант вполне подошёл бы к мужчине-сопернику, но разве можно так обращаться с девушкой, даже если она преступница...

Размышления не мешали Хью крутить головой, рассматривая улицу в обоих направлениях. Виктора Шилова ему удалось заметить издалека. Чтобы не привлекать внимания, Хью Барбер стал копаться в отделении для перчаток, а затем протирать переднее стекло автомобиля. Виктор просоедовал мимо и зашёл в подъезд дома. Было около восемнадцати часов. Барбер посидел ещё полчаса, но Виктор не вышел. Тогда детектив решил на следующее утро пораньше последить за таинственным представителем Казарина и вернулся в гостиницу.

Там он справился у портье о том, звонили ли ему. Тот отрицательно покачал головой. Это было ожидаемо для Хью. Ханна так быстро не могла собрать материалы о Казарине, а Виктор Шиллов вряд ли придавал значение оставленной у консьержки записке.

«Итак, — Барбер подвёл итог дня, — маловато. Я нашёл Виктора Шилова, теперь нужно, чтобы он привёл меня к Казарину».

Следующие три дня Хью Барбер таскался за Виктором Шилловым по всему Мюнхену. В крупном супермаркете детектив чуть было его не потерял. Н на какую «работу» объект не ходил. Он посетил дантиста, купил продукты, шуруповёрт, три пластинки в музыкальном магазине, причём оплатил доставку курьером, а не забрал с собой. В один из дней Виктор обедал в летнем ресторанчике, в два других дня возвращался домой и подолгу не покидал квартиры. К нему никто не приходил, и он не ходил в гости. Хью начал отчаиваться. И вот на четвёртый день, когда Барбер уже собрался было покинуть наблюдательный пост у квартиры Шилова, он увидел, как к дому подкатило такси, через минуту из подъезда выскочил сам Шиллов и, натягивая на ходу ветровку, устроился на заднем сиденье. Хью сразу "сел на хвост" и поехал вслед. Шиллов ни разу за три дня не показал, что он обнаружил за собой слежку, и Хью был вполне спокоен. Он видел, что приключения начинаются. Возможно, вот именно теперь Шиллов приведёт детектива к Казарину.

Такси ехало на окраину Мюнхена, и Хью следовал за автомобилем. Возле старинного особняка в конце улицы неподалёку от церкви Марии Шульц, такси остановилось. Виктор

расплатился с водителем и отпустил машину. Выкурив сигарету, он вошёл в особняк. Хью, поколебавшись, оставил машину в ста метрах от особняка и проследовал за Виктором. Конкретного плана у него не было, и он чувствовал себя неуверенно Старый и обветшалый дом неприятно удивлял своей заброшенностью. Что может там делать Виктор? Хью открыл дверь и вошёл в коридор. Было совершенно темно и пахло затхлым. Неожиданно Хью услышал восклицание: «Попался, собака!» и получил удар в темя, от которого в его ушах зазвенело, а в глазах потемнело. Одураченный Хью охнул и кульком осел на ступеньки.

Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что его руки и ноги связаны, а сам он лежит на полу. Ему в лицо светил луч фонарика, и Хью зажмурился. Во рту Барбера был кляп, для надёжности примотанный скотчем. Голова болела, но всё равно Хью попытался повертеть шей, чтобы осмотреться. Напротив него на корточках сидел Виктор Шилов. Он светил фонариком в лицо Хью и курил. От пущенной в лицо струи дыма Барбер закашлялся, а Виктор Шилов спросил по-русски:

— Ты кто такой?

Барбер замотал головой и замычал. Шилов больно отлепил скотч и вытащил кляп изо рта Барбера, снова сказав по-русски:

— Будешь орать — глотку перережу.

— Не понимаю, — искренне прокряхтел Барбер.

— Не понимает он, собака! — возмутился Шилов уже по-немецки и пнул Барбера бок, попав akurat по левой почке.

Барбер застонал и стал униженно просить:

— Не бейте меня, я журналист! Я не хотел ничего плохого, не бейте, прошу вас. Отпустите меня, я дам вам денег.

При этом Барбер крутил головой, пытаясь понять, где дверь и сколько человек в помещении. Дверь он не увидел, но догадался, в помещении они с Шиловым одни.

Шилов сзади схватил за плечи Барбера и усадил на пол прямее.

— Давай говори! Зачем следил за мной? Кто послал тебя? — сказал Шилов по-немецки.

— Меня послали писать репортаж, я из газеты «Юнге Вельт», можете посмотреть удостоверение в кармане, — плаксивым голосом сказал Барбер. С каким же удовольствием он сейчас бы врезал Шилову, тем более, что тот опасно наклонился, чтобы вытащить удостоверение мнимого Петера Петерса. Но это означало бы раскрытие легенды, что не входило в планы Барбера.

— А, — протянул с неудовольствием Шилов, — я думал, что ты агент КГБ, а ты всего-навсего шавка из газеты! Что тебе надо? Грязью русских обливать? — Шилов снова пнул Барбера в бок.

— Не бейте меня, — захныкал Барбер, — я всего лишь очерк пишу, хотел написать о Борисе Казарине.

— Я сказал же тебе, что господин Казарин не даёт интервью, — усмехнулся Шилов, обнажив кривые зубы.

— Да я теперь уже понял, — хныкал Барбер, — отпустите меня, я тут же уеду, я честное слово никому не скажу, что тут было.

— Ещё чего, — ухмыльнулся Шилов, — того и гляди — побежишь в полицию. — Я тебя тут запру ненадолго, — сказал Шилов, осмотревшись по сторонам. — Как проверю твою физиономию по своим каналам, так выпущу. А ты тихо сиди, я приду скоро. — Шилов

неосмотрительно повернулся к Барберу спиной, за что и получил удар прямо в то место, где спина теряет своё гордое название. Барбер, изогнувшись, изо всех сил ударил Шилова связанными ногами. От неожиданности Шилов не удержался на ногах и упал навзничь. Уже через секунду Барбер прыгнул на него сверху, Шилову удалось перевернуться на спину, и он предпринял неуклюжую попытку встать, хотя совершенно напрасную. Шилов повернулся к детективу, и Барбер нанёс ему сокрушительный удар лбом в лицо, отчего Шилов обмяк и потерял сознание. Когда он очнулся, шустрого репортёра уже не было в особняке.

Хью не имел никакого желания пытаться или мучить Шилова, это был человек с явно расшатанной психикой. Тем более что силовые методы поиска Юю Майер не входили в планы Барбера. Ему следовало теперь только ретироваться и не попадаться на глаза Шилова. И следить за ним было совершенно бесполезно.

Последняя ниточка, ведущая к Казарину, обрывалась.

Барбер вернулся в гостиницу. Портье поинтересовался, нужна ли Барберу помощь. И хотя костюм был испорчен, Барбер отмахнулся и поблагодарил услужливого сотрудника «Паллады».

— Неудачно пристал к фройляйн. Она оказалась каратисткой, — отшутился Барбер.

Вернувшись в номер, незадачливый сыщик с сожалением оглядел себя в зеркало. Полосатый пиджак был порван и испорчен безвозвратно, брюкам ещё помогла бы химчистка. На лице красовался внушительных размеров кровоподтёк, который к завтрашнему дню обещал стать фиолетовым фингалом. На затылке прощупывалась небольшая шишка. «Мдя, — подумал Барбер, — какой же я дурень! Шилов заметил слежку, вот и результат». Сокрушённо покачав головой, завернув в банное полотенце несколько кубиков льда для коктейля из холодильника, Барбер приложил компресс к левому глазу и стал обдумывать стратегию дальнейших действий. Стратегию обдумывать никак не получалось, потому что в своих мыслях Барбер постоянно возвращался к своему позорному провалу. Так ничего и не придумав, он лёг спать.

Глава 10. Шляпа с подсолнухами

Наутро Хью записал в блокнот всё произошедшее с ним за последние дни. Это помогало систематизировать мысли, говаривал шеф Свенсон. Увы, следовало признать, что детектива преследовали неудачи, а его система поиска была неэффективной. Не имея никакой цели, рассчитывая только на удачу и вдохновение, сыщик решил снова пойти в Мюнхенскую галерею. Вдруг фру Гольдберг будет с ним более благосклонна? Посмотрев в зеркало, Хью с мрачным удовлетворением заметил, что синяк вырос в размерах, но не приобрёл угрожающего фиолетового оттенка. Пробормотав благодарности компрессу, Хью облачился в чистую рубашку и слаксы бежевого цвета. Одеваясь, он заметил, что на левом боку имеется припухлость, которая не болит, но сковывает движения.

Хью Барбер вышел из отеля полный мрачной решимости во что бы то ни стало выманить адрес Казарина у директора галереи, но прямо у входа в Мюнхенскую галерею он столкнулся с полноватой женщиной. В ней Хью без труда узнал натурщицу с портрета Казарина «Неизвестная». То ли благодаря внутреннему чутью, то ли исключительно потому, что на даме была та же нелепая шляпка с подсолнухами, но Барбер вытянул счастливый лотерейный билетик.

— О! — восторженно воскликнул он, да так, что Неизвестная остановилась и критически посмотрела на него. — Мадам, я в восхищении!

— Чем же я так вас восхитила? — с подозрением в голосе спросила женщина.

— Это же ваш портрет я видел на выставке «Лики и лица»?

— Предположим, — также недоверчиво ответила женщина, — и что из этого?

— Я пребываю в восторге! — продолжал Барбер.

— От чего бы? Картину писал этот мерзавец Казарин, я тут совершенно ни при чём! — хмыкнула женщина, и продолжила свой путь.

— Возможно, я сумбурно излагаю свои мысли, мадам, но я хочу сказать, что уже в пятый раз прихожу полюбоваться выставкой, и надо же — какая приятная неожиданность — встретить модель прекраснейшего портрета. О такой удаче я и думать не смел! — продолжил вдохновенно врать Барбер, поспевая за широким шагом Неизвестной.

— Фрёкен Голл! — неожиданно представилась дама и протянула свою мощную ручищу Барберу. Тот её радостно пожал,

— Петер Петерсон, журналист. — представился Барбер. Фрёкен Голл расхохоталась, рассмотрев лицо Барбера вблизи.

— У вас что, проблемы с алкоголем? — спросила она, выразительно проведя пальцем по своему горлу.

— Нет, это я неудачно вчера гулял. Вечером. Осматривал окрестности Мюнхена. — на ходу оправдывался Барбер, пытаясь завязать разговор.

— Это вы опрометчиво, ничего не скажешь, — фыркнула фрёкен Голл, продолжая идти.

— Могу я предложить вам выпить чашку кофе? — спросил Хью Барбер, в надежде на продолжение знакомства.

— А что? Я не против. — согласилась фрёкен Голл, — было бы неплохо пары сбросить, а то киплю прямо вся.

Странная парочка направилась в ближайшее кафе, где Барбер заказал себе чашку кофе, а его спутница — обильный завтрак. Расправляясь с сосисками, фрёкен Голл сообщила:

— Этот Казарин ещё та сволочь. Выставил портрет, даже моего мнения не спросил. Конечно, я не буду таскать его по судам, но сами поймите, каково мое возмущение! — фрёкен энергично орудовала челюстями. — Портрет с названием «Неизвестная». Надо мной теперь вся тусовка смеётся. Дразнят меня Матрёной Бестужевой.

Барберу не пришлось изображать недоумение, оно появилось само на его лице.

— Ну как же вы недогадливы! Ну, Иван Крамской! Ну, портрет «Неизвестная»!

Фрёкен Голл улыбалась, держа ложку и нож в руках. Она слегка походила на людоедку, а Барбер всё нее понимал местной шутки. И тогда фрёкен Голл решила ему подсказать.

— Казарин кто? Русский художник. Кого он пародировал? Ну, поняли теперь?

Барбер закивал, а собеседница продолжила энергично жевать и ругать директрису галереи.

— Пошла я сегодня к этой фру Гольдберг... Фифа офисная! Сказала ей, что меня, мол не устраивает, что мой портрет без моего согласия выставлен на выставке. Так эта фифа, — фрёкен Голл сделала эффектную паузу, — сказала мне, что я не имею право решать, что выставляется, а что нет! Мол, надо с Казариным разговаривать. Если он согласится снять портрет с выставки, то его снимут, а если нет — картина останется.

— Получается, что Казарин написал ваш портрет, как пародию на портрет Крамского? — с некоторым опозданием понял собеседницу Хью.

— Вот- вот. Юмор у него, видите ли, такой!

— Хорошо, что он ещё Пикассо не спародировал, — усмехнулся Барбер. — Как же вы позировали художнику и не видели своего портрета?

— Не видела, — угрюмо сообщила собеседница. Я сама в это время портрет писала. Такая вот забава. Он мой портрет пишет, а я — его.

Фрёкен шмыгнула носом и принялась за чашку чая. В груди у Хью сердце забилось как пугливый воробей.

— Только мой портрет не взяли на выставку, — горестно и тихо закончила она.

— А почему не взяли? — осторожно спросил Барбер, уже примерно догадываясь о причине.

— Да потому что ничего они в искусстве не понимают! — горячо и убеждённо сказала фрёкен Голл.

— Я бы хотел посмотреть на ваши работы, — сказал Хью примирительно.

Фрёкен Голл словно очнулась от спячки и подозрительно взглянула на детектива.

— А вам зачем это, собственно? — спросила она, подымаясь и явно намереваясь уходить.

— Видите ли, я работаю в «Юнге Вельт» и пишу очерк о выставке, но не только о художниках, но и об их моделях. Мне кажется, что если читатели узнают, что художнику позировала другая художница, да если рассказать небольшую историю об её творчестве — это было бы изюминкой статьи.

— Согласна, — недолго думая согласилась фрёкен Голл. — Знаете что, вот вам мой телефон, — фрёкен размашисто накалякала номер телефона на бумажной салфетке, — а ещё лучше приходите на набережную Изара часам к четырём. Недалеко от «Веселой Устрицы» у нас тусовка художников. Я там в это время начинаю обычно работать. Если посетителей не будет, я вам покажу свои этюды, и поболтаем. А если будут — погуляете там, пообщаетесь с художниками. Кстати, на набережную приходит частенько и Лаура Брегер, ну та самая, что на картине «Ангел». Если подкатите к ней, она вам тоже про Казарина кое-что расскажет.

Фрёкен ухмыльнулась как-то сально, но Хью этого не заметил, так как у него от накатившего жара, аж помутнело в глазах.

— Давай, Петер, до встречи, — фрёкен поднялась и, не собираясь расплачиваться по счёту, натянула шляпку на макушку и удалилась, оставив детектива в одиночестве.

Петер Петерс он же Хью Барбер прибыл на набережную к шестнадцати часам. Художники раскладывали свои мольберты, некоторые просто сидели на низеньких табуретках, ели жареные каштаны и бесцельно глазели по сторонам. Прямо на земле или небольших стендах стояли и висели их картины, этюды, наброски. По набережной фланировали туристы и влюблённые парочки. Некоторые присаживались к художникам и после небольшого торга принимали решение заказать портрет. Барбер искал глазами фрёкен Голл, но её нигде не было видно. Решив не отчаиваться раньше времени, детектив стал прогуливаться туда и обратно, наблюдая за художниками и их моделями. Большинство художников были молоды, неопрятно одеты и небрежно курили. Попадались и пара старичков с жилистыми руками и достаточно пропитыми лицами, чтобы можно сделать вывод об их непостоянном заработке, частых загулах и вечеринках. Внимание Хью привлёк молодой человек в берете и длинном кашне, потому что именно так детектив Барбер и представлял себе живописца. Худошавая нескладная фигура, длинные ноги делали паренька похожим на журавля, а надменный вид говорил о том, что молодой человек о себе высокого мнения. Хью с видом знатока подошёл к нему и приветливо поздоровался.

— Добрый вечер, — сквозь сигаретку процедил молодой художник, продолжая точить уголёк, которым рисовал

— Я Петер Петерс, корреспондент «Юнге Вельт», ищу авторов выставки «Лица и лики», — отрекомендовался Хью.

— Мало кого тут найдёте, — произнёс молодой парень.

— Правда? — разочарованно протянул Хью.

— Ты да я, да мы с тобой, как говорится, — хмыкнул парень. — Я, Себастьян Кох, Бриджит Голл, Лаура Бергер, Финн Маттерсон, да и всё, пожалуй.

Сердце Хью забило сильнее: фрёкен Голл не обманула.

— И где же все эти достойные служители муз? — спросил Хью.

— Дрыхнут ещё, судя по всем, — оглянувшись по сторонам, сказал Себастьян Кох. — А что вы, собственно, хотели?

— Я хочу в свою статью включить небольшие интервью и истории о художниках и моделях выставки.

Себастьян понимающе закивал.

— А нам за это заплатят? Или это просто так — трата времени и пустая болтовня? — осведомился рачительный Себастьян.

— О нет, — поспешно сказал Хью, — газета не предусматривала таких расходов. — Кто пожелает, тот может оказать содействие в написание очерка. Это привлечёт к выставке внимание читателей, и, как следствие, внимание к творчеству художников.

— Значит, из Берлина к нам потянутся толстые сосисочки, чтобы скупить наши шедевры, — едко заметил Кох.

— Ну, — Хью стало неприятно, — мы, по крайней мере, так думаем. Во всяком случае, газета преследует свои цели — расширение читательской аудитории, содействие повышению культурного уровня обывателя...

— Ясно, — Себастьян Кох скривил губы, давая понять, что ему это не интересно. Он и

демонстративно повернулся спиной к Хью Барберу, пригласил симпатичную толстушку присесть на стул. Он стал внушать клиентке, что рисунок её профиля будет просто очарователен, как и сам профиль. Хью понял, что ему тут не рады, и отошел в сторонку.

Пройдя туда и обратно по набережной, он заметил неподалёку свою прежнюю знакомую фрёкен Голл, которая энергично махала ему рукой и улыбалась во весь рот. Рядом с ней стояло хрупкое, нежное белокурое существо. Ангел с картины. Существо, одетое во что-то облачно-голубое, внимательно смотрело в сторону Барбера. Хью почувствовал, что пропал.

Глава 11. Тусовка на набережной Изара

Хью, стараясь выглядеть солиднее, медленно подошёл к фрёкен Голл и её спутнице. Голл уже разложила мольберт, краски и укрепила кусок холста. На ней была уже другая шляпка, широкополая, украшенная маками. Соломка местами поистрепалась. Обширное тело художницы было облечено в заляпанный балахон: фрёкен всем своим видом показывала, что она на работе. На асфальте лежала пухлая истерзанная папка с рисунками. Куски картона торчали там и сям — это фрёкен приготовилась к встрече с журналистом. Но всё внимание Барбера было сосредоточено на Лауре Бергер. Это была именно она, сомнений не оставалось. Лаура стояла, скрестив руки на груди. Она была одета в элегантное платье из тонкой голубой шерсти, а на стройных ножках красовались новомодные балетки. Казалось, что девушка вспорхнёт над мостовой и закружится как мотылёк. Если бы не скрещённые руки на груди, так бы, несомненно, и произошло. Хью беззастенчиво рассматривал Лауру, вскользь поздоровавшись с фрёкен Голл. Милее милее и прекраснее девушки он не видывал отродясь, и к тому же он пытался найти сходство Лауры и Лилиан Майер, а также Лауры и девочки с газетных фотографий.

— Познакомься, Лаура, — сказал бодро фрёкен Голл, — это Петер Петерс, журналист берлинской газеты «Как-то-там-не-помнюназвание», — фрёкен расхохоталась своей забывчивости.

— Здравствуйте, — тихо и настороженно сказала Лаура.

— Очень рад встрече, — Хью легонько пожал ладошку, и она тут же отправилась подмышку. Девушка явно была встревожена и не рада знакомству. Хью решил разрядить обстановку. Он показал пальцем на синяк под глазом и сказал весело:

— Я понимаю, что вы тоже друг Бориса Казарина, но прошу больше меня не бить, мне это не очень нравится.

Лаура, как и ожидал Хью, засмеялась. У неё был тихий и удивительно мелодичный смех.

— О, узнаю почерк Виктора, — Лаура покачала головой, — в своих подозрениях он иной раз слишком далеко заходит.

— Так он вам рассказал, как измочалил меня в каком-то заброшенном готическом особняке с привидениями? — удивился Хью Барбер.

— Нет, он рассказал мне, что поймал агента КГБ. Это вы чуть не лишили его жизни и заманили в полуразрушенную сторожку смотрителя церкви?

Вся троица весело рассмеялась. Хью Барбер спросил Лауру:

— Могу я с вами поговорить о художнике Борисе Казарине, я согласен даже на небольшое интервью прямо здесь — Хью указал на скамейку неподалёку.

— Да, я не возражаю. Вы так настойчиво ищете Бориса, что это не может не вызвать уважения. — Лаура улыбнулась.

— Эй, друзья, — сказала фрёкен Голл, — вы тогда идите поболтайте, а я поработаю.

— Фрёкен Голл, я к вам обязательно вернусь, так как интервью с вами для меня тоже очень важно. — Хью почувствовал себя неудобно, так как ему приходилось обманывать простодушную и глуповатую немолодую женщину. Бриджит закивала головой и, проводив взглядом Лауру с Барбером, принялась за холст.

Лаура двигалась очень грациозно и ступала почти неслышно. Присаживаясь на

скамейку, она аккуратным и машинальным жестом расправила широкую юбку. Хью сел рядом. В позе Лауры скользило напряжение. И Барбер понимал, что перед ним стоит нелёгкая задача — войти к ней в доверие и продолжить знакомство.

— Лаура, я сразу скажу, что мало что смыслю в живописи, — начал излагать свою легенду Барбер. — не буду вводить вас в заблуждение, но это моё первое подобное задание. В «Юнге Вельт» работают такие мэтры и зубры, что съедят меня с потрохами за одно неверное слово в очерке или надуманную подробность. Для меня это задание как проверка на профпригодность.

Лаура покивала головой.

— Вы уже имеете план статьи? — спросила она.

— Да, более или менее понятный план. — Хью заливался соловьём. — Я пять раз посетил выставку и поговорил уже с директрисой Гольберг, встретился с Себастьяном Кохом. Собрал кое-какой материал о художниках из открытых источников. Большого мне пока не удалось. Мне бы очень хотелось вставить в статью большой текст о Борисе Казарине, как наиболее ярком портретисте.

— Вам понравился портрет «Ангел»? — спросила напрямую Лаура, и Хью с улыбкой закивал. — Не буду скрывать, я сама люблю эту работу, я считаю её большой удачей Бориса. — Девушка скрестила ножки и приобняла колено руками. Поза также оставалась закрытой, но уже менее враждебной. — Этот портрет писался три года, он подвергался постоянным изменениям. Казалось, работе не будет конца.

Хью стал делать пометки в блокноте, чтобы не выглядеть обманщиком.

— В один прекрасный день я просто запретила Борису работать над ним, — продолжила девушка, — и поэтому некоторым критикам кажется, что «Ангел» — неоконченная работа. Но это не так. Хочу добавить, что некоторые идеи, например, оттенки фона и наклон головы предложила я. Я хотела, чтобы зритель почувствовал, что ангелу неуютно в этом мире, что он здесь гость. Поэтому и поза на картине такова, словно ангел сейчас встанет и уйдёт... Растворится в воздухе

Лаура мечтательно развела руками. И её поза стала открытой и непринуждённой.

— А вы не испытываете смущения, когда говорите о себе как об ангеле? — спросил Хью, чувствуя, что в разговор стоит добавить перцу.

— Нет-нет, — засмеялась Лаура, и посмотрела Барберу прямо в глаза, — я никогда не отождествляла себя с портретом. Ну, какой я ангел?

«Это уж точно», — сказал Барбер.

— Расскажите о замысле картины, я ведь понимаю, что это не просто портрет, — попросил Хью, чтобы потянуть время и поближе познакомиться с Лаурой.

— Да, это непростой портрет. У Бориса много моих портретных работ, он, видимо, считает меня идеальной моделью, — без тени смущения спокойно сказала Лаура.

Хью отметил про себя, что девушка склонна говорить без жеманства, без стеснения, что очень подкупало его. Хью практически забыл о характеристиках профессора Бреццеля и «дуры» Зельден.

— Наверное, идеальная модель должна быть терпеливой и спокойной. А я именно такая. Мы долго думали, каким должен быть "Ангел". Ведь пора христианских чудес позади, и ангелу нечего делать в нашем бренном и суетном мире. Он лишний здесь, и задача художника это передать. Разумеется, ангел должен быть физическим совершенством, чтобы подчеркнуть контраст между окружающим миром и небесным созданием. Поэтому Борис

наделил портрет качествами, неприсущими мне. Слишком утонченные черты, слишком ясный взор, слишком хрупкая фигура, эфемерность образа.

Хью заморожено смотрел на Лауру, и его карандаш застыл над блокнотом. Лаура остановилась и посмотрела на детектива. Спohватившись, Барбер, сделал несколько пометок в блокноте.

— Что же до самого Бориса, то он не любит общаться с прессой. Но если я прочту черновик вашего очерка, и мне он понравится, то я смогу договориться о встрече с Борисом у него дома.

— Да-да, Лаура, это было бы замечательно. Через пару дней я мог бы представить вам этот очерк, — заторопился Барбер. — видимо, Борис вам очень доверяет.

— Да, мы с ним просто как одна семья, — сказала Лаура с улыбкой, и по спине Хью Барбера пробежал лёгкий холодок. — к тому же Борис сейчас очень болен. Он передвигается в инвалидной коляске, и потому лишнее беспокойство совершенно ни к чему.

— Спасибо, Лаура, я буду спешить с очерком, — сказал Барбер.

— Только, пожалуйста, оставьте свои шпионские штучки, вы и так сильно напугали Виктора, — сказала Лаура с укоризной.

— О, разумеется. — засмеялся Барбер. И, видя, что Лаура уже собирается уходить, он испытал щемящее чувство расставания, которое ему раньше не было знакомо. Лихорадочно соображая, как бы продлить общение, Барбер выпалил:

— Не могли бы вы составить мне компанию и выпить чашечку кофе поблизости? — спросил Барбер, не надеясь на удачу, но, видимо, имел такой несчастный вид, что Лаура кивнула головой и ответила:

— Только давайте возьмём с собой Бриджит, я думаю, она сегодня ничего не ела.

Хью было всё равно, хоть десять Бриджит, лишь бы пойти в кафе с Лаурой. А злобный «я» внутри Барбера шепнул: «Может, тебе удастся откатать её пальчики с чашки кофе».

Хью Барбер предложил фрёкен Голл составить им компанию и посетить ближайшую кофейню. Художница и не думала отказываться. Она метнулась в сторону Себастьяна Коха и попросила его присмотреть за мольбертом, затем подхватила папку с рисунками и ринулась за удаляющимися фигурами Лауры и Хью.

— Странно вот так гулять по незнакомому городу да ещё с прекрасной спутницей, — сказал Хью, памятуя уроки матери. Мать Хью говаривала, что нет женщин, которые могли бы устоять перед прямой и даже грубой лестью.

— Так уж и прекрасной? — переспросила с лукавой улыбкой Лаура.

— Да, уж поверьте мне, Лаура. Я в Мюнхене уже немногим более недели, но убедился, что красивых девушек тут не так много, как в Берлине.

— Может, это оттого, что я не мюнхенка, — просто сказала Лаура, и Хью обмер. Он ходил по краешку бритвы. Но поскольку Лаура замолчала, он рискнул продолжить.

— Да и я не берлинец. — улыбнулся Барбер.

— Откуда же вы? — спросила Лаура, явно чтобы поддержать разговор.

— О, я издали. Родился я в Брюсселе, жил в Антверпене, потом перебрался в Берлин.

— Я тоже много путешествовала, — уклончиво ответила Лаура. — Можно посчитать, в скольких городах хотела осесть моя семья. Пожалуй, Антверпен был тоже в их списке.

— У нас много общего, — сказал дежурную фразу Хью, открывая дверь кафе «Веселая Устрица».

— И что же, по — вашему? — спросила Лаура.

— Мы оба — в Мюнхене, бывали в Антверпене, любим живопись и кофе.

— О, тут вы ошибаетесь, — с деланной серьёзностью сообщила Лаура. — в этом кафе делают потрясающе вкусный глинтвейн. Я закажу именно его.

Фрёкен Голл, запыхавшись, догнала Хью и Лауру. Она начала трещать о том, что ей бы тоже хотелось глинтвейна. И вообще побывав в Мюнхене, стоит попробовать вариант именно этого напитка, хотя он не исконно немецкий и так далее и тому подобное. Хью терпеливо слушал словесный поток и листал пухлую папку, искоса поглядывая то на Бриджит, то на Лауру. На взгляд Хью, это были не наброски, а мазня. Невыразительные, неконтрастные, однообразные. Все листы изобиловали пятнами пальцев, испачканных тушью, краской и ещё бог знает чем. Лаура ничего не комментировала и рассматривала рисунки, слегка наклонившись к Хью.

Когда официант принёс заказ — три глинтвейна, запечённый сыр и порцию сосисок для фрёкен Голл, беседа оживилась. Хью нашёл наброски портрета пожилого мужчины с кустистыми бровями и мясистым носом. Насупленный взгляд, руки, сжавшие ручки инвалидного кресла.

— Это Борис Казарин? — спросил Хью у фрёкен Голл.

— Да, — отвечала она с набитым ртом.

— Похож? — спросил Хью у Лауры, а та прыснула и отрицательно покачала головой.

— Чем же не похож? — удивлённо спросила фрёкен Голл.

— У него совсем другой характер, он добрый и светлый человек, у него лучистые глаза, — спокойно ответила Лаура.

— Ну да, ну да! — с недоверием воскликнула фрёкен Голл, — он типичный злодей из сказки. Лицо вечно всем недовольное, просто гном какой-то.

— Бриджит, ты просто запечатлела не самый лучший период в его жизни. — и, уже обращаясь к Хью, Лаура продолжила. — Борис два года назад перенес обширный инсульт, я думала, что потеряю его. Не верила, что врачам удастся что-то сделать. Но, слава богу, он потихоньку восстанавливается. По крайней мере, он может работать и как-то передвигаться, пусть и на коляске.

Хью постепенно всё больше узнавал о жизни Лауры

— Лаура, а ты сама-то, чем занимаешься? — спросил Хью.

— Учусь в художественном колледже при Мюнхенском университете.

— Лаура у нас тоже художница, — с гордостью сказала фрёкен Голл, — но ей ещё не хватает мастерства, со временем — получится.

— Да, — смущенно сказала Лаура, — Борис очень часто и помногу со мной занимается, и я сама усердно тружусь.

— Можно ли будет посмотреть и на ваши работы? — спросил Хью.

— Да, конечно, я могу завтра вечером принести альбом. — улыбнулась Лаура. И это означало, что они увидятся и завтра.

По окончании этого лёгкого ужина Лаура категорически запретила Хью провожать её, и они с Бриджит покинули «Веселую устрицу», а Хью, обрадованный тем, что он может беспрепятственно стащить стакан, из которого пила Лаура, остался в кафе. Официанту он сказал, что стакан разбился, уплатил за порчу и с трофеем в кармане отправился в гостиницу.

Глава 12. Очерк несуществующего журналиста

В гостинице «Паллада» портье вручил детективу толстый конверт. Шеф Свенсон пришёл на помощь, видимо, прислал инструкции молодому детективу. Хью отложил их чтение на потом, а сам, придя в номер, первым делом обработал похищенный стакан дактилопорошком и обнаружил несколько отпечатков пальцев. Все они были частичными и смазанными. Хью аккуратно перевёл их на скотч и приклеил к бумажному листу картона. Теперь осталось связаться со Свенсоном и попросить помощи в экспертном деле. Казалось бы, работа закончена и можно уезжать со спокойной совестью. Однако, это означало бы, что Хью Барбер не познакомится со странным Борисом Казариным, больше не встретится с Лаурой и не увидит её рисунков Лауры и ... и вообще его миссия закончена. Хью это никак не устраивало, к тому же он сказал себе, что если отпечатки пальцев будут непригодны к идентификации, то его задание будет провалено. Нужно все-таки проникнуть к Борису Казарину и утащить что-то, что могло бы принадлежать потенциальной Юю Майер.

А для этого надо было написать очерк. Миссию Петера Петерса нужно было завершить достойно.

Хью вскрыл конверт и прочёл короткое послание шефа Свенсона:

«Дорогой мой мальчик, надеюсь, что твоё расследование близится к завершению. Дважды секретарь Лилиан звонил мне и осведомлялся о ходе поисков. Несмотря на то, что на поиски нам отвели значительное время, я вижу, что госпожа Майер нас поторапливает. За скорость мы могли бы рассчитывать на денежный бонус, помни об этом. Посылаю тебе материалы о Борисе Казарине. Самое интересное — в начале. Обнимаю тебя крепко, береги себя, Свен Свенсон».

Хью невольно улыбнулся, читая строки о деньгах и о том, что надо бы беречь себя. Видела бы его мать — с ярким синяком, в порванном пиджаке...

В конверте содержался документ в виде финансовой выписки об имуществе Бориса Казарина. Он указал в декларации свой доход за прошлый год в виде пятнадцати тысяч марок, сообщил, что в его владении находится автомобиль «Порше 924», квартира площадью 200 квадратных метров в особняке «Шарлахрот». «Эх, вот и адрес Бориса», — подумал Хью. — В случае если не получится попасть туда законным способом — попробуем на манер Карлссона — через окно под крышей».

Потом, подшитая аккуратной рукой Ханны, следовала подборка статей немецких изданий за разные годы о Борисе Казарине. Хью прочёл их от корки до корки, тем более, что они представляли немалый интерес. Если писать очерк, то нельзя демонстрировать профессиональную непригодность и неинформированность. Хью Барбер переживал не только за репутацию мнимого Петера Петерса, но и за исполнение обещанного Лаурой. Она сказала, что обещает пригласить журналиста в дом Казарина только в случае, если ей понравится очерк.

Итак, что же представлял собой Борис Казарин?

О нем впервые заговорили немецкие газеты в 1962 году, когда художника со скандалом выставили из СССР. Печально известная выставка в Манеже закончилась полным разгромом студии авангардистов. Казарин был одним из тех, кто не хотел и не умел рисовать по заказу коммунистической партии. Учили и дворянское прошлое, и даже родство с каким-то

протоиереем. Казарину дали неделю на сборы, и он оказался в Будапеште, откуда перебрался в Берлин. Всё это Хью Барбер почерпнул из короткого интервью Бориса Казарина относительно первой персональной выставки в Берлине. Судя по всему, выставка не имела большого успеха, так как следующая вырезка, датированная мартом 1968 г. начиналась словами: «Спустя несколько лет после творческого кризиса и молчания Борис Казарин открывает новую страницу своего творчества. Где его прежний пыл и задор? Где его рьяный авангардизм? Мы видим совершенно другого Казарина — мудрого, вдумчивого, спокойного. Серия пейзажей и портретов, предстающих зрителю на выставке «Зрелые плоды совершенства», удивляют своей гармоничной простотой и следованию традициям русского ренессанса начала 20 века. Но мы помним, что и Валентин Серов был не чужим Мюнхену. Обретёт ли своё второе «я» Борис Казарин на нашей гостеприимной земле...». Далее шёл фотопортрет мастера в профиль на фоне неясно виднеющихся картин.

Затем в подборку статей Ханна умудрилась сунуть невесть откуда взявшееся интервью декана факультета истории и теории искусств Мюнхенской академии художеств Теодора Бритца, который сообщил, что на их факультет прибыл новый сотрудник — художник с русскими корнями Борис Казарин, и на его мастерство преподавателя рассчитывает факультет.

Последней была заметка «Русского Мюнхена», из которой Барбер почерпнул, что Борис Казарин был уволен из Мюнхенской академии художеств в связи с тем, что вёл политическую агитацию среди студентов.

Борис представился Хью Барберу скандальным и неуживчивым типом, что весьма осложняло контакт с ним. Но почему-то детективу казалось, что поиски Юджины Майер близки к завершению.

Хью Барбер принял душ и принялся за очерк. Просидев до поздней ночи, он, увлечённый своим желанием понравиться Лауре, написал его начерно. На следующее утро Барбер поднялся в бодром настроении, рассмотрев себя в зеркале, с удовлетворением отметил, что синяк уменьшился. Ощупывание бока и затылка также порадовали Барбера. Болей не было. Барбер прочитал очерк, исправил по тексту кое-что и понял, что заняться ему совершенно нечем. На часах было только девять утра, до шестнадцати часов, когда со слов Бриджит собиралась «тусовка» художников было ещё ого-го сколько времени.

Хью прислушался к своему внутреннему «я», и оно настойчиво подсказывало посетить место жительства Бориса Казарина, указанное в документах, присланных Ханной.

Хью решил взять в прокат другой автомобиль, интуитивно чувствуя, что белый «БМВ-700» уже был замечен Виктором Шиловым, и наверняка о нём было известно и Казарину, и направился в контору проката. Через час Хью катил на серебристом «Фольксвагене» по улицам Мюнхена, справившись по карте о маршруте.

Район Людвигсфорштадт представляла собой живописнейший уголок Мюнхена. Борис Казарин должен был неплохо зарабатывать, чтобы позволить себе содержать здесь особняк. Хью медленно ехал по дороге и глазел по сторонам. Живые изгороди и вьющиеся клематисы, дикий плющ и виноград. Создавалось впечатление сельской пасторали, что никак не сочеталось с обликом мятежного русского художника в изгнании. Дом Бориса Казарина был выкрашен белой фасадной краской, виднелась мансарда под красной крышей и уютные занавески в цветочек на окнах. «Тут обитает Юю Майер», подумал Барбер и сбавил скорость. Калитка была кованой, как и решётка забора, и вряд ли не запиралась. У крыльца встречали гостей два зелёных пса — подстриженные вечнозелёные кустарники. Дорожки посыпаны цветным песком и мелкой галькой. Явно Борис обосновался тут

надолго, так как заботился об уюте и домашнем покое. Вдруг дверь открылась, и из дома вышла Лаура. Хью пришлось проехать вперёд, чтобы она его не заметила. К лицу Хью прилила краска, он вспомнил, что Лаура просила его не следить за ней. Разумеется, Хью не мог отказать себе в этом и напялил на голову шляпу с полями, которую всегда таскал с собой, как заправский детектив из сериала. Шляпа сама по себе отвлекала внимание.

Лаура вышла на улицу через пару минут, ведя за собой на поводке крупного белого лабрадора. Барбер вспомнил дневник Юю и усмехнулся. Юю Майер была верна своим вкусам и привязанностям. Лаура — Юю неспешно двинулась по улице, у нее шевелились губы, она разговаривала с собакой. Пару раз она остановилась, почесав пса за ухом. Потом девушка скрылась за поворотом. Хью вздохнул и поехал дальше.

Лаура была не похожа на психопатку, хотя Хью не знал, как те себя ведут в стадии ремиссии. И уж тем более она не была похожа на человека, который скрывается. Больше всего она была похожа на хозяйку милого домика, в котором живёт любящая семья, и Хью неприятно кольнуло в груди. Он так был не похож на обитателей вилл и особняков! Всё детство Барбера пршло на съёмных квартирах, а теперь он ютился в кондоминиуме в двух комнатах с матерью, да и аренду этой квартиры оплачивало отделение полиции, в котором служил когда-то его покойный ныне отец. Хью ходил в обычную школу, занимался борьбой. В целом его можно было причислить к мелким хулиганам. Ему чужды были интересы Лауры — живопись и искусство, компания молодых художников, разведение цветов и собак... Хью неплохо знал пару языков кроме своего родного — немецкий и французский, благодаря матери — учительнице на пенсии. Хью сносно учился в школе, благодаря колотушкам той же матери, приобрёл поверхностные навыки «воспитанного человека». Однако, он не любил читать, не утруждал себя походами по выставкам и музеям. Откровенно скучал в кинотеатрах, если случайно попадал на «авторское кино».

Девчонки, с которыми встречался молодой Барбер, были такие же — официантки, студентки колледжей, нянечки на почасовой оплате. Они не требовали от Барбера никаких романтических ухаживаний, им не нужна была сказка и «гуляния под полной луной в сени дерев». Хью вздохнул, вспомнив свою последнюю пассию — Люсьен Мерье, которая хотя и была манекенщицей в доме моды, но выглядела и вела себя как стержневая фурия. Ничего общего с Лаурой. Это всё равно, что сравнивать пивной бокал и хрустальную вазочку. Хью развернулся и поехал за Лаурой, надеясь её догнать.

Свернув на повороте, он, как и ожидал, увидел девушку с собакой, они неспешно шли по тротуару. Нельзя было понять, то ли она просто прогуливается, то ли идёт за покупками ли куда-то по делам. Примерно через квартал Хью оставил машину и стал идти в некотором отдалении от Лауры, так как ехать с такой медленной скоростью он не мог — машины начинали сигналить, что могло привлечь внимание девушки. Лаура прошла ещё два квартала и села за столик в летнем кафе, оставив лабрадора в специально отведённом месте рядом с кафе. Хью перешёл дорогу и сел в кондитерской, нахлобучив на нос свою странную шляпу. Он заказал кофе с ванильными вафлями и стал наблюдать за девушкой. Вскоре он к немалому удивлению заметил, что за столик к Лауре присел пожилой высокий мужчина. Хью не удалось рассмотреть его лица, так как незнакомец сидел у нему спиной. Мужчина ласково и несколько фамильярно обнял Лауру и поцеловал её в лоб. Затем положил руку на спинку её стула и практически закрыл обзор для Хью. Они посидели мило болтая с четверть часа, а затем мужчина стал жестикулировать и довольно энергично взмахивать руками. Хью догадался, что собеседники поспорились. Он хотел уже было вскочить и поспешить на

помощь девушке, как та неожиданно бросилась на шею противному старикану (так для себя его окрестил Хью Барбер) и стала осыпать его поцелуями. Старикан похлопывал Лауру по спине, как бы успокаивая. Хью ощутил укол ревности. Если бы его целовала так вот, при всех такая прекрасная молодая девушка, он бы точно не сидел истуканом и не делал бы вид, что ему эти ласки безразличны. Затем Лаура немного успокоилась, какое-то время она и противный старикан посидели за столиком, но затем распрощались.

Хью поднялся в нерешительности, раздумывая, за кем ему следовать. Инстинкт сыщика подсказывал, что ему надо проследовать за стариканом, так как Хью не терпелось выяснить, кто он и зачем приходил. Однако проблема решилась сама собой. Старикан сел в такси и скрылся из виду, Хью оставалось только пожалеть о том, что он оставил машину за несколько кварталов от кафе. Медленно, по противоположной стороне улицы Хью пошёл за Лаурой. Та, ведя на поводке спокойного как стадо слонов лабрадора, медленно брела по улице. По её облику было видно, что встреча с противным стариканом её расстроила. Хью, заметив, что девушка возвращается прежним маршрутом, решил не рисковать быть замеченным, а сесть в машину и вернуться в гостиницу.

В отеле «Паллада» ни писем, ни телеграмм для него не было, и Хью поднялся к себе в номер. Пребывая в раздумьях и даже в некоторой печали, суть которой Хью пока для себя уловить не мог, он вернулся к написанному ранее очерку. Каким сухим и скучным показался ему текст! Разве он привлечет внимание Лауры? Хью приступил к переделке. Он черкал и переписывал, добавлял и сокращал. И только к трём часам едва закончил работу. На идеальную переписку набело времени уже не оставалось, так как к через час его ждали на набережной Изара Хью рискнул опоздать на встречу, но переписать набело. Как отдать Лауре исчерканные тетрадные листы? Уняв дрожь в уставших пальцах, Хью переписал все шесть страниц. «Разумеется, редактор его сократит», — подумал Хью и рассмеялся, вспомнив, что единственным редактором очерка будет сама Лаура.

Глава 13. Таланты и поклонники

Хью опоздал на полчаса, прибыв на набережную в волнении. Пройдя по уже знакомым местам, он отыскал Лауру с этюдником. Девушка была то ли грустна, то ли сосредоточена, то ли обижена на опоздание. Она молча кивнула Хью. Зажав в зубах длинный карандаш, Лаура растирала подушечкой пальца грифель на картоне. В этом жесте было что-то детское и непосредственное.

— Добрый день, Лаура, — поприветствовал ее Хью, — извини за опоздание. Я переписывал черновик очерка. Не взял с собой печатную машинку, она весит многовато. И по глупости не обратился в прокат. А выяснилось, что печатная машинка — весьма незаменимая штукавина.

— Я посмотрю очерк, но попозже, герр Петерс, — ответила ему Лаура без улыбки, показывая, что она очень занята.

— А можно ли мне посмотреть, как вы работаете? — спросил робко мнимый Петерс.

Лаура отрицательно покачала головой. Хью почувствовал себя олухом. Он отошёл от художницы и стал прогуливаться по набережной, стараясь не упускать из виду девушку. Метрах в ста от Лауры с этюдником скучал Себастьян Кох. В этот раз он был одет в элегантные джинсы и в тон им рубашку. Хью направился к нему:

— Добрый день, Себастьян. Хотел бы заказать у вас свой портрет.

— Возражений нет, — улыбнулся Кох, — как вы желаете, чтобы я вас изобразил?

— На усмотрение мастера, вам доверяю как психологу и физиогномисту, — польстил ему Хью.

Себастьян окинул его критическим взглядом и предложил сделать шарж. Хью, к своему стыду не знал, что значит «шарж» и осторожно спросил:

— Ээ, а как вы это видите?

— Можно изобразить вас в компании Мерилин Монро, с бокалом в руках. Или же, — Себастьян Кох снова скептически посмотрел на Хью Барбера, — в пером в зубах и керосиновой лампой над головой. Вообразите, вы пишете что-то на свитке бумаги. Каково? Или в костюме любимого литературного героя.

— О, — обрадовался Барбер, — эта идея мне по душе. Я в детстве был поклонником рассказов о знаменитом сыщике — Шерлоке Холмсе, и примерить его знаменитый клетчатый плащ не откажусь.

— По рукам, — Себастьян на удивление крепко стиснул кисть Барбера. — С вас, герр журналист, триста марок.

— Идёт, — согласился Барбер, не зная расценок, но подозревая, что Себастьян здорово надул его.

Барбер занял место напротив, чтобы ему было видно Лауру, хотя бы издалека. Себастьян поколдовал над позой Барбера, покрутил своими ладонями его голову, выбирая, по мнению, детектива из арсенала неудобных наклонов головы самый идиотский. Затем художник приказал замереть в навязанной позе в течение получаса и приступил к работе. Себастьян лихо орудовал сразу полудюжиной карандашей разной толщины, затирав картон подушечками пальцев, дул на бумагу, сыпал угольный порошок и прodelывал массу других манипуляций, чем напомнил Барберу ловкого жонглёра. Барбер периодически косился в сторону Лауры, пытаясь рассмотреть, что она делает, но видел только неясный силуэт в

просторном клетчатом платье.

— Я вижу, вы равнодушны к нашей малышке Лауре, — хмыкнул Себастьян Кох. Барбер промывчал в ответ что-то нечленораздельное, что могло означать как «да», так и «не уверен». — Имейте в виду, я её в обиду не дам. — пригрозил ласково Себастьян. — Я давно за ней ухаживаю, можно сказать, что мы больше, чем друзья.

— Вот как? — удивился Хью.

«А с другой стороны, — подумал он про себя, — с чего ты взял, что Лаура не имеет хотя бы одного постоянного поклонника или даже любовника?»

— Да, именно так, — уверенно сообщил Себастьян. — Я за ней уже три года ухаживаю, с тех пор, как она появилась в нашем кругу.

— А я — то думал, что она — любовница Бориса Казарина, — протянул Хью Барбер.

— Да это всё сплетни, — Себастьян даже приостановил работу, и наклонившись над детективом, убеждённо сказал, — они живут вместе, только и всего.

— Что же она, его сиделка? — спросил Хью.

— Я бы сказал, что она ему как дочь, если бы не знал, что у неё есть отец.

— Отец? — ошарашенно переспросил Хью.

— А что вас так удивляет, герр журналист? — засмеялся Себастьян.

— Я думал, что отец не позволил бы девушке жить в одном доме со взрослым и даже пожилым мужчиной, — нашёлся Хью.

— Прошу вас помолчать с минуту, я не могу поймать вашу линию подбородка, — с укоризной в голосе сообщил художник. И немного поработав над рисунком, продолжил. — Я, конечно, не имею чести знать отца Лауры, да и с Борисом виделся только дважды, но отец Лауры частенько приезжает в Мюнхен. Это она мне рассказывала. Отец им с Борисом помогает материально, да и по дочери, видно, скучает. Но видно, что Лаура очень уважает отца, и к его мнению прислушивается. По крайней мере, она отзывается о нём исключительно положительно.

— А что она говорила о Борисе Казарине?

— Лаура не жалуется, хотя ей нелегко с Борисом, особенно после того, как он перенёс инсульт. Лаура сказала как-то, что у каждого свой крест, и болезнь Бориса — это её крест.

— Что это может значить? Откуда у молоденькой девушки такие мысли?

— Чёрт его знает, — задумчиво сказал художник, — особенно религиозной Лауру не назовёшь... Вообще, она — девушка с загадкой. — Себастьян строго посмотрел на Хью и сказал, — заболтался я с вами, работе это только мешает.

Себастьян умолк на добрых двадцать минут, Хью периодически вертел головой, пытался размять шею, и, видя энергичные движения новоявленной модели, Себастьян сжалился над ним и разрешил сесть в свободной позе. Хью снова обратил свой взор на Лауру, и увидел, что она направляется к ним. Подойдя к этюднику Коха, она с улыбкой, которая предназначалась Себастьяну, стала рассматривать шарж. Элегантно наклонившись к рисунку, она шепнула Себастьяну несколько слов, и он радостно принял к исполнению совет, энергично размахивая карандашом над куском картона. Не сказав ни слова Хью, Лаура вернулась на своё место и продолжила работу. Хью понял, что неожиданная холодность Лауры неспроста, но он не мог понять, чем он мог её прогневить. Подумав о том, что легенда, рассказанная Лауре, могла дать трещину, Хью пришёл к выводу, что эта версия неперспективная. Если бы Лаура поняла, что её розыском занимается Лилиан Майер, то она бы предприняла попытки к бегству, что очевидно. Значит, причина кроется в чем-то другом.

Может быть, мнимый Петер вёл себя слишком навязчиво и возбудил другие подозрения. Бог его знает, что на уме у этих девчонок. Между тем время шло, а Себастьян всё ещё неустанно трудился и пыхтел над рисунком. Спустя час Хью уже устал позировать и откинулся на спинку стула с молчаливого согласия художника. В этот момент к нему подошла Лаура:

— Герр Петерс, я скоро уйду, поэтому дайте мне очерк на прочтение.

Хью вытащил стопку листов и передал их Лауре.

— Вы будете тут читать?

— Да, — коротко ответила она и присела на скамейку неподалёку. У Хью от волнения забилось сердце. Он с трепетом наблюдал за тем, как Лаура переворачивает страницы, периодически возвращаясь к прочитанному. Тем временем Себастьян протянул готовую работу Хью. На рисунке был изображён определённо Хью Барбер, сходство не вызывало сомнения. В нелепой позе, с отклячённым задом и гротескно крупной головой, одетый в клетчатый плащ и знаменитый головной убор — кепи сыщика, Хью стоял на четвереньках и рассматривал в огромную лупу след дамской туфельки. Хью улыбнулся и расплатился с Себастьяном, попросив оставить сзади автограф.

Лаура жестом пригласила Хью присесть и бросила взгляд на шарж:

— А почему вы в образе сыщика?

— Просто я ищу идеальную девушку, но она от меня всё время ускользает, — ответил Хью, и это прозвучало почти как признание.

— Я прочла ваш очерк, — Лаура оставила без ответа сентенцию мнимого Петерса. — Насколько я могу судить, он пресноват, и написан недостаточно профессионально. Искусствоведы так не пишут. Это похоже заметки обывателя.

— В таком ключе мне и было дано редакционное задание, — ответил Хью со вздохом. — Что ж, если всё так плохо, то я не стану отнимать у вас и Бориса Казарина времени. Буду вынужден распрощаться, оставив о Мюнхене приятные воспоминания с оттенком лёгкой грусти.

В голосе Хью звучало неподдельное разочарование. Однако, внутренне «я» отметило, что Лаура могла оставить отпечатки пальцев на бумаге. Такие отпечатки не были идеальными, но всё же, лучше, чем совсем ничего. Если дополнить отчёт личными наблюдениями, то перед Лилиан Майер можно было отчитаться, не краснея.

Лаура помолчала, словно боролась сама с собой.

— И когда же вы уезжаете? — спросила она.

— Завтра утром, — с грустной улыбкой ответил Хью. — Прогуляюсь по Мюнхену — и в путь.

— Знаете что, пожалуй, я смогу убедить Бориса Казарина встретиться с вами, — неожиданно сказала Лаура, — и дело даже не в очерке... Хотя улучшить его, я думаю, можно, — лукаво склонив головку набок сказала девушка. — Почему-то мне не хочется, чтобы вы уезжали так скоро...

Хью не нашёлся с ответом, густо покраснев, но как заправский ловелас, поцеловал руку Лауры. Лаура засмеялась, пригрозив ему пальцем.

Всё складывалось просто замечательно! И это настораживало.

Глава 14. Интервью с мэтром

На следующий день, получив от Лауры записку о времени и месте встречи, которую доставил курьер в отель «Паллада», Хью с удовольствием отметил, что вечерняя прогулка не прошла для него даром. Он был любезен и приветлив, развлекал Лауру историями из своей студенческой жизни, рассказывал о попытке написать готический роман, полный ужасов и привидений, рассказывал о своей матери, которая не оставляет попыток женить его на скучных дочерях своих подруг. Лаура смеялась в ответ, иногда даже аплодировала ему с детской непосредственностью. Они провели вместе целый вечер, посетив по очереди почти все кафе на набережной, объевшись мороженым и напившись глинтвейном. На прощанье Лаура даже подарила ему поцелуй. Нежный, скромный, невинный поцелуй.

И вот теперь, в доме Бориса Казарина, в мансардной комнатке Хью ожидал приглашения в кабинет мэтра и чувствовал себя закоренелым преступником. Но работа — прежде всего, он был вынужден себе это напоминать время от времени.

Никогда не оставляйте гостя одного в комнате! Он может либо заскучать, либо обокрасть вас. Детектив Барбер не скучал. Дождавшись, когда стук каблучков вниз по лестнице стихнет, он стал быстро и методично обшаривать книжные полки. Ничего интересного не найдя, а искал он записные книжки и письма, детектив залез в тумбочку стола. Там лежала изрисованная набросками стопка бумаги, из середины которой наугад Барбер выхватил несколько рисунков и сунул в свою папку. Во втором ящике стола он нашёл скреплённые фигурной скрепкой черновики, беглое просматривание которых навело Барбера на мысль, что это дневники Лауры. Эти листы также отправились в папку Барбера. Следом он сунул пластиковый футляр для солнечных очков с туалетного столика и почтую упаковку влажных салфеток, на глянцевої поверхности которых могли быть отпечатки пальцев Лауры. С сильно колотящимся сердцем Барбер поспешил занять непринуждённую позу, чтобы не вызывать подозрений у Лауры. И это было весьма кстати, поскольку почти сразу после этого Лаура распахнула дверь и пригласила Хью проследовать за ней к Борису Казарину.

В комнате Бориса был полумрак и сильный запах табака. Старик сидел в инвалидном кресле, слегка наклонив вперёд голову. Его вид нельзя было назвать дружелюбным, но Хью и не рассчитывал на тёплый приём. Главная цель посещения дома Лауры была им достигнута.

— Борис, хочу тебе представить мистера Петерса, он журналист берлинской газеты «Юнге Вельт».

Хью Барбер элегантно кивнул.

— Мистер Петерс, это Борис Казарин, известный русский художник, представитель направления нео-реализма, — с лёгкой улыбкой сказала Лаура.

— Очень приятно, — мистер Казарин был явно не в духе.

— Я не займу у вас много времени, — сказал Хью. Казарин кивнул на стул и Хью не очень удобно присел. — Я прошу простить моё волнение, впервые я в гостях у такого известного и почитаемого мэтра, — Хью заливался соловьём.

Лаура улыбнулась. В это время распахнулась дверь и вошла пожилая блондинка, которая несла на подносе кофейник и чашки. На тоненьком блюде было разложено домашнее печенье. Она что-то шепнула Лауре на ушко, но та, развеселившись, ответила ей довольно

громко: «Потом, Елена» и Елена удалилась, а Лаура стала разливать горячий шоколад.

Хью отвлёкся и стал наблюдать за грациозными движениями девушки, которая заметила его взгляд и сказала: «Печенье тоже я пекла, у меня много талантов». Разлив шоколад по чашкам, угостив мнимого мистера Петерса, Лаура села в дальнее кресло, поджала свои стройные ножки и стала пить горячий шоколад, не участвуя в разговоре.

Хью чувствовал себя неловко, и, несмотря на то, что он готовился к «крестовому походу», ему было трудно начать беседу. Мистер Казарин тоже не торопился, он хмуро и беззастенчиво рассматривал собеседника.

— Наша газета планирует публиковать ежемесячные обзоры наиболее значимых культурных событий Германии, два обзора об обновлённой галерее искусств Берна и о молодом, но талантливом скульпторе Христiane Данцере уже вышли. Теперь руководство обратило внимание на выставку современного портрета «Лица и лики».

— Наверное, это благодаря удачному буклету, который мы разослали куда могли, — сварливо заметил Борис Казарин.

— Да, буклет получился очень яркий. Выставка ещё не завершила свою работу, если я успею дать хотя бы короткий пресс-релиз, то зрителей существенно добавится, — примирительно сообщил Хью Барбер.

— Хорошо, задавайте вопросы, только побыстрее, через полчаса у меня прогулка. Пока погода не испортилась, я бы хотел подышать свежим воздухом.

— Итак, приступим.

Хью Барбер, ступив на скользкую почву, начал расспросы об авторах, чьи работы были представлены на выставке, об особенностях современного искусства портрета, о стиле неореализм. Хью утешал себя тем, что по легенде он журналист, а не художник, и потому не должен разбираться в тонкостях терминологии, особенностях новых течений и веяний в искусстве. Борис отвечал медленно, словно диктовал текст Барберу. Через полчаса экзекуция закончилась. Борис милостиво позволил сфотографировать наброски к портрету «Ангел». Хью попрощался с художником и с большим облегчением покинул его кабинет.

Лаура проводила до двери детектива и неожиданно спросила:

— А как поживает герр Герберт Мюллер? Прошлый очерк писал о нас, художниках Мюнхена, именно он.

Хью Барбер восхвалил небеса за своё терпение и подготовку, так как перед поездкой в Мюнхен внимательно изучил биографии лучших столичных писак.

— Разве вы не знаете? — с деланным удивлением Хью спросил Лауру, — он эмигрировал в Канаду в прошлом году. Так вот...

— Очень жаль, — вздохнула Лаура. Было очень заметно, что она проверяет Хью Барбера и даже не сильно это скрывает.

— Я надеюсь, что мы ещё увидимся, — сказал Хью на прощанье.

— Да, — улыбнулась Лаура, — приходите на набережную завтра к вечеру, я буду там.

Хью с ликованием покинул дом Бориса Казарина. Непонятно, чему он был обрадован больше — удачной краже улики или приглашению на свидание.

Глава 15. Украденные дневники

Первым делом, придя в гостиничный номер, Хью созвонился с экспертом Ди Морен, которая нехотя пообещала ему помощь, но в последний раз. Он упаковал в одну коробку блокнот, футляр, стакан и упаковку салфеток, присовокупил к содержимому конверт с гонораром, так как Ди брала только наличные, и направил всё курьером в адрес Ди Морен, в судебную лабораторию Антверпена. Оставалось подождать с неделю, что вполне устраивало Хью.

Устроившись поудобнее, невзирая на урчание в животе от аппетита, который разбудили печенье и горячий шоколад, Хью начал читать записки, украденные из стола Лауры.

Профессия детектива не терпит чистоплюев. Либо ты согласен рыться в грязном белье, помойных баках, надевать парики, выдавая себя за трансвестита, обшаривать карманы пьяных подозреваемых и совершать ещё множество разных неприятных манипуляций, либо распрощайся с карьерой детектива. Чтение чужих дневников и писем Хью считал нормой и не испытывал угрызений совести.

Чем дальше Хью углублялся в текст, тем более терялся в догадках: что перед ним? Дневники девушки или литературный вымысел? Так причудливо было содержание этих записей. В итоге Хью для себя назвал их «Эссе о Казанове». Так раскрывалась новая грань таланта Юю — Лауры.

Наверное, мне сорок психологических лет. Где-то я читала, что это именно тот возраст, когда всё узнал о себе и окружающем мире. Мне кажется, что уже много лет мне сорок лет. В моём мире ничего не меняется и вряд ли изменится. И мне не хочется никаких изменений. Самое главное — моя жизнь протекает как бы в нескольких измерениях. В одном измерении я — доступна контакту с бабушкой, слугами и моим психиатром. Больше я ни с кем не общаюсь, так как в этом нет необходимости. В других измерениях я могу быть кем угодно. Я представляю собой кристалл, который открывается новыми и новыми гранями, он отражает сам себя и всё, что вокруг него. Но как это отразится и преломится в его гранях — этого не знает даже он сам. В других моих измерениях я могу быть Королевой Ночи и властвовать над вампирами, я могу быть отважным скалолазом и штурмовать Эверест. Я могу быть балериной с натруженными мозолистыми ступнями, в рваной пачке и запылённой хрустальной диадеме. Я могу быть кошкой, что лениво спит на ваших коленях, но иногда рвёт на полоски шелковые пледы. Об этом никогда не узнают люди, так как всё надёжно спрятано во мне. Мне не надо писать дневников, все мои судьбы я проживаю в моей голове. И это очень увлекательно, так как я могу быть счастлива всегда и повернуть сюжет в любом нужном мне направлении. Я могу управлять собой и другими. Например, бабушка — не только бабушка, но и штурман скоростного лайнера, который уже несколько лет кряду терпит крушение. Старуха не только служанка, но и великий живописец Вермейер, стоит только заглянуть в её кладовку, где беспорядочно разбросаны эскизы. Впрочем, Вермейером мне нравится быть и самой.

Я не намерена расширять круг своего общения. Люди — дикие животные, одетые в костюмы, на их лицах косметика, в руках газеты, свернутые трубочкой. А в них — железные пруты, которыми они могут проткнуть тебя насквозь как вертелом. Не стоит поворачиваться к ним спиной. Улыбайся и делай вид, что ты не замечаешь прута в газете, не видишь, как

напряглись звериные мышцы их тел. Но никогда не давай зайти зверям за твою спину.

На самом деле мне не сорок лет, а только двенадцать, но это не так уж важно.

У меня есть набор стандартных фраз, которые помогают мне выжить в мире людей.

1. Я уже покушала, спасибо.

2. От этих таблеток у меня болит живот.

3. Сегодня чудесное утро (день, вечер).

4. Я хочу побыть в одиночестве, чтобы почитать (посмотреть кино, послушать аудио—лекцию, просмотреть газеты).

5. Всем желаю спокойной ночи (счастливого пути, удачи в жизни).

6. Эти цветы (луна, платье, собака, костюм, туфли, театральная постановка, причёска, картина, идея, пейзаж, человек) удивительны.

7. Нет, меня ничего не беспокоит.

8. Спорт — это прекрасно.

Как видите, этот универсальный набор вполне себе респектабелен. Вы тоже можете им пользоваться. Однако, если люди решили, что вы сумасшедший, вам не поможет даже это. Мне неинтересно мнение людей обо мне, так как я всё равно не в силах его изменить.

Многословие предназначено для людей. Они беспрерывно чт-то кому-то говорят. А когда говорить не о чем, то поют или смотрят телевизор, где говорят и поют другие люди. Разве это не бред? Хорошо, что ночью большинство людей спит молча. Хотя не всё. Но и та чушь, что несут болтуны во сне, мало отличается от того, что говорится ими утром.

Больше всего, как вы уже поняли, я люблю молчание. Но моё молчание не мешает мне читать, слушать музыку. Я просто люблю слова внутри, а не снаружи.

Самая интересная история происходит со мной прямо сейчас. И слова о ней протекают внутри меня. Я влюбилась, что немаловажно, и поэтому молчание наиболее красноречиво, а внутренние слова сбивчивы и многочисленны. Я — Лаура. Я в лавине слов любви. Назовём моего избранника — Казанова, ибо он и есть воплощение любви. Мне кажется, что он должен быть коварен, лжив и бесчестен. Он должен быть убийцей, вором и растлителем. Он полная противоположность мне, и потому мы сочетаемся с ним как форма и содержание. Как свежий кекс и силиконовый стаканчик. Но если вынимать кекс резко, он треснет. По моему сердцу проходит ужасная трещина. Марианская впадина. Казанова. Я его совсем не знаю, но чувствую, что Казанова непременно должен быть холоден и ироничен, презрителен и ленив. Совсем как «не я». Иначе любовь не состоится. Когда он ответно полюбит меня, я охладею.

Он сидит в обширном полуразрушенном холле на груди сложенных как попало кирпичей и рисует в большом блокноте. Я заглядываю через его плечо, но вижу только формулы и чертежи. Казанова нанят моей бабушкой для реставрации дома. Он считает, сколько времени, труда и денег нужно вложить в эту развалину, чтобы можно было забыть о пожаре и его последствиях.

У него прямая спина под синей холщовой рубашкой навывпуск, на которой проступили пятна пота. Пахнет он восхитительно. Его длинные выгоревшие кудри спутаны, перевязаны сзади шнурком. Я двумя пальцами осторожно развязываю узел, потянув за кончик шнурка. Казанова нетерпеливо поводит плечами.

— Привет, ты мне мешаешь, — раздражённо говорит он.

— Привет. Сегодня чудесное утро, — выдаю я мысль из стандартного набора фраз.

— Уже полдень, и я устал. — Казанова наклоняет голову набок и разминает кистью

шею сзади и сбоку.

— Старуха сварила кофе и испекла булочки.

— Это звучит сомнительно. В двенадцать дня я привык к сочному бифштексу.

— Старуха готовит обед только к четырем дня, когда я обычно обедаю, — с ударением на «я» произношу я.

— Придётся потерпеть? — усмехается Казанова.

— Видимо, да. Но я могу попросить её поторопиться. — я пытаюсь угодить

— Не стоит, я схожу «К Ленни».

К сожалению, этот диалог тоже происходит в моей голове, так как Казанова не входит в круг людей, с которыми я могу общаться. Это небезопасно. В действительности я стою за его спиной, тихо рассматривая записи в блокноте. Заметив меня, Казанова встаёт с груды кирпичей, складывает блокнот и карандаши в заплечную сумку и, подмигнув мне, уходит. В его представлении я — тупая аутичная девица, которая не смотрит в глаза никому, ковыряется в носу и пускает слюни.

Я иду завтракать, молча беру булочку, намазываю её мягким сыром и наблюдаю за садовником. Он поливает розы под окном, а я медленно жую. Садовник — мой старый приятель. По его длинному и горячему взгляду понятно, что он не прочь поменяться местами с Казановой, чтобы занять место в моём сердце.

Выпив кофе с булочкой, я чувствую, как моя любовь к Казанове постепенно возвращается на своё место, я снова могу думать о нём, а не о позднем завтраке. Я думаю о своей любви, когда одеваюсь, обуваюсь, выхожу из дома, киваю встречной служанке. В её руках свежий вилок капусты.

— Добрый день, на обед будет бигус.

— Эта штука восхитительна.

Я думаю о Казанове, когда иду по освещённой солнцем улице, когда сворачиваю на перекрестке, когда перехожу дорогу, когда чуть не сталкиваюсь с велосипедистом, когда завязываю свой шнурок на левом кроссовке. Я думаю о Казанове, потому что это самые приятные и текущие мысли. Они похожи на розовую воду в полупустом парфюмерном флаконе. Они чистые, потому что между мной и Казановой ещё ничего не было. Я знаю, что Казанова пробудет в моём доме ещё несколько месяцев, пока работа не будет сделана, и я могу приходить к нему в любое время, смотреть, как он чертит и считает, как кричит на подрядчиков, как стучит на печатной машинке, как он ест бургеры от Ленни. Всё, что он делает — прекрасно. Но на самом деле — он жестокий убийца, хотя о том не подозревает никто. Мне нравится думать, что он тоже многомерный кристалл, как и я, иначе мужчина неинтересен. Мне нравится думать, что он из России, где все носят меховые дохи, гуляют по тайге с медведями и жарят грибы с картошкой. Надо спросить его, откуда он родом, потому что его выдаёт славянская внешность. И почему кровавый киллер избрал для себя личину простого реставратора? Кого он намеревается убить? Наверное, меня. Ах, как это захватывает... Сколько я всего напридумала за четверть часа!

У каждого человека есть тайна. Она может быть маленькой, как камешек в ботинке или большой как воздушный шар. В любом случае её очень трудно хранить. Тайна мешает жить спокойно. Но она делает жизнь человека не такой уж пресной. Тайна ограничивает тебя в твоих поступках и мыслях, и потому — тяготит. В душе каждый хранитель тайны мечтает, чтобы тайна была раскрыта. Влюблённый жаждет признания и боится его. Удачливый вор стремится стать знаменитым, чтобы его мастерством восхитились все. Поэт, пишущий в

стол, грезит о признании толпы. Но развенчание тайны — это своеобразное свержение с пьедестала.

Я представляю собой исключение. Моя тайна не должна быть раскрыта, потому что она касается убийства. Пока моя тайна остаётся таковой — я могу жить спокойно. Я привыкла к своей жизни, и перемен в ней не жажду.

Моя тайна как картина, поверх которой написана ещё одна, а поверх другой — третья. К сожалению, есть люди, которые догадываются о какой-то части моей тайны, но я надеюсь, что сложить все части мозаики воедино у них не получится, так как для этого им нужно встретиться и поговорить. Но, как же они будут говорить, если совершенно не умеют слушать друг друга?

Надеюсь, я смогу водить за нос всех достаточно долго, а когда бдительность будет окончательно усыплена, я нанесу такой удар, от которого им точно не оправиться".

На этом записи обрывались. Возникло ощущение, что это только часть текста. Интрига беспокоила Хью Барбера и давало ему пищу для размышлений. Что можно почерпнуть из этого текста, учитывая, что он может носить биографический характер? Что если текст написан не Лаурой? Что если он написан не о Лауре? Что, чёрт возьми, происходит?

Глава 16. Последнее свидание

Хью полюбил прогулки по набережной. Изар был красивой в любое время года, но конец августа сам по себе был хорош, и раскрасил Изар яркими солнечными пятнами уходящего лета. Теплый мягкий вечер обещал приятную встречу с Лаурой. Хью остановился у цветочницы и купил букет белых астр, завернутых в упаковочную бумагу. Хью сомневался, понравится ли букет Лауре, но разве есть девушки, равнодушные к подаркам? Хью не знал, в какое время освободится Лаура от забот по дому и решил прийти к шести часам, полагая, что именно с этого времени следует отсчитывать понятие «вечер». Пока Лауры на набережной не было, Хью прогуливался между газетными киосками и изучал своё отражение в витринах. Светлые щёгольские джинсы, крупной вязки жакет и полосатая рубашка — всё куплено на аванс старухи Майер и вызвало невольную улыбку Барбера. Никогда ещё слезка за убийцей не превращалась для него в романтическое свидание, и никогда ещё Барбер не был так увлечён девушкой.

Несмотря на приятную внешность Барбер очень сомневался в своих мужских чарах. Ему казалось, что в облике не достаёт мужественности, брутальности. Слишком мягкая линия подбородка, никаких шрамов, серые глаза слегка навывкате. Ему бы хотелось иметь миндалевидный разрез глаз с небольшим прищуром, чтобы одним взглядом буравить насквозь подозреваемого. Мускулатура не перекачана, но угадывается под свободной рубашкой, а Барберу хотелось одним своим видом устрашать противника. Как бы хотелось иметь не пухлые девчачьи губы, а надменную полоску губ, которые бы кривились в глубокомысленной, всезнающей усмешке. И, конечно, возраст, вот главная проблема Хью Барбера. Никто не воспринимает всерьёз человека, которому от роду двадцать шесть лет. Не будешь же при знакомстве говорить о себе: «О, это я, тот самый Хью Барбер, знаменитый детектив, разыскавший похищенную Сьюзен Далли и раскрывший аферу Мюллерсонов».

Вдоволь насмотревшись на себя в стекло витрины киоска, Барбер с глубоким печальным вздохом двинулся вдоль набережной к стайке художников. Парни и девушки только начали размещаться, зазывая прохожих позировать для карандашных портретов. Фрёкен Голл стояла поодаль от всех и рисовала один и тот же пейзаж. Непокорная чайка бороздила небеса на неоконченном полотне, фрёкен Голл регулярно затирала холст, поэтому её чайка перемещалась из центра картины попеременно то влево, то вправо, в этот раз она и вовсе находилась в углу картины, причём походила на свежеоципанную курицу. Фрёкен Голл скосила глаза на Барбера и с усмешкой сказала: «О, цветы для Лауры!». Барбер снова рассмотрел букет и спрятал его за спину.

— Добрый вечер, фрёкен Голл. Прекрасная погода.

— Отучитесь говорить дамам банальности, мистер Петерс, и тогда у вас будет больше шансов покорить их сердца, — со знанием дела ответила ему фрёкен Голл.

— Спасибо за совет, — буркнул мнимый мистер Петерс и уже было собрался уйти.

— Лаура вряд ли придёт сегодня, когда погода безветренная, она гуляет в Английском саду с Борисом Казариным, везёт его коляску. Он любит поглазеть на книжные развалы и выпить рюмочку на свежем воздухе.

— Лаура мне назначила свидание, — независимым тоном произнёс Хью Барбер.

— О, вот как? Ну, желаю удачи, — с сомнением в голосе произнесла фрёкен Голл и окинула собеседника оценивающим взглядом. Рассматривая его примерно с минуту, она

одобрительно кивнула головой и вернулась к работе над пейзажем.

Барбер почувствовал себя идиотом, вправду сказать, при общении с женщинами он зачастую себя чувствовал так. Немного помолчав, он решился задать вопрос фрёкен Голл.

— Фрёкен Голл, вы не поверите, но мне удалось встретиться с Борисом Казариным, — встретив удивлённый взгляд художницы, сообщил Барбер. — Мы очень продуктивно поработали, побеседовали о выставке «Лица и лики», и мне этот человек, поистине мэтр, показался очень интересным собеседником.

Фрёкен Голл презрительно фыркнула:

— Я-то о нём невысокого мнения. Хотя и не скрою, что мало его знаю. Этот Казарин такого туману о себе напустил... Приехал лет десять назад в Мюнхен, отрекомендовался русским диссидентом. Да никто и слыхом не слыхивал о таком диссиденте. По-немецки, правда, говорит отменно, да и на других языках тоже. Образован, полиглот, явно небедный... Что ещё сказать? Живёт уединённо, с нашим братом-художником дружбы не водит. По крайней мере, я не знаю, чтобы у него кто-либо дома бывал... Инвалид-колясочник, сварливый и мизантроп. Вся его жизнь — это Лаура. Неразлучники.

— Значит, за ней никто не ухаживал из молодых парней? — ревниво осведомился Барбер.

— Нет, многие ухлёстывали. Да только она не принимает их ухаживаний. Посмотрит как-то высокомерно, так и охота пропадает за ней ухлёстывать. Других девчонок много. — фрёкен Голл резко повернулась к Барберу и спросила, глядя в упор, — вот объясните мне, чего вы в ней все находите?

— Она красивая, — неуверенным голосом сказал Барбер и покраснел, — и в ней есть какая-то загадка.

Фрёкен Голл разразилась неприятным смехом, да так, что на них стали оглядываться прохожие.

— Всей красоты — только и есть, что молодость. А загадка? Чую я, что загадка только в том, что живёт она со старым пердуном Казариным и крепко от него зависит.

Фрёкен Голл резко перестала хохотать и принялась рыться в коробке с красками. Хью Барбер некоторое время наблюдал за тем, как художница перебирала кисти, и, остановившись на самой тонкой, стала ставить микроскопические белые точки в углу картины. Это было так похоже на медицинские манипуляции, что Барбера даже передёрнуло, и он отвернулся. Немного помолчав, Барбер спросил у нее:

— Вы, похоже, недолюбливаете Лауру?

— С чего вы взяли, мистер Петерс? — удивилась фрёкен Голл, — мы с ней — подруги.

«Странное представление о дружбе», — подумал детектив. Его хорошее настроение улетучилось, но он не уходил.

— Знаешь, что я тебе скажу? — фрёкен Голл в упор посмотрела на Барбера. — Не такой ей нужен парень, как ты. Не молодой хлыщ и бездельник, что шатается туда-сюда. Девчонка — сирота, защитить её совсем некому. Судя по всему, у неё и нету — то никого, кроме старого пердуна Казарина. Я сроду не слышала от нее о каких — либо родственниках. Когда о матери спросила, то она сказала, что та умерла давно, да и отец не то есть, не то нету. Одна она. Не знаю, куда социальные службы смотрят.

Барбер молчал, впитывая информацию.

— Что Казарин может? Старый хрыч он, — безапелляционно сообщила художница. — Одной рукой даёт миску с похлёбкой, а другой — поводок придерживает. И никуда Лауре от

него не деться. Подчинил её себе полностью. Играет на её жалости, на её доброте. От неё только и слышно: «Борис то, Борис сё... Борису надо... Я и Борис...». Ненормально это.

Хью Барбер молчал, машинально и бездумно постукивая букетом по ноге.

— Ей нужен этакий рыцарь на белом коне. Который приедет и увезёт её в другую жизнь, — сделала безапелляционный вывод фрёкен Голл и стала яростно смешивать краски на палитре. — Рыцарь, а не хлыщ с амбициями и залакированным чубчиком. Да-да, это я о тебе говорю, мистер Петерс, прими к сведению бесплатный совет.

— Спасибо, леди, — картинно откланялся Хью Барбер и вальяжно удалился демонстрируя пренебрежение. Но на душе было гадко, весь романтический настрой пропал напрочь. Фрёкен Голл подтвердила, что нет в нём ни капли мужественности, и совсем он не подходящая пара для Лауры. Пройдясь по набережной в оба конца, Хью Барбер спиной всё время ощущал взгляд противной фрёкен Голл, хотя дважды оборачивался и та не смотрела в его сторону. Она была погружена в свою бессмысленную титаническую работу. Посмотрев на часы, Хью Барбер убедился, что уже половина восьмого, а Лауры всё не было. Он был чрезвычайно расстроен, и решил было уже пойти в гостиницу, выбросив букет, как увидел её. Лаура медленно шла по набережной навстречу Хью Барберу и улыбалась ему. На ней была пёстрая длинная летящая юбка, толстый свитер «оверсайз», который только подчёркивал хрупкость ее фигурки. Длинные волосы были высоко приподняты и закручены в прихотливый узел с яркими блестящими шпильками. Всё в ней было мило и безыскусно. Увидев открытое, словно светящееся изнутри лицо Лауры, Хью мгновенно забыл о том, что он детектив, а она — опасная психопатка, что фрёкен Голл только что сообщила ему о непристойной связи Лауры и Бориса, забыл о том, что ожидает результатов экспертиз. Он был просто очень рад видеть эту девушку. А как любой ревнивый ухажёр он сразу стал допытываться, где была Лаура, почему она долго не приходила. На все его вопросы Лаура отвечала спокойной улыбкой. Присев на скамейку, она достала из заплечной сумки блокнот и карандаш.

— Я хотела показать тебе свой альбом с рисунками, но обнаружила что и показывать-то нечего. Неоконченные работы и наброски — небольшая копилка. — сказала она. И немного помолчав добавила, — Мне нравится этот букет, я хочу его нарисовать.

Совершенно бесполезная затея была допрашивать о чем-либо Лауру. Её поведение было таково, что она в любой момент без объяснения причин могла уйти и не сказать ни слова в своё оправдание. Настроение у Хью улучшилось и он без всяких расспросов стал просто наблюдать за тем, как Лаура делала набросок. Удивительно точными движениями, то резкими, то плавными штрихами Лаура нарисовала букет, не забыв об одной печально поникшей астре, которую сломал Барбер, хлопывая себя букетом по ноге. На рисунке была также рука Барбера, и Хью удивился, как потрясающе точно она отразила её абрис, линии контура ладоней и пальцев. Лаура с улыбкой вручила рисунок Барберу, вырвав листок из блокнота.

— Тебе, на память, — пояснила она, — вдруг тебе захочется взять какой-нибудь мой рисунок.

У Барбера кольнуло в груди, но он сделал вид, что не понял прямого намёка.

— Спасибо, Лаура, похоже, мне нравится быть натурщиком.

Лаура привстала на цыпочки и неожиданно поцеловала Барбера.

Хью несколько ошалел от неожиданности, а фрёкен Голл заплотировала. Оказывается, она наблюдала сцену с нескрываемым удовольствием.

— Ты скоро уезжаешь? — спросила Лаура у Барбера.

— Нет, с чего ты взяла? — с деланным удивлением поинтересовался Барбер.

— Ты допишешь свой очерк, и делать в Мюнхене тебе будет нечего, — грустно ответила Лаура, взяв Хью под локоть и уводя его от зевак по набережной в направлении кафе «Весёлая устрица».

— А что ты будешь тут делать, Лаура, — спросил Хью.

— То же, что и раньше, — спокойно посмотрела в его глаза Лаура. — Буду писать и рисовать, совершенствоваться в технике. У меня есть длинный список непрочитанных книг. К тому же я планирую посетить несколько книжных презентаций. На зиму мы уедем с Борисом в горы, у нас там есть небольшой домик. Будем варить кашу и суп, я буду кататься на лыжах и санках. В общем, буду жить.

— Лаура, а разве тебе не хочется учиться, получить высшее образование, путешествовать по миру? Ты ведь такая талантливая, такая интересная? — продолжал допытываться Хью.

— Нет, Петер, это мне ни к чему. Мне нравится спокойная и размеренная жизнь. Я не хочу перемен, не хочу лишнего общения. Всё, что мне нужно, я могу найти в музее, книге, публичной лекции, советах Бориса. — Лаура запнулась на несколько секунд и продолжила, — в наблюдениях за людьми, природой, животными и птицами. Я хочу посвятить свою жизнь искусству, и для этого мне совершенно не нужно знать о принципах итальянской бухгалтерии, Пунических войнах и закате Европы.

— А если ты захочешь написать эпическое полотно «Закат Европы?» — пошутил Хью Барбер.

— Ну, тогда я прочту Шпенглера, — ответила ему со смехом Лаура.

— Мне будет очень тебя не хватать, — сказал Хью, остановившись и взяв Лауру за плечи. Девушка не сопротивлялась, её плечи были такие тёплые и мягкие, такие хрупкие, что Хью не решился поцеловать её, а прижал девушку к своей груди, и они стояли, обнявшись на набережной.

— Ты всегда можешь приехать ко мне в Мюнхен, Петер, — прошептала Лаура.

Потом ещё долго Лаура и мнимый Петер Петерс гуляли по набережной, болтали ни о чём, обсуждали прохожих, детей, которые кормили жадных чаек, потом влюблённые сидели на скамейке, пока не сгустился вечер. Настала пора проводить Лауру домой, и Хью снова решил коснуться тем, которые у Лауры были под запретом. Притом он решил приоткрыть Лауре часть информации о себе, чтобы выпытать взамен немного искренних слов. Такому психологическому приёму его учил отец. И хотя было достаточно противно проверять его на Лауре, Барберу безумно хотелось узнать о ней как можно больше.

— Знаешь, я ведь бросил учёбу на третьем курсе. Отец мечтал видеть меня адвокатом, и я поступил на юридический факультет в Брюссельский университет. — неожиданно сказал Барбер. — Я наверное, не говорил тебе, что много лет прожил в Брюсселе, да и родился там.

Лаура покачала головой, и, прижавшись к плечу Барбера, спросила:

— Почему же ты бросил учёбу? — тихо спросила она.

— Оказался не способным к методичной работе и усидчивости. Стал выпивать и махать кулаками направо и налево. В итоге вылетел как пробка из бутылки шампанского. Отец к тому времени уже умер, и мне не перед кем было испытывать чувство стыда. Я поболтался немного по Европе, и осел в Берлинской газете, куда по старым связям отца меня взяли внештатным сотрудником.

— Тебе неинтересно быть репортёром? — спросила Лаура.

— Я думаю, что у меня к тому мало склонности, и к тому же я очень вяло и неубедительно пишу, — пошутил Барбер.

— Я думаю, что твоя проблема в том, что ты ищешь себя, и никак не можешь найти. — тихо и убеждённо ответила Лаура. Немного помолчав, добавила: — но это распространённая ошибка — метаться в поисках себя. Чтобы понять себя, надо просто послушать себя, свою внутреннюю музыку.

Хью засмеялся.

— И не смейся, — Лаура легонько шлёпнула его ладонью по губам. — Послушай просто. Человек всегда знает, чего он хочет. И этому надо следовать, бог не зря же создал нас разными, надо послушать сердце, так ты узнаешь своё предназначение.

— У тебя всё просто, Лаура, — с сомнением сказал Хью, — а у людей уходят на поиски себя годы, а у кого-то и вся жизнь.

— Простота — основа мира, и только человек всё склонен усложнять. — ответила ему со вздохом Лаура. — Если бы бог творил по принципу «создай загогулину на пустом месте», он бы не уложился в шесть дней при сотворении мира.

Хью и Лаура засмеялись. Хью было так хорошо, что он перестал чувствовать время. Казалось, этот вечер будет вечным. Шумящие клёны, чья листва уже начала закручиваться под августовскими лучами солнца, прогретые чуть облупившиеся скамейки, трещины на асфальте — все эти несовершенства мира придавали особый шарм и говорили Хью: «Всё это существует, да-да. Не сомневайся. И ты существуешь, и Лаура, и вы очень нравитесь друг другу».

— Значит, Лаура, ты нашла себя? — наконец спросил Хью девушку.

— Да, — просто ответила она.

— И расскажи мне, если не секрет, что же такое Лаура Брегер? — с лёгким сарказмом спросил Хью, сердце которого замерло в предвкушении раскрытия тайны.

— О, это та ещё штучка! — засмеялась Лаура. — Однако, мы пришли.

Лаура показала рукой на дом Казарина, который виднелся в середине улицы.

— Я и так задержалась. Борис не любит, когда я шатаюсь тёмными улицами, — Лаура деланно вытаращила глаза, демонстрируя страх. Хью крепко схватил её за руку и решил не отпускать.

— Ты всегда делаешь то, что надо Борису? — спросил он напрямую жёстким голосом.

— Это грубо, Петер, не надо, — попросила Лаура, склонив голову на плечо.

— Если хочешь знать, то я ревную. Причём очень серьёзно. — ответил Хью, но руку не отпустил.

— Совершенно напрасно, Петер, — ответила ему девушка и поцеловала в щеку. — Придёт время, и ты узнаешь, как сильно ты ошибался.

Упрямство Хью куда-то бесследно испарилось, он безвольно отпустил девушку, и Лаура, помахав на прощанье, скрылась за дверью дома Бориса Казарина. После этого Хью понял, что Лаура не назначила ему свидание. И эта мысль расстроила Хью Барбера.

Хью вернулся в «Палладу», где на стойке администратора его ждала телеграмма от секретарши Свена Свенсона. Миранда Майер была согласна встретиться с Хью Барбером в ресторане «Полночь мира» в двадцать часов, завтра. Он стал собирать чемодан, предстояло вылететь в Антверпен.

Встреча с Мирандой Майер в «Полночи мира» заставила Хью Барбера понервничать

Он уже стал путаться в версиях и легендах. Поэтому в самолёте размышлял, как лучше подать себя в разговоре с богатой наследницей пивной империи. Сначала он хотел также представиться старшей сестре как журналист берлинской газеты, но потом понял, что встречу ему организовала секретарь «Барбер, Свенсон и сыновья», что весьма осложнило легенду. А вдруг Миранде было известно, что Барбер — частный детектив? И легенду нужно было придумать срочным образом. Также следовало одеться элегантно, ибо в рестораны такого уровня не пускали в джинсах или слаксах. В общем, у Хью Барбера было над чем задуматься. Сразу же по прибытии в Антверпен, он поспешил в офис агентства. На его счастье, шефа на месте не оказалось, а потому не пришлось отчитываться о том, каковы успехи по контракту номер сорок семь. Секретарь Ханна занималась счетами и сухо кивнула Хью.

— Привет, Ханна! Хочу уточнить некоторые детали сегодняшней встречи с Мирандой Майер, — без обиняков спросил Хью.

— Так, я всё записала, — ответственная Ханна открыла ежедневник. — Встреча с Мирандой Майер в 20 часов сегодня, 15 августа.

— Как ты меня представила?

— Как ты и сказал — журналистом «Юнге Вельт». Сказала, что звоню по твоей просьбе, как коллега по редакции.

— Умница. — похвалил Хью Барбер.

— Кстати, тебе записка от Свенсона, он в отъезде на несколько дней. — Ханна протянула Барберу конверт.

Хью откланялся и побежал в кабинет прочесть инструкцию шефа.

— Ханна, из кабинета крикнул он, — закажи мне приличный костюм в прокате.

Из записки следовало, что Юрген Бах поторапливает с выполнением контракта. И так, ничего нового, как и ожидал Хью.

Глава 17. Как они непохожи!

Хью облачился в костюм из проката и остался доволен. Однако, мать не одобрила внешний вид сына, костюм ей категорически не понравился. Ткань была жёсткая, лощёная. Блестела новомодной искрой. Мать с присущим ей категоричностью высказалась: «Плечи словно киселём облитые!» Из этого Хью сделал вывод, что костюм в прокате взят Ханной именно тот, что нужно. Детектив не смог уделить матери должного внимания, так как сначала составил дневни-отчёт об истёкших событиях, а затем стал приводить себя в порядок для ответственной встречи. Он уже совершенно не помнил, с какой целью запланировал встречу с Мирандой Майер. И, сверившись с ранее составленным планом, увидел, что встреча планировалась для проверки версии о том, что Юджине кто-то помогал сбежать из родного дома, и этим «кем-то» могла быть и старшая сестра. Теперь же, когда Хью был уверен в том, что обнаружил Юю в лице Лауры, особого интереса во встрече он не испытывал. Однако, дело следовало довести до конца, и ему пришлось прибыть в «Полночь мира» не только заранее, но и при полном параде.

«Полночь мира» сверкала огнями зеркальных люстр, многократно отражавшихся в зеркалах. Бархатные чёрные и небесно-голубые портьеры обрамляли высокие окна. На потолке гостили белокурые посеребрённые ангелы. Роскошь и варварское величие этого места не смутили Хью Барбера, который выглядел весьма нелепо в костюме с чужого плеча. Присев по приглашению метрдотеля за столик в глубине зала, Хью заказал стакан минеральной воды и стал украдкой рассматривать публику. Играл ненавязчиво джаз-банд, как казалось Барберу, уже вышедшие из моды мелодии, да и сами посетители были как гости из прошлого. Фраки и бабочки мужчин, серебристые платья женщин. Словно попал в эпизод фильма «В джазе только девушки». Миранда Майер опоздала на пятнадцать минут, что вполне соответствовало представлению Хью о ней. Хью встретил её поклоном и лёгким пожатием руки, хотя и ломал голову, стоит ли поцеловать руку. Вообще, он никогда такого не делал, за исключением поцелуя руки Лауры. Миранда была ослепительна. И совершенно не походила на свою сестру. Её волосы были того пепельного оттенка, который выдаёт умелого стилиста, длинные локоны спадали на плечи и спину волнистым каскадом. Макияж был незаметный, украшения — напротив достаточно массивные с крупными жемчужинами. Платье до колен было простым, но очень элегантным. Миранда, как и все воспитанные девушки, сделала вид, что не замечает простоватого костюма Хью. Девушка была крупного телосложения, с хорошо развитой грудью и спортивными широкими плечами, в ней не было хрупкости Юджины Майер. Скорее старшая сестра была похожа на свою бабушку. Та же сильная фигура, полноватое лицо, упрямая линия губ, уверенный и властный взгляд женщины, умеющей покорять и подчинять.

— Мистер Петерс, — грудным голосом произнесла Миранда, чем тоже напомнила Хью бабушку, — я удивлена вашей просьбой о встрече. Не представляю, чем могла заинтересовать журналиста «Юнге Вельт». Я надеюсь, вы не собираетесь писать о моей предстоящей помолвке.

— Нет, не собираюсь, — Хью успокаивающе улыбнулся Миранде. Тем временем официант принёс меню. Миранда, не глядя, заказала:

— Бокал полусухого шато монтроз 1973 года и пару сортов зрелого сыра... на ваш вкус. Пожалуй, ещё паштет из гусиной печёнки.

Хью так себе и представлял, что миллионеры лопают паштеты из гусиной печени просто тоннами. Он облегчённо вздохнул про себя и заказал то же, что и его дама.

— Итак, о чём пойдёт речь? — улыбнулась Миранда, когда официант расторопно удалился.

— Речь о моей книге и об одной из её героинь, — сказал Хью, демонстрируя свою ответную улыбку. — И вы с ней знакомы, мисс Майер. Речь пойдёт о вашей сестре.

Миранда растерялась, но быстро собралась и переспросила:

— О сестре? Но вы же знаете, что она погибла...

— Я пишу книгу о детской и подростковой преступности. Получив консультации некоторых специалистов, в том числе и профессора Бреццеля, я подумал, что мог бы встретиться с кем-то из членов семьи Юджины Майер. Хотя сама Юджина будет только одним из персонажей моей книги.

— Профессор Бреццель? — непонимающе переспросила Миранда, — кто это?

— Этот психиатр лечил вашу сестру и давал заключение о состоянии её здоровья для полиции.

— Я этого не знала, — легкомысленно сообщила Миранда, — впрочем, я тогда сама была почти ребёнком. — Немного помолчав и потерев локон, Миранда сказала — понимаете, я бы не хотела, чтобы теперь, в преддверии моей помолвки имя Майеров как-то негативно упоминалось в прессе или в книге. Мы так устали от сенсаций...

— Миранда, могу заверить вас, что все герои моей книги будут выведены под псевдонимами, я никоим образом не заинтересован в исках и судебных разбирательствах.

Миранда покивала головой. Официант принёс заказ, и беседа на время умолкла.

— Поймите, герр Петерс, — сказала Миранда, ловко расправляясь с паштетом, — я к своему стыду, ничего интересного сообщить вам не смогу. Когда Юю устроила весь этот кошмар, я была на учёбе, и узнала обо всём даже не от членов семьи, а от полиции. Бабушка была занята тем, что пыталась спрятать следы преступления Юджины. А потом, переживая смерть отца, я так сконцентрировалась на этой потере, что о своей сестре совершенно не думала.

Миранда отложила вилку и посмотрела в глаза мнимому журналисту.

— Поймите, — снова сказала она. — Я осталась со своим горем одна. Всё внимание было сконцентрировано на Юджине. Внимание психиатров, прессы, полиции, бабушки, слуг! Абсолютно всех, — Миранда говорила с горечью в голосе, однако, соблюдая приличия, и не повышая тона, — и потом, когда я узнала, что Юджина будет жить в клинике, я почти успокоилась. Я боялась её.

— Почему вы боялись её, Миранда? — удивился Хью.

— А вы бы не боялись? — усмехнулась девушка. — то, что я читала в газетах, и о чём бабушка говорила шёпотом со слугами меня пугало. Раньше я не замечала странностей в поведении Юю. Разве что избалована, окружена всеобщим вниманием... Но ведь она потеряла мать, и малышке было всего четыре года, неудивительно, что отец её разбаловал. Я даже не представляла себе, что она больна.

— А вы общались с сестрой после ее выписки домой? — спросил Барбер, уминая закуски.

— Почти нет, — Миранда отпила из бокала и облизнула губы, показав розовый язычок. — Врачи сказали, что Юджине это вредно, да и бабушка не хотела нашего общения. Я скучала по сестре, но ... Всё в доме стала решать бабушка.

— Сменим тему, — предложил Хью.

— Давайте, — улыбнулась очаровательная собеседница.

— Скажите, у вашей сестры были задатки художницы? — спросил Хью.

— Странный вопрос, — покачала головой Миранда, — какое это имеет отношение к вашей книге о детской преступности?

— Собственно, никакого, — спохватился мнимый Петерс, — просто мне попадались на глаза рисунки Юю Майер, сделанные в клинике. Они очень необычные.

— Я читала где-то, что сумасшедшие часто проявляют таланты в стихосложении, музыке и живописи. Может быть, и у Юю был такой талант, но теперь это нам не суждено узнать, — печально покачала головой Миранда.

Она отложила вилку и кивком позвала официанта, Хью понял, что аудиенция завершена. Расплатившись, собеседники высказали друг другу уверения во взаимном уважении, а Барбер обещал прислать экземпляр книги Миранде. Прощаясь, он решил задать контрольный вопрос молодой богачке.

— Если бы вдруг, случайно, скажем, выяснилось, что Юджина Майер жива, то что бы вы на это сказали? — Хью пристально посмотрел в глаза собеседнице.

— О, это из области невероятных событий, герр Петерс, — развела руками она. — За столько лет я свыклась с мыслью о её гибели... Думаю, что сумасшедшие очень быстро деградируют и становятся ещё более опасными... Даже не знаю, была ли я рада встрече...

Миранду увёз шофер в фешенебельном авто, а Хью поехал домой на городском автобусе.

Придя в квартиру, он первым делом снял костюм, аккуратно завернул его в чехол и подумал, что этот день прошёл совершенно зря, да ещё и ввёл его в неоправданные затраты. Что же записать в дневнике? Только то, что Миранда Майер уж точно не помогала Юю сбежать из дома.

Глава 18. Идентификация завершена

Наутро полный надежд на успех Барбер позвонил в антверпенскую лабораторию. Ди Морен ответила, что за результатами можно явиться.

Детектив явился без промедления и, стараясь быть спокойным, спросил эксперта: «Привет, Ди, чем меня порадуешь?». Ди откинулась на спинку стула и, сняв очки, потёрла переносицу.

— Ситуация стандартная. На обложке блокнота обнаружено семь чётких отпечатков пальцев и около десяти фрагментарных. На полимерной упаковке есть два пригодных отпечатка, на футляре для очков — один отпечаток, остальные смазанные. Отпечатки пальцев с чайной чашки не пригодны для идентификации. Один полный отпечаток пальца, обнаруженный мной на блокноте, совпадает с отпечатком, изъятым с упаковки бумажных салфеток, два фрагмента совпадают с отпечатками на футляре для очков. Вернее, являются фрагментами указанных отпечатков, если быть предельно точным.

Сердце Хью учащённо забилося.

— Спасибо, Ди, — детектив протянул конверт с деньгами и увесистый пакет с документами. — Мне нужно ещё одно исследование. На этот раз — исследование идентичности почерка.

— Это не ко мне, Хью. Я передам Дитеру твой пакет. В последний раз выполняю заказ, я из-за тебя работу терять не хочу. Меня по головке за такие подработки не погладят, — строго сказала Ди, но конверт и пакет с трудом сунула в дамскую сумочку-шоппер, — сам понимаешь, официального документа я тебе не выдам по идентификации отпечатков, только фотографии самих отпечатков и схему совпадений.

Посмотрев на глянцевые листы фотобумаги, Хью увидел, красные стрелки и кружки вокруг увеличено сфотографированных папиллярных линий, а также таблицу совпадений.

— Этого достаточно, Ди. Мне всё ясно. Надеюсь на помощь Дитера.

Хью вышел на улицу и глубоко вздохнул. Накрапывал редкий дождик, но дышать легче не стало. Столбики пыли подпрыгивали в такт крупным каплям. Доказательств было больше, чем достаточно: Юю и Лаура — это одно лицо. Лилиан имела право знать, что её внучка найдена живой и здоровой. Или не имела права знать? Хью решил повременить с отчётом, дожидаться заключения графолога, а затем вернуться к Лауре в Мюнхен. Лаура лгала, это было очевидно, лгал и Борис. Лгали все, с кем, так или иначе, входил в контакт Хью. Но почему? Несмотря на то что контракт номер сорок семь не предусматривал обязанности детектива выяснять всю правду и ничего кроме правды, Хью хотел знать, для чего подросток инсценировала собственную смерть. Наверное, это непрофессионально и непростительно — увлечься объектом расследования, но Хью ничего не смог с этим поделать, как ни противился.

Детектив вспоминал о девушке и не мог собраться с мыслями. Ему было жаль, что Лаура — это маленькая, дерзкая сумасшедшая убийца. В это было так трудно поверить. Как и о чём он мог теперь говорить с ней? Всё вокруг было ложью, продуманной и обстоятельной. Но ведь и сам он лгал. И в ловушку их странных отношений Хью загнал себя сам. Что же теперь делать, как построить разговор? Небольшой опыт общения с Лаурой подсказывал ему, что на прямой вопрос она не ответит, и ей при этом невозможно раскрыть только часть правды. Как объяснить Лауре, что он знает историю Юю, читал украденный

дневник, копался в медицинских документах, говорил с врачами, искал её друзей и друзей? Как можно скрыть факт контракта номер сорок семь? Неизбежный прямой разговор приведёт к тому, что Лауре станет известно, что бабушка её разыскивает.

Дитер Вайс не стал томить ожиданием Хью, и позвонил к вечеру того же дня. Хью словно на крыльях прилетел к входу в городской парк Мидделхайм, где ему было назначено деловое свидание.

— Дитер Вайс, — представился высокий лысоватый шатен, протянув сухую, приятно пахнущую одеколоном руку.

— Хью Барбер, — ответил детектив, с удовольствием отвечая рукопожатием. — Вот и познакомились.

— Спасибо за подработку, с деньгами всегда туговато, — улыбнулся Дитер.

— Не стоит благодарностей, — вежливо ответил Хью.

Дитер поведал, что графологический анализ текста занял у него несколько часов, но ему удалось сделать заключение, которое он даже официально оформил, как работу по договору.

— Смотрите, что выходит, мистер Барбер, — готовя некоторую интригу, сообщил Дитер. — Имеется значительное количество совпадений элементов написания букв в текстовых документах. Но есть и другие признаки идентификации автора текста. Если мы сравниваем по параметрам «наклон» и «нажим», то видим, что оба текста написаны с одним и тем же нажимом — средним. И с одним и тем же наклоном руки — вправо, при этом имеется характерная деталь: как бы вывихнутость руки. Это обычно бывает у людей с нарушением осанки, либо когда человек при письме несколько выворачивает руку кистью внутрь.

— Предполагаемый автор не страдает сколиозом, и рука не вывихнута, — задумчиво сказал Барбер.

— Не важно, эта особенность письма может сформироваться у человека с детства в виду неправильности осанки и положения тела при письме и сохраниться в дальнейшем. Это не позволит нам описать человека как горбатого или сутулого. Но позволит идентифицировать тексты.

Дитер показал выделенные места в двух текстах.

— Видите? Пишущий человек затирает чернила своей же кистью, размазывая их по листу, что свидетельствует о положении руки «ракушкой», — Дитер для убедительности несколько вывернул кисть, соединив пальцы в щепоть.

— Ясно. А по совпадениям букв?

— Значительное количество совпадений в написании элементов букв «а», «т», «л», «к». Однако, заглавные буквы в первом тексте снабжены витиеватыми элементами, которые полностью отсутствуют во втором тексте. И также во втором тексте практически нигде не имеется соединений между буквами, что говорит об отрывистом письме.

— Пытался ли человек специально изменить свой почерк? — уточнил Барбер.

— Нет, — с сомнением покачал головой Дитер. — Скорее, почерк человека с течением времени сильно изменился. Упростился, я бы сказал. Допускаю, что первый текст писал человек в подростковом возрасте, а второй — в уже более зрелом.

— Неужели и это может быть научно обоснованно? — удивился Барбер.

— Да, есть методики, я могу о них рассказать. — увлечённо начал Дитер.

— Нет, нет, спасибо, — спохватился Хью Барбер и нарочито посмотрел на наручные часы.

Дитер догадался, что детектив торопится, поспешил откланяться и заверить Хью в самых добрых намерениях дальнейшего сотрудничества. Хью Барбер быстрыми шагами направился в сторону аэропорта, возможно, ему удастся улететь одним из рейсов в Мюнхен. Хью было о чём спросить Лауру. Дитер только добавил уверенности в том, что Юю наконец найдена.

Прибыв в Мюнхен, Хью утратил свою былую решительность. Он вспоминал нежный профиль Лауры, ее мелодичный смех, хрупкую фигурку. Ему не давала покоя мысль о том, что он делает что-то неправильно и не так.

Ноги сами принесли Хью Барбера к набережной Изара, где они проводили свои вечера с Лаурой. По-сентябрьски холодный ветер разогнал всех праздношатающихся гуляк, студентов и художников. Не было видно ни самой Лауры, ни её постоянной компании. Но на набережной всё напоминало о Лауре, хотя её самой сегодня Хью там не встретил. На парапете сидели чайки, которые не боялись ни ветра, ни начинающегося дождя. Хью спустился к воде и прошёлся вдоль кромки берега. «Если я найду такой оттенок, который может передать воду в её текучем и одновременно неподвижном состоянии, рябь и ее поверхности и спокойную глубину, то я напишу лучший в своей жизни пейзаж», — говорила Лаура.

Хью брёл по кромке берега, пиная мелкую гальку, втянув голову в плечи. Капюшон защищал от назойливого дождя и порывов ветра. Хью думал: «Если рассуждать логически, то Лаура скрывает своё местонахождение потому, что она не хочет, чтобы её нашли. А почему она этого не хочет? Скорее всего, Лаура боится. Кто или что ей угрожает? Так или иначе, но всем известна душераздирающая история пожара, который учинила Юю, будучи ребёнком. Пожара, который унёс жизнь её отца. Юю не была осуждена за данное преступление, но это и невозможно, так как нет таких законов, которые могли бы упечь за решётку ребёнка. Может быть, Юю боится помещения в психиатрическую клинику, где она могла бы прожить до конца её дней? Это вероятно, но не достоверно. Юю убежала не из клиники, а из дома, врачи признали, что Юю может проходить лечение в домашних условиях. Следовательно, оснований бояться психушки у неё не было?» Рассуждая так, Хью добрёл до кафе «Весёлая устрица», где попросил себе чашку глинтвейна.

Сидя в полупустом кафе, прихлёбывая горячий напиток, Хью по обыкновению чертил на салфетке, кружки и стрелки, штрихи вдоль и поперёк помогали думать. Перед Хью уравнение с несколькими неизвестными. Что, если Юю сама является жертвой, которую обвинили в поджоге и убийстве отца, и она, зная истинного убийцу, боится за свою жизнь? Эта версия Хью нравилась гораздо больше, чем версия полиции, принятая как семьёй Майеров, так и обществом. Тогда почему Юю, уже будучи взрослой и самостоятельной девушкой, находясь под покровительством Бориса Казарина, не добивается правды, не разоблачает преступника, и, в конце концов, почему она не претендует на законную долю наследства. Ведь, убежав из дому и инсценировав своё самоубийство, девочка фактически поставила себя вне закона. Но причины детского импульсивного поступка теперь уже могли быть пересмотрены. Безбедная жизнь в особняке, деньги клана Майеров, новые перспективы и связи, богатые женихи и выходы в свет... Хью поморщился. В этой схеме не было никакого места для Хью Барбера.

Но когда Лаура смотрела в его глаза здесь, на парапете, слегка наклонив голову к нему, когда он обнимал её легонько, словно защищая от порывов ветра, Хью чувствовал, что между ними имеется притяжение, натянута ниточка, за которую держатся оба. Хью пил глинтвейн

и обдумывал свое положение. Ведь теперь оно было не только делом Юю, но и делом самого Барбера.

Есть два варианта действий: отвезти отчёт Лилиан и получить свой гонорар, либо поговорить с Лаурой и попытаться выяснить, что к чему. Поговорить начистоту. Но как это воспримет сама Лаура? И немаловажный вопрос: будет ли откровенный разговор с Юю нарушением контракта в строгом смысле этого слова? Лилиан не говорила, что контракт следует держать в секрете от Юю, этого условия также нет и в тексте контракта. Но из самой обстановки таинственности, которая предшествовала поездке в Мюнхен, следовало, что Лилиан не хочет никого посвящать в семейные дела. Не стоило забывать, что Майеры относятся к сильным мира сего, а Хью Барбер был песчинкой в людском море.

Хью, допив свой глинтвейн, почему-то медлил, словно впал в оцепенение. Он попытался прислушаться к себе. И уловил неприятное ощущение. Он чувствовал опасность, которая теперь касалась его самого, а не только Лауры. Это было иррациональное чувство, не стоило пытаться его объяснить. Он просто знал, что если будет продолжать копаться в этом деле, то его ждут крупные неприятности. И потому действительно следовало поговорить с Лаурой. Неужели две недели, проведённые в Мюнхене, ничего для них не значили? Неужели ему только показалось, что Лаура ждёт их как бы случайных встреч?

Хью вышел из «Весёлой устрицы», окончательно приняв решение.

Глава 19. От ворот поворот

— Зачем вы сюда пожаловали, молодой человек? — сердито спросил Борис Казарин, подкатившись на инвалидной коляске прямо к двери своей квартиры.

— Господин Казарин. Мне нужно увидеть Лауру, это очень срочно.

— Вы прохиндей и негодяй. — безапелляционно заявил Казарин. — Вы шпионите за мной, роетесь в моей биографии. Зачем вы это делаете, зачем вы мешаете инвалиду спокойно жить?

Хью попытался жестом остановить тираду Казарина, но тот продолжал кипятиться, а голос становился всё громче и громче.

— Зачем вы следите за мной? Вы никакой не журналист! Я всё знаю. Вы вторгаетесь в мою личную жизнь. Я не простой человек, меня знает вся Европа, я найду на вас управу! Я обращусь в полицию, если вы не успокоитесь!

— Господин Казарин, позвольте мне войти, у меня есть для вас что-то важное. И я точно знаю, что в полицию вы не обратитесь. Вы покрываете убийцу, мне всё известно о Лауре.

Казарин со злостью захлопнул дверь прямо перед носом у Хью.

Но Хью не уходил, а продолжал стоять под дождём на крыльце, который становился всё сильнее. Казарин не открыл дверь даже после того, как Хью начал в неё барабанить, уже теряя терпение.

— Господин Казарин, впустите меня, иначе в полицию пойду я, — с нажимом в голосе произнёс Хью.

Борис открыл дверь и плюнул Хью под ноги. — Входите, мерзавец вы чёртов.

Инвалидная коляска яростно покатила через холл. В доме было тихо. Хью прошёл следом, скинув на пол промокшую ветровку. Борис остановился в кабинете и открыл коробку с сигарами, молча кивнув Хью на кресло напротив.

Откусив щипчиками кончик кубинской сигары и щёлкнув зажигалкой, Борис злобно поинтересовался:

— Так, кого вы тут ищете, и что вам нужно?

— Мне нужно поговорить с Лаурой, — сказал Хью.

— Никакой Лауры тут нет, — буркнул Борис.

— Борис, я не журналист, я — частный детектив, меня наняла Лилиан Майер. Она дала мне задание найти её пропавшую внучку, младшую из семьи Майер. Девочку, по имени Юю.

— Это я уже понял, что вы никакой не писака, а обычный капиталистический делег, который получает деньги за то, что он роется в чужих отстойниках и фекальных массах, — со свойственной ему грубостью сообщил Борис. — Причем тут я, причем тут Лаура? Причем тут все мы, о Господи! И причем тут Лилиана Майер?

— Лилиана Майер наняла меня, чтобы я нашёл её внучку и предъявил доказательства того, что она жива.

— То что вы говорите, похоже на бред! Суший бред!

— Я получил результаты дактилоскопической экспертизы, которая подтверждает, что Лаура и Юю имеют одни и те же отпечатки пальцев.

Борис с интересом посмотрел на Хью и злобно спросил:

— Ну, и что? Вы собираетесь теперь арестовать Лауру? Отвезти меня или её в участок?

Посадить меня на цепь как собаку, мерзавец вы чёртов?

— Я собираюсь поговорить с Лаурой.

— Идите вы к своему заказчику и сообщите ему результаты вашей замечательной экспертизы, — загоготал Борис, — идите к чёрту или куда подальше. Никакой Лауры тут нет и никогда не было. Можете дом обыскать, можете карманы мои осмотреть. Может, и мои отпечатки пальцев вы хотите взять? — Борис продолжать злобно хохотать.

— Так мы ни до чего не договоримся, — спокойно сказал Хью.

— А я и не собираюсь с вами ни о чём договариваться. Повторяю, что никакой Лауры нет, вам она привиделась. Нет и не было. Нет документов об её удочерении, нет регистрационной записи о том, что она тут жила, нет диплома об окончании ею школы. Нет фотографий, ничего нет. — Борис продолжал ехидно улыбаться.

— Как же так? — растерялся Хью, — разве я не общался с ней здесь, разве мы тут не сидели в гостиной за чашкой шоколада? Разве она не показывала мне свои рисунки? А картинная галерея с выставкой её работ? А ваши слуги? Разве они не подтвердят, что она жила здесь?

Казарин громогласно захохотал в ответ.

— В конце концов, есть водительские права на её имя, страховка, медицинские карточки, чеки и квитанции. Человек не исчезает просто так, бесследно.

— Вы желаете обыскать дом, — ехидно спросил Борис, — может быть, допросить меня или Елену с Виктором? Что же, мы готовы, извольте. Только потом я вчиню вам такой иск, что никаких гонораров не хватит, чтобы расплатиться.

— В конце концов, есть художники, которые общались с ней и с вами, продавцы магазинов, да кто угодно.

— И что вы им предъявите? Фотографии некоей блондинки и отпечатки её пальцев? Это убийственно, согласитесь, — Борис снова начал хохотать.

Хью удручённо молчал, стараясь сохранить внешнее спокойствие.

— Вы, наверное, и разговоры с ней записывали на диктофон, с ней и со мной? — отсмеявшись, вдруг с подозрением спросил Борис.

— Да, с вами каши не сварить, — не ответил ему Хью на прямой вопрос. — Я хочу все-таки вам сказать, что Лаура мне небезразлична. И я сильно сомневаюсь, что Лилиан Майер стоит сообщать, что её внучка жива. Я именно за этим и пришёл сюда, господин Казарин, чтобы понять, почему маленькая девчонка совершила дерзкий побег из благополучного дома, почему вы её укрываете как беглого преступника. Почему она, будучи наследницей огромного состояния, живет в приживалках у старого полубезумного диссидента? — злобно закончил Хью.

— У вас, я вижу, богатая фантазия, мистер детектив. Вам бы романы писать, про Лолиту и Гумберта. Или о пропавших брильянтах, найденных в гуже рождественской индейки. Пойдите прочь, мистер детектив. Надо вам — ищите, я не помогаю таким, как вы. — Борис красноречиво показал на дверь.

Хью не тронулся с места.

— Виктор, — крикнул Казарин, — прогони к чёрту дорогого гостя!

На пороге появился Виктор Шилов и с угрожающим видом двинулся к Хью.

Хью со вздохом встал и сказал:

— Разумеется, я уже ухожу. Не стоит трудиться вышвыривать меня вон. Однако, я ещё до завтрашнего вечера буду здесь, в Мюнхене. Мой отель «Паллада», номер четыреста семь.

В двадцать один тридцать я вылетаю в Антверпен. Если вам или Лауре есть что мне сказать, я буду вас ждать. Я хочу помочь. Разобраться и помочь. Лилиан Майер вряд ли остановится, если узнает, что её внучка жива. Она будет её искать. И притом с помощью полиции. Не подумайте, что я вымогатель, боже упаси, — поспешно сказал Хью, видя, как нахмурился Казарин. — Я действительно думаю, что Лауре грозит опасность. Я хочу помочь.

С этими словами Хью вышел вон под дождь с полной уверенностью, что к нему не прислушались.

Глава 20. Ещё один кусочек мозаики

В течение всего вечера Хью обдумывал состоявшийся с Борисом разговор. Явная агрессия художника, его злобный настрой, конечно, могли свидетельствовать о том, что Борис есть что скрывать, и он явно не настроен на сотрудничество. Ждать от него помощи в деле Лауры — Юю не приходится. Борис мог быть любовником Лауры, что маловероятно, но исключать нельзя. Он мог бояться преследования властей за эту связь с девочкой. Также Борис мог скрывать от властей саму Лауру, зная её тайну. Но для чего Борису скрывать у себя девочку? На этот вопрос Хью не мог найти ответа. Также Хью ломал голову над тем, как она могла провести полицию и врачей. Убежать из дому, исчезнуть бесследно — не так-то легко даже взрослому человеку. Хью не сомневался, что и теперь ему не удастся быстро Лауру, да и Лилиан Майер предъявить нечего. Его убеждённости в идентификации Юк было маловато? Или достаточно? Действовать вслепую приходилось достаточно часто, но раньше Хью не терзали вопросы, поступает ли он правильно, морально и честно.

Ему нужно было наметить план действий, но в голову ничего не приходило. Поэтому он решил действовать наобум, то есть позвонить Лилиан Майер.

Юрген Бах ответил ему по номеру сразу, словно ждал звонка.

— Добрый вечер, у меня есть информация по делу для госпожи Майер, — вкрадчивым тоном начал Хью.

— Я вас слушаю.

— Я бы желал увидеться с госпожой Майер лично и сообщить о том, что мне удалось обнаружить.

На том конце провода его встретило такое глухое молчание, что Хью даже подумал, что их разъединили.

— Вы хотите сказать, что вам удалось разыскать натурщицу? — спросил, наконец Юрген Бах.

— Вся информация при личной встрече будет сообщена госпоже Майер. Я вылетаю послезавтрашним последним рейсом и утром буду у вас. Примерно в девять утра.

— Госпожа Майер не сможет вас принять, письменный отчёт вы можете передать мне. Послезавтра в девять утра я прибуду за ним в детективное агентство, — сухо откликнулся секретарь и повесил трубку.

Бабушка, которая ищет внучку или хозяйка пивной империи? Почему она не может принять меня лично? Бизнес забирает все эмоции себе? Или Лилиан Майер знает то, чего не знает Хью? Возможно, результаты расследования ей были известны ещё до звонка детектива? Сколько вопросов без ответов...

Утром Хью справился у портье «Паллады», но детектива никто не разыскивал и записок ему не передавал. Хью попросил портье под любым предлогом задержать возможного посетителя и с тяжелым сердцем отправился на набережную.

Холодало. Чайки с криком носились над волнами, после вчерашнего дождя море было серым и грязным. У парапета Хью увидел одинокую фигуру с мольбертом. Невысокая фигурка, просторная куртка с капюшоном болотного цвета, длинный красный шарф. Конечно, это была не Лаура. Подойдя ближе, Хью увидел, что это фрёкен Голл вышла на пленэр. Фрёкен Голл приветливо махнула ему свободной рукой, подхватив спадающий с макушки под порывом ветра капюшон. Хью приблизился и посмотрел искоса на мольберт.

Крупные мазки, серые тона — Хью в этом ничего не понимал, но изобразил заинтересованность. Фрёкен Голл еще какое-то время растирала в палитре краску, а потом неожиданно спросила: «Вы, верно, ищете Лауру?»

— Она уехала, — скорее утвердительно, чем вопросительно ответил Хью и поёжился под порывом ветра. — Вам не холодно?

— Я скоро ухожу, я вас ждала. — Фрёкен Голл достала из внутреннего кармана куртки смятый конверт и протянула его Хью.

— Это от Лауры? — с волнением спросил Хью.

— Да, она просила вам передать. Сказала, что вам будет интересно прочитать это письмо.

— Но я же мог не прийти сюда, — Хью стал прямо на месте распечатывать конверт.

Фрёкен Голл остановила его жестом, прикоснувшись холодными пальцами к его руке.

— Лаура сказала, что вы придёте, она была в этом уверена.

Фрёкен Голл собрала этюдник и предложила Хью помочь сложить её мольберт.

— Лаура не сказала, куда она уедет? — с надеждой в голосе спросил Хью, борясь с завязками и заклёпками мольберта.

— Нет, — фрёкен Голл покачала головой. — Я спросила, почему она уезжает и куда, но она не ответила, она была очень расстроена. Не хотела уезжать. Я думаю, что это из-за Бориса.

— Из-за Бориса? — удивлённо спросил Хью.

— Да, она сказала только «Бедный Борис». Знаете, очень трудно балансировать на гранях любовного треугольника. — фрёкен Голл, видимо, была довольна своим поэтическим сравнением, отчего улыбнулась, откинув волосы со лба. И поскольку Хью молчал, она продолжила, — Это только мои наблюдения. Мне кажется, что вы были ей небезразличны, и ей было трудно мириться с таким положением. И потому она решила не делать выбор между вами и Борисом, и просто уехала. Так бывает, поверьте мне, как женщине.

Хью в расстройстве кивнул, и не дождавшись продолжения разговора, попрощался и пошёл в «Весёлую устрицу». Привычно заказав глинтвейн, он распечатал конверт. Два листа блокнота, исписанные мелким, аккуратным почерком. В этом вся Лаура: сдержанность и сосредоточенность.

«Здравствуй, Петер Петерс. Я не знаю твоего настоящего имени. Пока ты читаешь это письмо, я вдали от тебя качаюсь на волнах или трясусь в поезде. Ехать всё равно куда — это для меня не впервой. Мне очень жаль, что всё закончилось именно так, но в том нет моей вины. Я много раз переживала предательство, хотя добрых людей в моей жизни было куда больше. Я не знаю, зачем ты был послан мне: моё искушение, моё испытание и моя расплата. Видимо, Лаура была слишком счастлива в последние восемь лет, израсходовав наперёд весь отпущенный ей запас любви и доброты. Я знала о том, что ты частный детектив, а не журналист. Я знала, что ты рыскаешь в поисках Юю. Но мне хотелось посмотреть спектакль до конца, я ведь уже отвыкла от спектаклей.

Теперь, когда ты меня нашёл, удовлетворён ли ты? Понимаешь ли ты, что узнал только часть правды?

Ты знаешь, что психически больная девочка, убившая своего отца, сбежала из благополучного дома, где её простили, имитировала самоубийство и поселилась у уважаемого русского художника. Всё ли сложилось в твоей мозаике? Я смеюсь над тобой, самоуверенный Шерлок Холмс.

Отработал ли ты свой гонорар? Или тебе щедро заплатят только за мою фактическую поимку? Наверное, ты жалеешь о том, что не успел этого сделать. Что же, предлагаю тебе поискать меня.

Я не буду проклинать тот день, когда встретила тебя, хотя ты лишил меня всего, что было мне дорого. Встреча с тобой напомнила мне, что доверие — слишком дорогой и напрасно покупаемый товар. Ты лишил меня единственного человека, которым я дорожу на этом свете, — Бориса. Мой новый отец, мой учитель, мой хранитель, мой друг, моё зеркало. Я снова вынуждена скрываться, но теперь его не будет рядом со мной, это слишком опасно.

Петер, для того чтобы ты понял всю меру содеянного тобой, я расскажу тебе только один случай из моего далёкого прошлого. 1972 год. Я нахожусь в ожоговом центре г. Антверпена. Я лежу на животе, так как спина, поясница и ноги обожжены и сочатся сукровицей. Моя новая кожа всё никак не хочет появляться, но я не чувствую боли, так как в меня лошадиными дозами вливают обезболивающие препараты. Медицинские сёстры очень внимательны, доктор мила и предупредительна. Но я должна умереть, площадь ожога слишком велика, да и доктор говорит, что я не хочу жить. Так и есть. Меня нашли на полу в горячей библиотеке, в руках была тряпка, смоченная бензином. У следователя ко мне много вопросов, но ещё больше — у психиатра. Они оба часто приходят ко мне, но я молчу. Ведь я не обязана доказывать, что не убивала собственного отца? Единственный, кто сочувствует мне — Борис Казарин. В клинике умирает его друг Соколовский, который пытался совершить политический акт самосожжения. Борис уже отчаялся как-либо помочь ему, но упорно приходит в клинику. Наверное, уже ради меня. Он много говорит со мной, показывает свои наброски картин. И через несколько месяцев я решаюсь поговорить с ним. Борис — единственный человек, который верит мне, который умеет слушать не перебивая. После смерти Соколовского Борис продолжает приходиться ко мне. Он читает мне сказки, мастерит кораблики. Он рисует мне смешных человечков с головами зайцев и котят, мы вместе придумываем с ним продолжение «Алисы в Зазеркалье». Полтора года, проведённые в ожоговом центре, были не самыми плохими в моём детстве. Больше меня не навещает никто. Я знаю, что Лилиана Майер регулярно оплачивает счета за лечение и присылает мне конфеты в гляцевых коробках. Всегда одни и те же. Я не ем конфет и выбрасываю их, даже не распаковывая. Борис смеётся, говорит, что уже можно открывать кондитерскую лавку «Сладкая жизнь». Борис приходит ко мне до тех пор, пока мои раны не заживают. До тех пор, пока меня не увозят в психиатрическую клинику. Это не так уж плохо, по крайней мере, я жива. Надо ли говорить о том, что потом я убегаю именно к нему?

Теперь ты знаешь еще одну часть правды. Чувствуешь ли ты себя обманутым также, как это чувствую я?

Лаура.»

На этом письмо заканчивалось. Ни единого слова о том, что Лаура чувствовала к Хью, но разочарование, презрение и глубокая грусть сквозят в каждой строке. Что же чувствовал сам Хью? Он словно разбил дорогую вазу, осколки которой уже не склеить.

Глава 21. Отчет сдан

Вот и снова Антверпен. Уютное маленькое помещение агентства. Хью Барбер с отчётом в нетерпении ожидает назначенной встречи. «Всё ли я продумал сделал верно?» — спрашивает он себя. В груди его забит осиновый кол, и ему неудобно жить с ним, так как кол сильно этому мешает. Боль не проходит, но окружающие ничего не замечают. Как и писала Юю, он знает только часть правды. И правда в том, что он никогда больше не увидит Лауру.

Ровно в девять утра Хью Барбер в кабинете встречал Юргена Баха.

— Не желаете ли кофе? — сухо осведомился детектив.

— Спасибо, нет. Предпочитаю перейти сразу к делу.

— Найти автора картины было довольно просто, это Борис Казарин, который в настоящее время живёт в Мюнхене. Он является инвалидом, передвигается на коляске. Скверный, жёлчный и сварливый тип. Он долго не хотел рассказывать о своей картине, и потому мне пришлось прибегнуть к некоторым манипуляциям, о которых мне бы не хотелось упоминать. — Хью врал беззастенчиво.

— Продолжайте, — нетерпеливо попросил секретарь.

— Мне удалось узнать, что Борис Казарин был частым гостем в ожоговом центре клиники Антверпена в период с 1972 по 1973 год.

Брови Юргена были удивлённо вскинуты, но он промолчал.

— Да, именно в этот период Борис Казарин случайно познакомился там с Юю. Борис заботился о своём друге, который попал в аварию и получил сильные ожоги, поэтому Борис часто бывал в клинике. Там художник обратил внимание на странную девочку, он рисовал Юю и общался с ней. Они даже подружились. После того как друг Бориса, проходивший лечение в клинике, скончался, то Борис и Юю прекратили общаться. Но память об удивительном ребёнке осталась, и Борис никак не мог выбросить из головы образ белокурой голубоглазой девочки. Ангела. Борис в одном из разговоров обмолвился, что его привлекла амбивалентность Юю: внешность ангела и больная душа убийцы. По свидетельству слуг, которые работали у Бориса, Борис стал приглашать к себе натурщиц, которые были как на подбор блондинки с голубыми глазами. Немки, голландки, чешки, словачки. Но они были пустыми куклами. И только одна из них — Лаура Брегерсон действительно была похожа на Юю. Она и стала прототипом для картины «Ангел». Лаура Брегерсон страдала наркоманией, и она некоторое время действительно жила у Бориса, помогала ему по дому. Он тщетно пытался вытащить её из пучины порока, — враньё Хью становилось более цветистым и увлекательным. — Но в один из прекрасных дней, она сбежала от Бориса с его нехитрыми сбережениями. Обчистила старика и словно канула в воду.

Юрген продолжал с недоверием буравить глазами Хью.

— Борис Казарин даже попросил меня оказать ему содействие в поисках Лауры Брегерсон. Мне удалось найти её могилу на одном из муниципальных кладбищ Мюнхена.

— Значит, вы получили также гонорар и от Казарина, — усмехнулся с пониманием дела Юрген Бах.

— Наш контракт номер сорок семь этого не запрещает, — также усмехнулся Хью Барбер.

Хью протянул секретарю папку с отчётом и фотографиями. Юрген нетерпеливо её пролистал и немного помолчал.

— Как же так... А где же Юю? — спросил он недоверчиво.

— К сожалению, госпожу Майер я буду вынужден разочаровать. Юю мертва, найти её живой мне не удалось.

— Разве вы искали её тело? — спросил секретарь, повышая тон голоса.

— Нет, — успокаивающим жестом сопроводил свой ответ Хью. — Вы просили меня узнать о девушке на картине «Ангел», я узнал. Боюсь, что спустя пять лет тела утонувшей Юю не найти. Но и свидетельств того, что она жива, мне отыскать не удалось.

Бах снова пролистал отчёт и посмотрел фотографии уже более внимательно. Неясный профиль блондинки на фоне деревьев городского парка, могила Лауры Брегерсон, похороненной год назад, фотографии набросков к портрету «Ангел». Всё это выглядело убедительно и неинтересно.

— Хорошо, мистер Барбер, — Юрген уже потерял интерес к беседе. — Вы отработали свой гонорар. Если будет нужно, то госпожа Майер снова обратится к вам, спасибо. Надеюсь, вам не стоит напоминать о конфиденциальности наших встреч и расследования в целом. Прошу также прекратить какие бы то ни было поиски. Не стоит встречаться со знакомыми семьи Майеров. Негативная информация распространяется слишком быстро...

С этими словами Юрген Бах покинул кабинет Хью Барбера.

Шеф Свенсон заглянул следом и спросил:

— Можно пить шампанское и делить барыши?

Хью уныло махнул рукой, что означало: «Делайте что хотите», а сам, сославшись на усталость, пошёл домой. Не хотелось никого видеть и слышать.

Дома Хью Барбер впал в запой. Впервые в жизни. Он пил уже три дня, и голова его превратилась в колокол, а живот — в пивной котёл. Зато ушли все мысли, кроме одной, что Хью Барбер есть суть поганый неудачник и отпетый негодяй. Мать укоризненно вздыхала, просила и уговаривала. Всё без толку.

На четвёртый день в квартиру к Барберу пришёл его начальник Свенсон. Свенсон грузно плюхнулся в кресло и недовольно спросил Хью: «Ты почему отлыниваешь от работы? Ты несколько дней в городе, но в офис и нос не кажешь, и не сдал отчёта?». Хью двинулся к холодильнику и искал банку пива. Пива не было, ни одной уцелевшей банки или бутылки, зато пустых бутылок и засохших объедков было предостаточно.

— Что празднуешь? — тем же недовольным тоном осведомился Свенсон.

— Праздную, что я отпетый мерзавец и к тому же дурак, — хмуро ответил ему Хью и икнул.

— Выкладывай, — коротко приказал Свенсон.

— Дело закончил. Ик! Гонорар получил. Ик! Пропить пока не успел. Ик! Ик! — отрапортовал Хью.

— Тогда объясни мне, милый друг, отчего госпожа Майер сегодня утром в ярости посетила мой офис и забросала меня сотней вопросов? — Свенсон не скрывал удивления и злости.

— Что ей было нужно, шеф?

— Не знаю, что и думать. Мне кажется, что мы сели в лужу. Мы в чертовской заднице! Так же гневно заявил Свенсон. — Лилиан Майер вне себя. Мало того, она напугана. Она заявила, что ты вошёл с каким-то преступником в сговор, чтобы обвести вокруг пальца её. Только знаешь ли, глупый мальчишка, еще не родился такой хитроумный господин, кто облапошит старуху Майер!

— Шеф, я совершил несколько больших и мелких глупостей. Я запутался. Я не знаю, что делать.

— Протрезветь и к вечеру — ко мне. А теперь — отдай мне всё, что ты в действительности нарыл и накопал по делу Юю Майер.

Хью со вздохом порылся в чемодане и отдал Свенсону папку с документами.

— Здесь всё? — грозно спросил Свенсон.

Хью поколебался, отдавать или не отдавать ему письмо Лауры, но Свенсон так сверлил его глазами, что, казалось, видит его насквозь. Хью с ещё более протяжным вздохом вытащил из кармана ветровки письмо Лауры и отдал его шефу. Шеф покрутил конверт в руках и сказал:

— Хорошо, если тебя только лишат лицензии, глупый мальчишка. Если тебе прострелят башку за твои фокусы, я сильно буду нервничать.

Свенсон поднялся, упирая руки в колени, было видно, как ему трудно двигаться.

— Сейчас два часа дня, не позже восьми вечера я жду тебя у себя дома. И пеняй на себя, если ты не придёшь. — уже спокойно сказал шеф.

— Вы мне скажете, почему вы так кричите? — умоляющим тоном спросил парень.

— Если бы я сам знал, что тут происходит, дружок. Но Майерша заявляет, что никакого контракта с нами не подписывала, никаких заданий найти натурщицу с картины «Ангел» не давала, и вообще нас знать не знает.

— Вот дела... — протянул изумлённый Барбер.

Засим шеф Свенсон распрощался, оставив молодого коллегу недоумевать в одиночестве.

Вечером шеф Свенсон на террасе своего дома ждал напарника. Он сидел в плетёном кресле — качалке, накрытый пледом. В руках шефа был бокал вина. Хью сел рядом, предвидя отповедь такого содержания: «Если бы не покойный Ганс Барбер, который десять лет прикрывал мне спину в полиции и пять лет со мной отпыхтел в конторе, я бы сам отдал тебя на растерзание старухе Майерше! Ты — безответственный щенок! Ты не занимался расследованием, а грелся под боком у Юджины, пускал слюни и играл в «любит — не любит». А тем временем, она насмеялась над тобой, а когда натешилась, то и вовсе испарилась из виду».

Однако, шеф не стал ничего говорить Хью, а только предложил ему бокал вина, молодой напарник энергично отказался от выпивки и стал ждать, когда же Свенсон начнёт разговор.

— Вот что я тебе скажу: чем больше я думаю, тем меньше я понимаю в этом деле, — после затянувшейся паузы задумчиво изрёк Свенсон. — И к тому же я чувствую за собой вину.

— Почему?

— Сейчас объясню. Что мы имеем? Первое: у нас есть контракт номер сорок семь, в котором заказчиков выступает Лилиан Майер, а исполнителями — мы. Мы проверили, что перед нами именно Лилиан Майер?

— Нет, я лично не проверял.

— Я тоже, — утвердительно кивнул Свенсон. — Мне и в голову не пришло проверять у неё паспорт! Некто обвёл нас вокруг пальца. Если настоящая старуха Майер не лжёт, а уж у неё-то я проверил документы, то некто, прикрываясь её именем и известностью, нанял нас найти натурщицу.

— Но для чего? — недоумевал Хью.

— Этого мы не можем знать достоверно, но можем предположить путём логических рассуждений. Кому-то потребовались доказательства того, что Юджина Майер жива. Почему и для чего — другой вопрос. Но некто явно хотел подтвердить свои догадки.

— Но я — то представил липовый отчет, — вставил словцо молодой напарник.

— Да, и теперь этот некто либо знает, что ты его обманул, либо до сих пор считает, что Юджина мертва. Последнее маловероятно. Нутром чую.

— От этого зависят его действия, — снова вставил Хью.

— Мы можем и так и не узнать о его действиях, а можем получить ужасные последствия, — Свенсон отхлебнул из бокала. — Да-да, мой друг. Возможно, Юю угрожает смерть. Не поэтому ли она сбежала от тебя, как чёрт от причетника?

Хью вздохнул.

— Я внимательно прочитал твои записи и отчёты — как настоящий, так и подложный. Ты славно поработал, мой мальчик, и раскрыл главную тайну семьи Майеров. Юджина жива, и похоже, что для самой Лилиан Майер это не было тайной.

— Как так? — удивился Хью.

— погоди. Второе, что мы имеем: настоящая Лилиан Майер, — шеф сделал ударение на слове «настоящая». — Она требует передачи ей подлинных материалов расследования и угрожает нам судом за раскрытие семейной тайны. Следовательно, она в курсе событий, более или менее.

— И, скорее всего, она не потащит нас в суд, — догадался Хью. — вряд ли она желает огласки, а её не избежать при разборе ситуации с лишением лицензии детективов. Скорее всего, она хочет обратного: поглубже закопать результаты наших поисков.

— Согласен, — утвердительно кивнул Свенсон и отхлебнул ещё вина.

— Что же нам сделать? — спросил Барбер.

— Я думаю, что надо встретиться с Лилиан Майер и быть с ней максимально честными. По крайней мере, она на этом настаивает, а нам это не трудно. Послушаем её, постараемся не усугублять конфликт. Возможно, нам даже удастся что-то на этом заработать.

— В общем, стратегии у нас нет, я так это понял, — расстроено произнёс Хью. Последнюю фразу начальника Хью деликатно не заметил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Душа моя беспокойна, — неожиданно выдал шеф, не бывший никогда сентиментальным. — чует моё сердце, что случится что-то плохое.

— Что мне делать? — уныло спросил Барбер.

— Пока не знаю. — шеф впервые выглядел растерянно. — Нужно, мой мальчик, помнить, что ты сыщик, а не байронический страдалец. Сначала дело — потом чувства.

— А можем ли мы доверять Лилиан Майер? Может, к нам действительно изначально обратилась именно Лилиан Майер, но она осталась недовольна результатами расследования и таким изощрённым способом хочет узнать правду? — ответил запальчиво Барбер.

— Теперь я ни в чём не уверен, мой мальчик. Но я кое-что проверил по твоим документам. Думаю, ты упустил важную деталь.

Заинтригованный Хью обратился в слух.

— Как звали помощника мнимой Лилиан Майер? Юрген Бах?

Хью кивнул.

— А как звали журналиста, с которым Лилиан Майер судилась за травлю Юю в газете?

— Не помню, — Хью поморщил лоб.

— Я звонил в газету, там прекрасно помнят этот случай. И в заметках, собранных дурой Зельден, фамилия упоминается. Я пролистал альбом внимательно. Папарацци звали Юрген Бах. Ханна уже по моему заданию собрала о нём сведения. После скандала и проигрыша газетой дела Юрген был уволен. Ханна выкопала его фото из личного дела.

— Это он приходил к нам?

— Он.

— Как же враг семьи Майеров мог стать личным секретарём старухи Лилиан? — стал размышлять Хью.

— Да никак. — с уверенностью заключил Свен Свенсон. — но он мог стать помощником врага Лилиан Майер и оказывать содействие в организации всего этого спектакля, принимая в нём непосредственное и живое участие.

— Если бы история с моим расследованием не выплыла каким-либо образом наружу, то старуха Майерша ничего бы не узнала. — задумчиво сказал Хью.

— Как ты думаешь, от кого она узнала? — спросил с улыбкой Свен Свенсон.

— Не представляю, — ответил Хью.

— От дуры Зельден! — с торжеством в голосе ответил начальник.

Глава 22. Кража и убийство

Лилиан Майер с большой неохотой приняла детективов из агентства «Барбер, Свенсон и сыновья» в офисной части здания «Пивная империя Майеров». Было видно, что дама расстроена и подавлена. Хью рассмотрел Лилиан внимательно, она мало чем отличалась от посетительнице офиса «Барбер, Свенсон и сыновья»: та же полноватая фигура, та же царственная посадка головы, те же седые кудри и аккуратный макияж. Пожалуй, грима на лице этой женщины было гораздо меньше, и шея не прикрыта шарфиком, а на руках нет перчаток. Лилиан была в белом брючном костюме, шею украшали немислимых размеров кораллы, матово светившиеся в ожерелье. Несмотря на деловой стиль одежды, она явно питала слабость к роскоши и не могла её не демонстрировать даже в будничной деловой встрече.

— Мы чрезвычайно расстроены происшедшим, госпожа Майер, — вкрадчиво сказал Свен Свенсон. — Видит бог, мы и не предполагали такого оборота событий.

— Я прочла ваш отчёт, — сухо ответила миллионерша. Её голос действительно был низким и грудным, но, всё же, отличался от голоса той «ненастоящей» Лилиан. — Из него видно, что Юджину Майер вы не нашли.

Шеф Свенсон кивнул.

— Как в действительности обстояли дела? — спросила Лилиан Майер.

Барбер и Свенсон переглянулись. Хью откашлялся под пристальным взглядом пожилой миллионерши и сообщил:

— В действительности я нашёл девушку по имени Лаура Бергер, которая проживала вместе с художником Борисом Казариным в его особняке в Мюнхене. Мне удалось взять отпечатки её пальцев. Они оказались идентичными тем отпечаткам пальцев, которые были на дневнике Юю.

— Откуда у вас появился дневник Юю? — грозно спросила Лилиан Майер.

— Мне его передала заказчик... Заказчик по контракту.

Лилиан не сдержалась и хлопнула ладонью по столу, да так звонко, что Хью вздрогнул. Лилиан отошла к окну и, постояв спиной к детективам, немного успокоилась. Повернувшись к молодому детективу, Лилиан спросила со странной улыбкой:

— Почему вы не сообщили заказчику правду о том, что вы нашли мою внучку?

— Я... — Хью не смог сразу справиться с волнением. — я допустил нарушение контракта, но... Мне показалось, что Лауре Брегер угрожает опасность.

— Спасибо вам за то, что вы не раскрыли правду о Лауре, — сказала с неожиданной теплотой Лилиан Майер. — я не могу рассказать вам всего... Просто не имею на это права. Единственное, что я могу вам сообщить: Юджина Майер жива, и я много лет скрывала эту правду. Почему я это делала — я вам не скажу, но у меня были к тому веские причины. И поэтому я прошу вас и дальше никому не говорить о том, что Юджина жива. — Лилиан помолчала. — Я готова заплатить вам за молчание. Сумму мы обсудим.

— Постойте, госпожа Майер, мне кажется, что вы нас принимаете за шантажистов, — с возмущением в голосе вмешался в разговор Свен Свенсон. — мы хотим вам помочь, хотим как-то исправить ситуацию.

— Нет, — категорично заявила Лилиан, — я привыкла справляться с проблемами сама. Я сама узнаю, кто и зачем затеял это расследование. Если вы начнёте снова розыски, то я

боюсь, что вы можете навредить моей внучке.

— Почему вы не хотите сообщить обо всём полиции? — спросил напрямик Хью.

— Потому что я сама организовала побег Юю из дому, и представила всё как самоубийство. Полиция вряд ли обрадуется этому сообщению. И уж точно мне не поможет. — Лилиан села за стол и сжала кисти рук. — прошу вас оставить все расспросы, прошу закончить это бессмысленное дело! Просто прошу как уставшая и измученная женщина. Можете ли вы меня понять?

В голосе Лилиан было столько боли, что даже Свенсон, считавший себя чёрствым и безразличным человеком, почувствовал искренность пожилой леди.

— Разумеется, мы сохраним всю историю в тайне. — в знак честности Свенсон передал госпоже Майер все документы. Хью знал, что в них нет последнего письма Лауры к нему. У Хью тоже было право на тайну. — Хочу также добавить, что в деле замешан некий Юрген Бах, который неоднократно бывал в нашем офисе и через которого мы общались с мнимой заказчицей.

Лилиан кивнула, своего удивления она не высказала.

Когда Барбер и его шеф вернулись в офис, то у них не было уверенности в том, что история закончена. Однако, начальник агентства радовался хотя бы тому, что Лилиан не угрожала им судом и полицией. Хью предложил Свенсону разобраться с Юргеном Бахом, но шеф категорически замотал головой:

— Ты понимаешь слово «нет»? — грозно спросил он.

— Понимаю, — весело заверил его Хью. — но я также понимаю, что нас посадили в галюшу. Если этот Юрген Бах — безобидный шутник, то я просто пересчитаю ему зубы. Если же он мошенник и что-то замышляет, то можно успеть предотвратить преступление и даже помочь Лилиан Майер.

— Лилиан Майер, — чеканно по слогам произнёс Свен Свенсон, — просит нас оставить расследование, и я собираюсь заняться другими делами. И тебе советую.

Хью примирительно поднял руки вверх. Свен Свенсон стал копаться в папках на столе, делая вид, что утратил интерес к этой истории.

— Однако, мне не даёт покоя история Юю, — задумчиво произнёс молодой детектив. — Бабушке, конечно, виднее, что лучше для её внучки. Однако же, если верить психиатрам и полиции, то Юю Майер — малолетняя преступница и психопатка. Я же видел Лауру Брегер, она не производит впечатление ни чокнутой, ни преступницы. — Хью вздохнул, — это самая милая и славная девушка из всех, с кем я был когда-либо знаком.

Свен Свенсон потрепал парня по плечу.

— Знаешь, я тебя понимаю. Когда мне было двадцать восемь лет, и мы с Ингрид уже были женаты, я влюбился без памяти в одну карманницу. Она работала в научном исследовательском институте. Изучали там каких-то моллюсков, что-то глубоко подводное, — шеф усмехнулся своим воспоминаниям. — Я просто голову потерял. В институте было несколько крупных и мелких краж. И та девушка была из числа потерпевших. Она долго водила меня за нос, у нас даже была интрижка. Потом выяснилось, что девушка и есть воровка. Воровала всё, что плохо лежит. У неё брат был наркоманом, нужны были деньги попеременно то на наркотики, то на лечение. Можешь себе представить, каково мне было, когда я её поймал буквально за руку?

— Ингрид узнала? — спросил Барбер.

Свен Свенсон размашисто перекрестился.

— Слава богу, нет... Так что, мой байронический страдалец, выбрось из головы всех чокнутых миллионерш и возвращайся с облаков на грешную землю.

Барбер в буквальном смысле слова вернулся на грешную землю, придя в свою квартиру в кондоминиуме. В комнате его ждала посетительница с заплаканным лицом — Зельден Линденбрант. Хью поздоровался и приготовился выслушать женскую истерику. Мать Барбера хлопотала у стола, заботливо разливая чай и раскладывая домашние вафли. Хью бесцеремонно схватил вафлю и с набитым ртом спросил:

— Что-то стряслось?

— Ах, Хью, — пролепетала Зельден, — стряслось что-то ужасное и непонятное. Нашу квартиру пытались обчистить.

— А разве у вас есть что украсть, — с наивной издёвкой спросил молодой повеса.

— В том-то и дело, что ничего не украли, только перерыли всё вверх дном.

— А дома кто-то был? — уже без улыбки спросил Хью.

— Бабушка была, но она ничего не видела, — ответила Зельден и принялась плакать в платочек.

— Почему не видела? Спала? — уточнил Хью.

— Потому что один из злоумышленников накрыл её простыней.... — Зельден еще сильнее начала всхлипывать. — Понимаешь, как попугая в клетке.

Видимо, это обстоятельство очень потрясло Зельден.

— Пойдем-ка к тебе, Зельден, — сказал Хью, взяв девушку под локоток.

По дороге в квартиру Хью узнал, что она вызывала полицию, но те не приехали, когда выяснили, что ничего не пропало. Обещали приехать в течение дня, раз дело не горит.

Хью подошёл к двери, по дороге он надел силиконовые перчатки. Он осмотрел дверь и весь проем входа. Следов взлома не было. Скорее всего, квартира была открыта отмычкой или ключом, что не удивило Барбера, так как замок в квартире был стандартным и мог открываться даже от дамской шпильки. Внутри царил ужасающий беспорядок. Было чему ужаснуться такой поборнице порядка и чистоты, как Зельден.

— С чего ты взяла, что злоумышленников было двое? — осведомился Хью Барбер.

— Мне сказала бабушка, она слышала, что мужчины между собой переговаривались.

— Пожалуй, мне стоит побеспокоить старушку, — пробормотал Хью Барбер.

— Только будь с ней вежлив, — всхлипнула Зельден. — Представь, какой страх она пережила. Я вышла только на полчаса, чтобы купить немного молока и сладкую булочку. Возвращаюсь, а тут — такое...

— А ты кого-нибудь встретила по дороге или обратно?

Зельден покачала головой. Потом спохватилась и вспомнила, что видела водопроводчиков на первом этаже, она заметила их форменные комбинезоны, но не придала этому значения. В доме постоянно подтекали батареи отопления. Когда Зельден возвращалась, то водопроводчиков уже не было. Хью наклонился к лежавшей на диванчике старушке и поздоровался с ней, его обдало смрадное дыхание старости и тлена. Зельден усадила бабушку и обложила её подушками.

— Расскажите, что произошло.

— Ох, — старуха с трудом разлепила губы. — Пришли двое. Накинули простыню. Я не видела их, лежала лицом к стене. Увидела только кольцо на руке одного, крупное. С синим камнем. Рука холеная. Пахла одеколоном. — старуха промолчала. — Стали шарить везде. Они о чем — то говорили, что я не слышала. Плохо слышу.

— Что они искали?

— Не знаю, — старая Линденбрант говорила с трудом, отдыхая после каждой фразы, — они не говорили. Они ругались между собой шёпотом. Я расслышала слова «документы» и ещё «альбом». Потом они ушли...

— Думаю, что ты их спугнула, — сказал Хью, отойдя от старухи, которая явно ничего больше не могла пояснить.

Что же, зацепок много. Вот тебе и старуха после инсульта! Хью подозревал, что злоумышленники искали альбом Зельден, который она отдала Барберу, и который все еще хранился у него. Подозрения зиждились на принципе: «Случайных совпадений не бывает». Что же такого ценного могло быть в альбоме Зельден, что упустили из виду и Свенсон, и Бабербер? Всего — то навсего, заметки из газет и разные вырезки. Может быть, Юрген Бах замечает следы? Но откуда Юргену Баху знать, что Зельден коллекционирует заметки, что она отдавала альбом детективам?

— Зельден, ты говорила кому — либо, что отдавала мне альбом с вырезками про семью Майеров?

Зельден шмыгнула носом и отрицательно покачала головой.

— А для чего ты сообщила Лилиан Майер о том, что я пишу книгу и о том, что я — работаю в детективном агентстве? — на Хью накатила приступ злости.

Зельден снова заплакала.

— Майер всегда были такими надменными, такими...людьми высшего общества. Мне хотелось им сказать, что они тоже не уйдут от возмездия, что общество узнает все их мерзкие тайны...

Хью покачал головой то ли с укоризной, то ли с брезгливой жалостью. Он встал, отряхнул брюки и двинулся к выходу.

— Подожди полицию, ничего не убирай. Если будет что-то новое, прошу мне сказать.

Девушка всхлипнула и отчаянно затрясла головой.

Дома Хью Барбер пролистал ставший таким ценным альбом. Он потратил на него битых два часа, перелистывая с последней страницы до первой, чтобы посмотреть "свежим взглядом" и не отвлекаться на уже известные сведения и факты. Также детектив тщательно осмотрел корешок, переплёт и обложку альбома. Ничего интересного не обнаружил. Что же искали злоумышленники?

Полицейские прибыли только к вечеру. К тому времени мать Зельден уже пришла с работы, и выяснилось, что пропал альбом с семейными фотографиями. Полиция нашла много отпечатков пальцев, но как часто это бывает, такие отпечатки, скорее всего, принадлежат членам семьи и их друзьям. Оставалась надежда, то рука в кольце оставит свой след, поэтому Зельден настаивала на тщательном осмотре. Хью молча скрестив руки на груди, наблюдал за происходящим. Когда через три часа, наведя ещё больший беспорядок, полицейские удалились, Хью вкрадчиво спросил.

— Госпожа Линденбрант, а какие снимки были в альбоме?

— Ох, Хью, дружок, — покачала головой пожилая Фрида Линденбрант, — там были фотографии нашей с Франком свадьбы, фотографии всей семьи на праздниках, вечеринках. Фотографии Пончика и Ватрушки. Фотографии Бублика.

— Пончик и Ватрушка — это кто? — переспросил детектив.

— Это мой сын старший сын Уильям и моя Зельден.

— А Бублик? — Хью уже догадывался об ответе.

— Это мой средний сын Никлас. Он умер в возрасте пяти лет от коклюша.

Хью покивал головой.

— Мама, там были снимки из школы. Моего класса, например, и фото со школьных мероприятий, — вмешалась Зельден.

— За какой период фото были? — осведомился Барбер.

— Со дня свадьбы — 12 марта 1955 г. и примерно по 1974 год. Целая жизнь, — вздохнула Фрида.

— Больше ничего в альбоме не было? Вырезок, заметок? — попытался поймать ниточку Хью.

Фрида и Зельден отрицательно покачали головами.

— Кому мог понадобиться ваш альбом? — спросил Барбер.

Фрида и Зельден пожали плечами.

Барбер вернулся в квартиру. Никакой зацепки. Конечно, первое, что приходило в голову — это связь похищения альбома с историей семьи Майеров. Но какой интерес для похитителя могли представлять школьные фотографии Юджины и Зельден? «Все страньше и чудесатее», — усмехнулся Барбер, вспоминая цитату из «Алисы в Зазеркалье».

Поужинав, Хью сделал обычные для себя записи в дневнике, размашисто укравив их вопросительными знаками. Изложив события дня предельно подробно, он не забыл записать свои рассуждения и наблюдения. Вряд ли они могли пригодиться, но чем чёрт не шутит, пока бог спит....

Наутро молодой детектив был разбужен ароматами из кухни. Мать накрыла завтрак. Сладкая творожная запеканка пахла божественно. Только так и пахнут приготовленные с любовью блюда. Горячий шоколад дымился в старом кофейнике, а и запечённые яблоки истекали медовой слезой. Хью с удовольствием сел за стол, но мать прогнала его умываться. Всё, как в детстве.

Только Хью с улыбкой вернулся к запеканке, как ему позвонил шеф Свенсон.

— Хью, если стоишь, то лучше сядь и включи телевизор.

— Что случилось, шеф? — с набитым ртом спросил Хью.

— Якоба Майера опять убили, — странным голосом сообщил начальник.

Глава 23. Друзья в сборе

Хью Барбер застыл у экрана телевизора. Appetit пропал. Встревоженная корреспондентка в белом костюме на фоне руин особняка «Синий вереск» сообщала о сенсации:

— Вчера ночью, а именно с седьмого на восьмое сентября сего года жители Хобокена заметили высокий столб дыма. Несомненно, новый пожар на вилле «Синий вереск» всполошил всю округу. Прибывшие на место происшествия два пожарных расчёта справились с огнём через три часа после поступления вызова, что является быстрым и адекватным реагированием. Вот как прокомментировал ситуацию Хельмут Веймер, руководитель отделения противопожарной безопасности, — корреспондентка передала микрофон высокому, статному сотруднику, который хриплым голосом сообщил:

— Я не впервые руковожу пожаротушением в районе Хобокен, вынужден признать, что пренебрежение элементарными правилами безопасности при перестройке и реставрации старинных особняков приводит к трагедиям и даже человеческим жертвам. В этот раз пламя удалось погасить достаточно быстро. К сожалению, те, кто находились на вилле, спали и не заметили возгорания.

Корреспондентка вернула микрофон в свои руки и с горящими от возбуждения глазами сообщила, что пожаре пострадали двое — Бо Олливен и Констант Смолланд, оба с тяжёлыми ожогами госпитализированы в специализированное отделение Центральной клиники Антверпена. Там врачи борются за их жизни. Также в левом крыле здания пожарные при разборе завалов обнаружили обгоревший труп мужчины. Идентификация его личности не произведена, ведётся расследование. На экране появился шеф местной полиции Базиль Дюпон, который с мрачным видом сообщил:

— Не прошло и пяти часов с момента тушения пожара, как в прессе и на телевидение стали появляться версии о том, что на вилле «Синий вереск» был обнаружен труп Якоба Майера, который в начале семидесятых годов возглавлял крупную компанию «Пивная империя Майеров». Разумеется, все версии следствием будут проверены, выводы делать преждевременно. Однако, напомним, что Якоб Майер погиб при пожаре 1972 года, что установлено материалами полицейского расследования и постановлением суда. Не стоит сеять панику среди жителей Хобокена и Антверпена в целом. Полиция контролирует ситуацию.

Далее последовала чушь из уст корреспондентки о противопожарных нормах и правилах, которая Хью Барберу была совершенно неинтересна. Мать изваянием застыла возле телеэкрана. Лицо было бледнее французских салфеток, одну из которых она сжимала в руках.

— Мама, что с тобой? — изумился Хью.

— Ох, зайчик, я сейчас вспомнила, что мне рассказывал твой отец о пожаре на вилле «Синий вереск», — мать села на стул и стала вытирать пот салфеткой с лица, — отец работал в 1972 году в отделении полиции. Велось расследование по делу об убийстве Якоба Майера. Отец в группу по расследованию не входил, но он общался с Густавом. Ну, ты должен помнить его — Густав Граббе. Тот наиболее рьяно копал в том деле. Дело закрыли — деньги Майеров многое тогда решили, но Густав Граббе был не согласен с результатами

расследования. Он говорил, что Якоб Майер жив, но ему быстро закрыли рот.

— Куда же делся Густав Граббе? — заинтересовался Хью.

— Проводили его на пенсию, насколько помню.

— И где он теперь?

— В Брюсселе, сынок, — мать покачала головой. — Вот видишь, прошло сколько лет, и правда просочилась наружу... Даже шеф полиции теперь выглядит весьма бледно.

— Да, мама, — Хью Барбер, доел запеканку и в спешке отправился в детективное агентство.

Свен Свенсон уже восседал в своём кабинете, разложив перед собой газетные вырезки и папки. Он был весь погружен в работу. Или делал озабоченный вид. Рядом, наклонившись к плечу отца и одновременно начальника, стоял Арни Свенсон. Это был высокий бледный юноша, с нездоровой худобой, во всем противоположный внешности отца. Арни с интересом рассматривал документы на столе шефа. Поздоровавшись, Хью Барбер сел напротив.

— Привет, привет, — буркнул шеф Свенсон, — смотри, работёнка подвалила.

Шеф начал рассказывать историю о том, что буквально вчера вечером он заключил контракт с новым клиентом, который желает раскопать историю супружеской измены и хищения любовником его жены денег с кредитных карточек. Свен Свенсон сообщил, что в виду сложности и срочности данного дела к расследованию нужно подключить Арни Свенсона и Хью Барбера. Барбер испытал растерянность, смешанную со злостью.

— А как же история с пожаром на вилле «Синий вереск»? С нашим контрактом номер сорок семь? — спросил напрямую молодой детектив своего шефа.

— Историей с пожаром будет заниматься полиция. Контракт сорок семь уже исполнен, — также прямо ему ответил Свен. — Работа завершена. Нужно приступить к другой.

— Я с вами несогласен! В этой истории мы не разобрались! — горячо сказал Хью.

— Возможно, ты прав, Хью, — не теряя самообладания, ответил ему шеф Свенсон, — но нас это не касается. Нас касается работа по текущим контрактам, нас касается наша подмоченная репутация. — толстяк повышал голос с каждой фразой, а в конце и вовсе загремел. — Нас касается — сохранить свои задницы и на тот свет не отправиться!!!

— Я вас понял, шеф, — ответил молодой детектив, — но я не могу перейти к исполнению нового задания, я беру отпуск.

— Твоё право. Только не делай из меня дурака! Полезешь в пекло — имей в виду, что не буду вытаскивать твою паршивую задницу, — пробурчал шеф. Видимо, слово «задница» было фаворитом сегодняшнего лексикона. Шеф ткнул пальцем на стену кабинета, где красовалась надпись: «Честность и оперативность — вот наш девиз».

Хью встал из кресла, круто развернулся на каблуках и направился к Ханне писать заявление на отпуск. Шеф Свенсон злобно крикнул из кабинета:

— Отпуск за его счёт, Ханна!

Ханна пожала плечами и продолжила что-то отстукивать на печатной машинке.

Вконец разъярённый, Хью Барбер выскочил пулей из кабинета и помчался сломя голову на автомобиле прочь.

Покатавшись бесцельно полдня по городу, Хью вернулся домой. Его ждала в квартире дура Зельден. Она выглядела странно, словно была взволнована и одновременно сосредоточена.

Хью устало поздоровался.

— Нам нужно поговорить, Хью, очень нужно, — сообщила Зельден загадочным голосом.

— Давай, — согласился Хью. — у вас опять что-то украли?

— Нет, — сухо ответила Зельден. — У меня есть для тебя новости, но мне никак нельзя говорить с тобой тут.

Зельден выразительно обвела глазами комнату.

— Хорошо, пойдем с тобой куда-нибудь.

Зельден встала, расправила платье, провела рукой по прилизанным волосам, кивнула на прощанье матери Хью и вышла из квартиры. Мифру Барбер недоумённо пожала плечами и спросила:

— Хью, зайчик, так ты не будешь кушать?

— Заверни мне пару бутербродов, — сказал Хью. И пока мать собирала ему пакет с ужином, он натянул тонкую куртку, на улице холодало. Хью вышел из подъезда. Зельден уже стояла рядом с его машиной. В руках она держала объёмную сумку.

— Куда едем? — осведомился Хью.

— В кафе «Зелёный рай», — ответила Зельден.

Уже ничему не удивляясь, Хью завел мотор, и направился по уже известному адресу.

Кафе «Зелёный рай» было закрыто на учёт, о чем свидетельствовала вывеска, накарбанная на куске картона. Зельден, которая всю дорогу до кафе отмалчивалась, уверенно обошла здание и толкнула дверь чёрного хода, войдя в полутёмное помещение. Следом также вошёл Хью. Зельден явно знала дорогу и шла молча. Миновав подсобку, она вошла в кухню. Там было светло от включённых электрических лампочек, бедновато свисавших без абажуров. Стулья из разных наборов мебели и такие же разномастные столы громоздились тут и там. Впрочем, было чисто. На кухне сидел Федерик Смолланд и полноватая рыжеволосая девушка. Хью догадался, что эта та самая «Рыжая Трулте».

— Привет, — Федерик протянул пятерню молодому детективу.

— Привет. Я — Трулте, — рыжая девушка кивнула.

— Привет, — невесело улыбнулся Хью Барбер, — старая компания в сборе... Не хватает только заводилы Юю.

— Да уж, — откликнулась Зельден. И, обращаясь к Трулте, протянула сумку, — я вещи привезла.

— Введите меня в курс дела, заговорщики, — сказал Хью, предчувствуя что-то интересное.

— Сначала нужно решить, можно ли ему доверять, — сказала зловредным голосом Трулте.

— Мне кажется, мы уже решили, — повернулась к ней Зельден. — Я за него ручаюсь.

— Я тоже «за», — вмешался Федерик.

— Я за Петера Петерса. Трое против одной, — услышал Барбер Юджины Майер.

Её было трудно узнать. В чёрном балахоне, с пирсингом в носу, с лакированным чёрным начесом она была похожа на эфемерную блондинку не больше, чем Хью Барбер на китайского мандарина. Белокурые локоны отсутствовали начисто, но и в таком необычном облике Лаура была прекрасна.

Удивлению Барбера не было конца, но он подошёл и порывисто обнял Юджину, прижав её к себе. Юю не сопротивлялась. Как же было хорошо вновь вдохнуть запах её волос и нежной кожи, почувствовать, что она здесь, рядом.

— Тебе идёт твой новый облик, — засмеялся Хью, отстранившись от Юю.

— Это Трулте придумала, — сказала девушка.

— Потом обнимашки-целовашки, — хмуро оборвала их Трулте. — Надо дело делать.

Ты, Зельден объяснила сыщику суть дела?

— Не успела, к тому же я мало что знаю, — фыркнула та.

— Дело обстоит так, — начала Трулте. — Константин сбежал из больницы. Он спрятался в нашей с Федериком квартире. Весь в бинтах и стонет. С ним надо что-то делать.

— Константин считает, что покушение в «Синем вереске» было именно на него и Бо Олливен. Типа он может выдать, что видел живым покойного Якоба и Юджину, — вмешался Федерик.

— А как же убитый мужчина? — поинтересовался Барбер.

— С ним ничего не понятно, Константин считает, что убийца снова подсунул труп какого — то бродяги, а истинная цель — это именно Константин и Бо Олливен, которые знали о том, что Юджина жива. Ну, разумеется, главная охота идёт на Юджину.

— Кто-то убирает свидетелей, — заключила Трулте.

— Так или иначе — все мы знаем, что Юджина жива. Значит всем нам грозит смерть? — сказала Зельден.

— Не согласна, — парировала Трулте. Федерик смотрел на неё влюблёнными глазами. Лаура — Юю обнимала Хью Барбера и молчала.

— Убийца или убийцы устраняют только тех, кто, по их мнению, ТОЧНО знает, что Юджина жива. Следовательно, под угрозой жизнь Константа, старухи Бо, Бориса Казарина, ну и самой Юю.

— А также Хью Барбера, Виктора Шилова и его жены Елены, — заключила Юю.

— Тогда уж, Свена Свенсона и Лилиан Майер, — сказал Хью.

Все засмеялись.

— Половина Антверпена и Мюнхена под угрозой, — шутливо подытожила Юю.

— Нам в этом не разобраться, — покачала головой Зельден.

— Как говорит мой шеф: проблемы надо решать по мере их возникновения. — сострил Барбер. — Зачем вы меня позвали? Нанять в качестве детектива для расследования старого и запутанного дела?

Юджина Майер отстранилась от Хью и сказала со всей серьёзностью:

— Нет, герр сыщик. На этом этапе я хочу вас нанять в помощники, чтобы переправить Константа Смолланда в безопасное место для спасения его жизни и для ещё большего запутывания старого и запутанного дела.

Трулте и Федерик засмеялись, Зельден кисло улыбнулась. Хью ничего не оставалось, как ответить согласием. Было решено переместиться в квартиру Трулте для разработки плана дальнейших действий. Хью ликовал, предчувствуя, что ему дают возможность реабилитироваться в глазах Юю Майер. Но не стоило забывать о том, что Зельден явно что-то темнила.

— Зельден, ты хотела со мной поговорить. Или это как раз то, о чём ты хотела сказать? — повернулся Хью к девушке, но та покачала головой и наклонилась к его уху.

— Я догадалась, кто и зачем устроил погром в моей квартире, вот что, — шепнула Зельден.

Хью извинился и вышел с Зельден в полутёмный коридор. Там, влажно поблёскивая глазами, Зельден вплотную придвинулась к нему и сказала, дыша в лицо детектива мятной

жвачкой:

— Это был мой брат Вилли, я уверена. Я говорила с бабушкой и та призналась, что узнала его голос. Он знал, что бабушка парализована, потому и не боялся, что она встанет с дивана и помешает. Только простыней её накрыл, чтобы не заметила его лица.

— А что ещё известно? С кем он был и что искал? — спросил шёпотом Хью.

Зельден покачала головой, но, спохватившись, что её жест в темноте парень не увидит, добавила.

— Вилли с нами не общается уже много лет. Он закончил юридический факультет, выбился в люди. Он стыдится меня, матери. Мы толком не знаем, чем он занимается. Вилли однажды говорил матери по телефону, что работает на каких-то важных людей. Но я не знаю, кого он имел в виду. Один раз я видела его в кафе в компании солидных мужчин, среди них был журналист Юрген Бах, который писал о Юджине гадкие статьи. Вилли сделал вид, что не узнал меня. Ему было стыдно, что я такая неотёсанная деревенщина, — Зельден всхлипнула.

— Да брось ты, — утешил ее Хью. — никакая ты не деревенщина. Ты очень милая и привлекательная девушка.

— Хью, прошу тебя, не говори ничего ребятам, они не будут мне доверять из-за этого случая, — попросила Зельден. И Хью клятвенно пообещал хранить молчание.

Ребята вернулись в кухню. Федерик уплетал бутерброд с колбасой, нахально выудив его из пакета, который принёс молодой детектив с собой.

— Так, ребята, объявил Барбер, — всей толпой мы к Трулте не поедem. Зельден вернётся домой, ей нужно ухаживать за бабкой. А мы втроем едем немедленно.

Все дружно согласились, и уменьшившаяся на одного заговорщика компания двинулась к Трулте.

В квартирке Симмонсонов царила тишина. Новорождённый внучек гостил у матери Трулте. Хозяева квартиры тактично отправились на кухню готовить ужин, тихо переругиваясь между собой. Константин спал под теплыми пледами, Барбер заглянул под них. Погорелец выглядел неважно, что и говорить. Детектив Барбер плохо разбирался в ожогах и травмах, но вид кровавых и плохо пахнущих бинтов Константа Смолланда говорил о том, что незаметно переправить Константа самолётом или поездом из Антверпена — задача невыполнимая.

Констант заворочался и застонал. Юджина успокоила его, сказав, что здесь все свои, и решают, как ему помочь. Хью сказал, что помощь придёт скоро, хотя даже не представлял, как действовать дальше. Едва пришедший в себя Константин простонал, что просто надышался гари и «слегка поджарился», но чувствует себя нормально, а через полминуты отключился.

Юджина отозвала Хью в сторонку и шепнула на ушко: «Долго он не протянет».

— Надо вывезти Константа из страны на арендованной машине. Я найду липовые документы, по ним арендую машину. Пересечем границу, а машину подожжём. Вызовем полицию и скорую помощь, оформим акт несчастного случая в ДТП, и Константин попадёт в больницу. Случай рядовой, в международные сводки не попадёт. За границей по больницам его искать не будут. Немного подлечится, и можно будет спрятать его получше.

Юю помотала головой.

— Я думаю, что его сейчас уже активно ищут. И все больницы проверят с особым пристрастием. Дело не в липовых документах, вот инсценировка ДТП — это слишком рискованно.

— Что ты предлагаешь? — спросил Барбер.

— Надо отправить его в Германию, а оттуда — в Рамзау. Это такой курорт горнолыжный. Я провела там много времени...

— Да-да, — вспомнил детектив, — домик в горах, лыжи и санки.

— Там у меня есть знакомый врач, он будет лечить Константа на дому.

— Рискованно, — заметил Барбер.

— Да, но об этом домике до сих пор никто не знает. Он принадлежал Игорю Соколовскому, когда тот умер — пользоваться стал им Борис Казарин. А по документам домик так и принадлежит Соколовскому. Налоги платятся, домиком пользуются... Никаких подозрений.

— Хорошо, будь по-твоему, — согласился со вздохом Барбер. — Учитывая состояние Константа, я бы хотел записать его показания на диктофон.

— Для чего? — спросила Юджина с удивлением.

— На тот случай смерти, если нам придётся предъявить властям живую Юю Майер, а Константин не сможет подтвердить свой рассказ.

— Думаешь, мне придётся выйти из тени? — Юю прижалась к Барберу, и тот ласково обнял её за плечи.

— Милая моя, ты же не можешь прятаться всю жизнь? К тому же слишком много людей хотят, чтобы Юджина была мертва. Но я этого совсем не хочу.

Хью поцеловал Юджину и увидел слезинки в уголках её глаз.

Констант согласился поговорить с Хью после того, как Юджина дала ему обезболивающее лекарство и сделала перевязку. Делала она её, кстати, очень ловко. Попутно она поясняла, что изучала анатомию в колледже, да и сама почти год носила бинты, так что знает не понаслышке, что такое лечение ожогов. Хью морщился при виде ран и дивился выносливости своей хрупкой возлюбленной. Когда Юю закончила свой скорбный труд, удалилась, Барбер включил диктофон.

— Прошу представиться, — попросил он.

— Константин Смолланд, — тихо сказал молодой человек, — уроженец города Антверпена. Родился 1 мая 1961 года. Сирота. Воспитывался дядей — Генри Смолландом. С 1970 года жил и работал на вилле «Синий вереск» сначала помощником садовника, а потом и садовником. До настоящего времени.

— Что вы можете рассказать о событиях пожара 1972 года? — осведомился Хью Барбер.

И Константин рассказал, прерываясь только для того, чтобы выпить тёплой минеральной воды...

Глава 24. Рассказ Константа Смолланда

Я жил в Хобоконе с отцом и мачехой. Ходил в школу, как и все. Юджина Майер училась на три года младше. Мы все были удивлены, что дочь миллионера училась в обычной муниципальной школе. Сначала с Юю я не общался. Мой отец Ади Смолланд работал садовником на вилле «Синий вереск», но внезапно умер от сердечного приступа. У него обнаружили аневризму какой-то сердечной артерии. Я остался с мачехой и её сыном. Было не очень — то весело. Лилиан Майер узнала от моего дяди Генри, который работал также у неё шофером о том, что я живу с мачехой. Она сжалась надо мной и дала мне работу. Так я стал жить в «Синем вереске». Фактически был у них приживальщиком, находился на воспитании, если так можно выразиться. Работать в доме у Майеров я стал с 1976 года, мне было примерно пятнадцать лет. Я немного старше Юю. Пожар и события, которые ему предшествовали, я помню очень хорошо.

Незадолго до пожара на вилле «Синий вереск» стала появляться молодая красивая женщина. Это была Кристин Белли. Я не знаю, кем она работала и работала ли вообще. Знаю только, что она была любовницей Якоба Майера. Может, они собирались пожениться, может просто начать жить вместе, но однажды я слышал, как Лилиан Майер страшно разгневалась и кричала на Якоба, что он их по миру пустит. Может, он тратил много денег на эту Кристин, может, хотел переписать на её имя часть имущества, это мне не известно. Только я помню, что Якоб и Лилиан очень крепко поссорились, а Якоб напился и побил много посуды.

За несколько дней до пожара дядя Генри забрал меня с виллы «Синий вереск» к себе домой погостить. Ночью я встал в туалет, и услышал разговор на кухне. Я подслушал, что мой дядя Генри получил от Лилиан Майер крупную сумму, я слышал, как тётя Лиза плакала и говорила, что теперь можно решить все проблемы. Потом был пожар, но я не верю, что его устроил мой дядя. Ну какой из него наёмный убийца. А во время пожара на вилле «Синий вереск» меня не было, дядя Генри отправил меня к дальней родственнице погостить. Нпроизошёл

Я узнал, что Юю сильно пострадала в пожаре, и я долго ее не видел, можно сказать, что полгода. Конечно, до меня доходили слухи и разговоры о том, что Юю Майер убила своего отца и подожгла дом. Но я в это не верил. Потом я снова вернулся на виллу, стал помогать по дому. Со временем стал работать помощником садовника. А когда Юю вернулась из ожоговой клиники, то мы перестали общаться. Она стала замкнутой, и почти не выходила из комнаты, а я очень по ней скучал. Дома пробыла неделю, и всю неделю от нас буквально не отъезжал комиссар полиции. В итоге Юджина попала в психиатрическую клинику. Там она пробыла долго, может год, а может и больше.

На вилле было ужасно. Никто не вспоминал ни о смерти Якоба, ни об его дочери. Дом стоял полуразрушенный после пожара. Лилиан Майер его восстанавливать не собиралась. Платили нам с Бо Олливен сущие копейки. Да и не для кого было там готовить и убирать. Тётя Лиза вскоре умерла, кровавые деньги Майеров не помогли.

Постепенно всё пришло на вилле к полному упадку. Я один с садом не справлялся. Большой парк и пруд совсем заросли, оранжерея зачахла. Я особенно не разбирался в тонкостях ремесла, приходилось много читать. А когда в 1974 году Юю вернулась из психиатрической клиники, она стала похожа на статую. Не знаю, что с ней там делали, но

она даже не реагировала на просьбы, на какое-либо общение. Мне было ее очень жаль. Я иногда приходил к ней и рассказывал новости. Новости о том, что происходило в школе, на улице. Рассказывал о своей собаке Нолане. Юю молчала и даже не смотрела в мою сторону. Только жилка на ее шее дрожала. Я понимал, что она глубоко больна, но я думал, что могу хоть как-то развеселить ее. Старая Бо ругала меня за то, что я хожу в хозяйские комнаты, она боялась, что будут пропадать какие-нибудь вещи. Но что там могло пропасть? В доме после пожара не было ничего ценного.

Лилиан Майер жила в своей квартире в центре Антверпена. Она стала руководить всей пивной компанией. И хотя её назначили опекуном Юю, но она не больно — то беспокоилась о внучке. В доме с Юю жили только старая Бо, и я.

Миранда на вилле не появлялась, она училась в каком-то университете. Хотела стать офтальмологом. Она не желала заниматься пивным бизнесом, видите ли. Но Лилиана потом решила иначе. Когда Миранда закончила университет, Лилиан поставила её руководить концерном. Решение об этом должен принимать совет директоров концерна, а не Лилиан, и это вызвало много споров, и вскоре её сместили. Лилиан Майер верулась на место главы концерна. С тех пор между Мирандой и Лилиан особенной любви не было. Лилиан стала чаще приезжать на виллу «Синий вереск», она пыталась общаться с Юю, но та никого к себе не подпускала.

Я очень любил Юю... Её нельзя было не любить. Она была как ангел. Беленькая чистенькая. Спокойная. Она никому не причиняла зла....

Однажды я услышал, как она поёт. Она тихо пела в своей комнате. Я проходил мимо и заглянул в приоткрытую дверь. Она кружилась по комнате, закутавшись в скатерть как в накидку, и напевала «Если бы я была принцессой». Тогда я зашёл в комнату, и Юю испугалась. От испуга она, бедненькая, села на пол. Я сказал ей: «Больше так никогда не делай, и я никому не скажу об этом». Она кивнула мне, и я тут же ушёл.

Я понял тогда, что Юю не была сумасшедшей. И я хранил эту тайну. Мне было легко. Я мог быть ей полезным, служить ей, помогать ей. Разве это трудно делать, если ты любишь? Но Юю мне не доверяла. Она часто ходила к доктору Губерту, а ее сопровождала Бо. Однажды Бо пришла домой, все её лицо было расцарапано и в крови. Она сказала, что это Юю сделала, но я не поверил. Но с того дня с Юю стал ходить на прогулки я. Я шёл сзади, и ни разу у нас не было никаких инцидентов. Но мы никогда не общались на улице.

И вот однажды нам встретился Федерик. Я этот день хорошо запомнил. Юю очень ему обрадовалась, она даже пригласила его в кафе. А меня... не пригласила. Они сидели в кафе, и о чем-то говорили. Возле них крутился какой-то журналист, и когда он стал фотографировать Юю, то Федерик избил его и сломал фотоаппарат. В кафе вызвали полицию, и нам с Юю пришлось оттуда сбежать.

Я запомнил этот случай потому, что Юю через три дня убежала из дома. Я спал крепко, и ничего не знал о планах Юю. Но сквозь сон слышал, как к дому подъехала машина. Она светила фарами, и я от этого проснулся. Дверь машины хлопнула, и потом я услышал звук удаляющегося автомобиля. Конечно, потом, когда я узнал, что Юю пропала, я догадался, что она убежала из дома. И конечно, я не верил, что она покончила жизнь самоубийством. Меня спрашивала полиция, но я предпочёл отмолчаться. Я понимал, что Юю не оставят в покое, и там, куда она уехала, ей было гораздо лучше.

Бо Олливен подобрела после этого случая, и сказала как-то: «Слава богу, мы избавились от этой маленькой ведьмы!» А ещё она добавила, что Юю отправилась прямиком к папаше.

Я воспринял это как фигуру речи, но потом стал догадываться, что и Юю, и её отец живы.

Я стал расспрашивать дядю, а он сначала накричал на меня, а потом сказал, что уже много лет несёт крест лжи и будет наказан за это богом. Он намекнул, что пожар был инсценирован Якобом Майером и Лилиан Майер. Но никто из них не предполагал, что Юю случайно увидит это. Когда пожар начался, то Юю спряталась, они пытались её найти, но не смогли. Поскольку дело уже не терпело отлагательств, Генри вызвал пожарную машину, а сам стал искать Юю. Он обнаружил её в библиотеке, на неё упали книги с полки, а ноги сильно пострадали от огня. Генри вытащил её, а потом соврал на следствии, что в руках у девочки была тряпка с бензином. Наврешное, и бутылку с бензином сам сунул за комод в её спальне. Не знаю, какой был первоначальный план, но я много лет думал: неужели для Майеров ничего не стоило так подставить свою внучку? Полный бред, конечно.

К сожалению, Генри не сможет подтвердить мои слова, он два года назад умер. Второй инфаркт и... Вот, собственно, и все, что мне известно. Может, я и забыл какие-то детали....»

Детектив выключил диктофон, а Констант попросил пить. Глаза Юю потемнели и были полны ужаса и боли, ведь её заставили переживать прошлое снова и снова. Она отозвала Барбера в сторонку и сказала:

— Константу надо срочно в больницу, при ожогах страшны не сами раны, а интоксикация организма. Я прошу тебя не медлить. Отвези меня к Губерту Зильберштейну. Я ему сейчас позвоню.

Хью уже ничему не удивлялся, он кивнул и позволил Юю руководить ситуацией.

Юю дозвонилась Зильберштейну довольно быстро, но говорила с ним долго. Хью деликатно ушёл в кухню, где уже был накрыт нехитрый ужин. На правах друга он сел за стол, Трулте хмуро придвинула ему тарелку с картошкой и крупно порезанной курицей.

— Что решили делать? — без особых церемоний спросила она.

— Скоро уедем. С Константом. — сообщил с набитым ртом Барбер. Трулте удовлетворённо кивнула. А Федерик спросил, нужна ли помощь. Хью отрицательно помотал головой.

— У нас есть две тысячи франков, — неожиданно сказала Трулте. — это Майер — миллионерша, а Брегер деньги пригодятся.

— Спасибо, — Хью улыбнулся и попросил кружку чаю.

— Трулте, а ты знала, что Юю жива?

— Нет, но когда я её увидела в нашем кафе сегодня вечером — я ничуть не удивилась. С этой чертовки станется, — Трулте засмеялась.

— А откуда у Юю был адрес вашего кафе?

— Мы тоже спросили её об этом, она ответила, что один сыщик дал ей отчёт о поисках Юю Майер, а там был этот адрес, — Трулте улыбнулась.

Хью покраснел, вспомнив, что выслал копию отчёта Борису Казарину.

Юю вошла в кухню с озабоченным видом

— Губерт согласился помочь, он приедет через час-полтора.

— Поешь давай Юю — заботливо сказала Трулте и наполнила тарелку картошкой и мясом.

— Трулте прекрасно готовит, и как только с малышом всё успевает, — с гордостью сказал Федерик.

— Славно у вас, — сказала Юю, жуя и поглядывая по сторонам.

— Да ладно, — фыркнула Трулте, — достойная бедность.

И все засмеялись. Хью улыбнулся, не понимая шутки.

— Это Бо так приговаривала, когда ругала нас за проделки. Когда испортим что-то или намусорим. Она говорила, что мы ведём себя как цыгане. Достойная бедность — вот как надо себя вести, — сказала Юю, приканчивая порцию.

— И к тебе это относилось? — спросил Барбер.

— Ко мне, прежде всего. Я же не Майер, я некрвная дочь Якоба.

Хью так и сел, не зная уже, что отвечать. Все остальные тоже замолчали, словно поражённые громом.

Глава 25. История Юю глазами Губерта Зильберштейна

— Почему, как вы думаете, все проблемы семьи Майеров с легкостью спихнули на меня? Отчего я жила одна в полуразрушенном особняке после пожара? Почему Лилиан Майер без боя отдала меня полиции и психиатрам? Почему не искала после побега? — спрашивала веселым тоном Юю, но в глазах ее сверкали капельки слёз.

— Ты — не Майер, — вздохнула Трулте и подошла к своей подруге, обняв ее за плечи.

— Да, я не Майер, я Брегер. Брегер — фамилия моей матери до замужества. Об этом мало кто знал. Разумеется, все Майеры были в курсе, Бо Олливен и Смолланды, разве что за исключением Константа.

— Теперь все становится на свои места, — покивал головой Хью, переваривая информацию.

— Ну, или почти всё, — лукаво заметила Юю-Лаура.

— А твоя мать? Где она? — вмешался Федерик.

— Она умерла в сумасшедшем доме, я ее почти не помню. Отрывочные какие-то воспоминания. Якоб женился на ней, когда мне было полтора года. Она была манекенщицей, или как теперь говорят — моделью. Кто мой настоящий отец — я не знаю. Наверное, русский космонавт, — сказала Юю, и все засмеялись.

— Наверное, поэтому ты так любишь русских, — в тон ей пошутил Барбер.

— Якоб удочерил меня, всю процедуру провел официально и тайно. Видимо, очень любил мою мать. Говорил мне всегда, что я очень на нее похожа. У меня есть несколько вырезок из журналов с ее фотографиями. Это единственное, что я забрала из дома Майеров, когда ушла от них.

— Лилиан Майер, видимо, не очень обрадовалась тому, что появилась еще одна Майер, — уточнил детектив.

— Да, это так. Она не сразу узнала, а только в 1972 году, и избила меня, будто я виновата в том, что Якоб удочерил меня. Это случилось незадолго до пожара.

— А когда Лилиан узнала, что Якоб сделал на тебя завещание?

— Мне кажется, что до пожара Лилиан об этом не знала. Якоб ей не доверял ей, и хотел иметь гарантии своей безопасности. О, я это поняла уже потом, когда повзрослела. Якоб боялся, что его убьют. Он все делал наперекор Лилиан Майер. И она могла запросто от него избавиться. А раз наследницей состояния становилась Миранда Майер, то и смысл в его убийстве пропадал. Майеры ничего не получали от реальной смерти Якоба.

— Почему он боялся своих? В голове не укладывается! Это же бесчеловечно! — спросил пораженный Федерик и обнял Трулте, как самое дорогое, что было у него.

— Видимо, он знал, на что они способны ради денег. Якоб никогда не хотел заниматься бизнесом, но его отец оставил завещание на его имя, и жена почти ничего не получила после смерти старого Майера. Якоб мне говорил, что у него никогда не получалось руководить пивной империей, хотя он и старался, как мог. Но и отдать бразды правления матери он не хотел, потому что привык жить на широкую ногу, а мать его бы посадила на хлеб и воду. И потому он потихоньку распродал активы империи, пока мать не узнала об этом.

— Сколько грязи! — воскликнула Трулте.

— Да, и это еще не все — Юю провела ладонью по лбу, словно смахивала усталость. —

Якоб заключил сделку, по которой он продавал свой пакет акций какой-то международной компании. Эта сделка должна была быть одобрена советом директоров. Когда Лилиан Майер об этом узнала, то она пригрозила Якобу, что убьет его, если он сделает это. Но и расторгнуть контракт он не мог. Может, боялся, что ему головы не сносить, партнеры его не оставят в покое, слишком многое было поставлено на кон, слишком глубоко увяз...

— И потому он решил инсценировать убийство? — спросила Трулте.

— Нет, об этом он не думал. Он решил инсценировать пожар и гибель, то есть несчастный случай.

— Но подвернулась ты, — подсказал Федерик.

— Но подвернулась я, — грустно сказала Юю, — и всё списали на меня.

— Хватит на сегодня воспоминаний, — резко сказала Трулте, — довели вон девчонку до слёз.

Хью обнял Юю и отвел ее в комнату, где спал Констант. Юю наклонилась над пострадавшим и сказала Хью.

— Спит, но ему хуже. Температура явно поднялась, и бинты снова все мокрые. Где же Губерт...

Губерт Зильберштейн приехал не так, как обещал, а через два часа. За это время Хью Барбер задал Юю тысячу вопросов на тему: «Можно ли доверять ему и что мы будем делать». Как выяснилось, Юю не имела четкого плана и только переживала за жизнь Константа.

Губерт оказался высоким улыбчивым бородачом примерно сорока лет. Он был одет в полосатую выдавшую виды рубашку и такую же древнюю серую ветровку. Джинсы не отличались новизной, но и заплат на коленях было только по одной. Губерт крепко стиснул девушку в объятиях, прогремев: «А наша малышка выросла, хоть замуж отдавай!» Но Юю попросила быть говорить потише, так как Трулте с Федериком уже легли спать, да и Констант ворочался, забывшись чутким сном. Губерт однако включил свет и без лишних разговоров раскутал Константа, вытащив его из под пледов.

Довольно беглый осмотр не удовлетворил доктора.

— Пить давали? Температуру измеряли? Сознание терял? — на парочку сыпался поток вопросов.

Ребята отвечали сумбурно. Губерт считал, что оставлять без помощи Константа было нельзя, а перевозить так же опасно. Он оценивал его состояние как стабильно плохое, но без ухудшений.

— Вообще, не представляю, как он убежал из ожогового центра, как он сюда добрал. Все признаки того, что интоксикация организма нарастает. Могут отказаться почки, сердце тоже работает с повышенной нагрузкой. Его надо принудительно кормить и поить, неизбежно возникнут проблемы с мочеиспусканием и калоотведением, даже с дыханием, — простите меня за подробности. Обезболивание — обязательно. Терапия в целом. Я его забираю, — сказал врач.

— Куда вы его поместите? — спросил Барбер.

— В свою психиатрическую клинику. Там его точно искать никто не будет. Положим в отдельную палату. У нас есть все необходимое. По минимуму, конечно, не так как в специализированных центрах....

Барбер и Зильберштейн помогли плохо соображающему Константу спуститься по лестнице и сесть в машину Зильберштейна. Барбер поехал следом за доктором, а Юю

осталась с Трулте.

Спустя два часа Хью Барбер пил черный кофе в маленьком кабинете Губерта. «Отважный садовник» как окрестил нового пациента Зильберштейн, лежал в палате, переодетый в больничное. Его перебинтовали и подключили к системе искусственного питания. Опутанный трубками, Констант спал. В него вливались поочередно витаминизированная жидкость, антибиотики и анаболические стероиды.

Зильберштейн в халате сидел напротив Барбера, явно борясь со сном.

— Не работал по ночам со времен студенчества, — с извиняющей улыбкой доктор налил себе кофе.

— Уважаемый профессор, — начал Хью. — у меня очень мало времени. Я пока не знаю, что нам делать с Юю, но, возможно, ваша помощь еще понадобится. Давайте поговорим о деле

— Понимаю, — сказал Губерт. — я готов. После того, что сделал профессор Бреццель с моей карьерой — мне уже ничего не страшно. А вы адвокат?

Доктор почесал густую бороду.

— Я не адвокат, а детектив из частного детективного агентства «Барбер, Свенсон и сыновья», меня зовут Хью Барбер. — молодой детектив протянул удостоверение Губерту.

— Не слышал о таком агентстве, — улыбнулся доктор, — ну, да ладно. Начнем, а то утро близится.

Губерт мало что знал о о пожаре на вилле «Синий вереск» в 1972 году, лишь из интереса читал полицейские отчеты. Так что владел информацией, доступной всем и каждому. Но для Хью было важно и то, как эту информацию оценивает другой человек, ведь он смотрел через призму того, что узнал о проблемах Майеров. Густав Граббе доктор тоже быстро вспомнил. С ним он познакомился после пожара. Доктор рассказал, что Граббе работал в антверпенской полиции, был одним из лучших в отделе расследования убийств. Граббе был включен в группу по расследованию инцидента на вилле «Синий вереск», но потом его выкинули из группы после скандала с Лилиан Майер. Густав Граббе был не согласен с основной версией следствия, и полагал, что нужно провести ДНК-экспертизу трупа Якоба Майера. Лилиан Майер была против, так как труп был опознан близкими. Но Густав не остановился на достигнутом. Ему удалось незаконно получить частичку трупа Якоба Майера и срез ногтя девочки, которая находилась в ожоговой клинике. Анализ показал, что эти лица родственниками не являются. Назревал скандал. Густав пришел напрямую к шефу полиции и потребовал эксгумации трупа. Ему заткнули рот. Лилиан Майер сообщила, что раскрыта тайна усыновления Юджины, и она не потерпит ее разглашения. Всё представили так, что не Якоб Майер — разгаданная загадка, а Юджина. В общем, Лилиан Майер потребовала увольнения Густава Граббе. В результате Густава отправили на пенсию.

— Но после этого, когда Юджину официально признали виновной в смерти Якоба Майера, когда она уже находилась на лечении в клинике под присмотром профессора Бреццеля, Густав Граббе нашел меня, — усмехнулся Губерт, — мне удалось с ним поговорить. Бывший полицейский решил поквитаться за свое увольнение и начал собственное расследование гибели Якоба Майера. Не знаю, что он накопил в этом направлении, но он собирался со всеми материалами идти к Лилиан Майер. Я отсоветовал ему шантажировать семейку Майеров и предложил продать сведения в какую-либо газету. Придать всё огласке. Поскольку я тоже считал Юю Майер невиновной в убийстве отца, то

согласился сделать заключение о ее вменяемости.

— И вы сделали такое заключение? — от волнения Хью приподнялся.

— Да, сделал, но Густав Граббе меня обманул. Он не отнес свои данные в газету, а отдал их Лилиан Майер. В итоге, он получил свои деньги, а меня выкинули из клиники.

— Где же теперь этот шантажист? — спросил Хью.

— Этого я не знаю, но видел его случайно во время летнего отпуска в Брюсселе. Вроде бы он там обосновался и даже преподает в полицейской академии.

Хью Барбер подошёл к окну. Он думал о своем отце, который был приятелем Густава Граббе. Как причудливо сплетаются линии судеб! Густав, явно склонный к авантюрам, жил и здравствовал, а Барбер всегда был законопослушным и даже немного нудным. Но он заслонил собой друга в перестрелке. И теперь тот самый его друг — Свен Свенсон, работает главой детективного агентства. Так ли хорошо быть законопослушным? Интересно, что мог сам шеф Свенсон рассказать о коллеге? Стоило ли об этом поговорить? Не во всем и не всегда Барбер доверял шефу.

В какой же переплёт он попал, как же увяз в этом непростом деле. И если бы не личный мотив, он как и Свенсон, отошел бы в сторону от чокнутых миллионеров, жадных старух и психиатрических больных.

Губерт воспользовался паузой в разговоре и вышел в палату к Смолланду. Хью потирал покрасневшие глаза. Ночь была на исходе, а никаких серьезных решений принято не было, Юю всё еще находилась в опасности. Хью опустил в кресло и на несколько минут задремал. Усталость брала верх, и он даже не встрепенулся, как Губерт вернулся с горячим кофейником. Губерт деликатно покашлял и Хью приподнял сонные веки.

— Перейдем к теме лечения Юджины Майер, — сказал он сипловатым с дремоты голосом.

— С малышкой я познакомился в клинике профессора Бреццеля. Я работал его ассистентом. Это произошло в 1973 году. К тому времени Бреццель уже устал бороться с этой девочкой. Именно с девочкой, а не с болезнью ребенка. Как настоящий специалист своего дела, Бреццель не мог не понимать, что перед ним совершенно здоровый ребенок. Несмотря на то, что Бреццелю довольно много заплатили за его молчание и липовое заключение о болезни Юю Майер, у него не поднималась рука «глушить» сознание ребенка сильнодействующими препаратами. Он находился в чрезвычайно сложном положении. С одной стороны был здоровый ребенок, а с другой стороны — заключение, в котором Юджина была представлена как невменяемая. И в любой момент по прихоти Лилиан Майер все могло измениться. Написав недостоверное заключение, Бреццель стал его заложником. Меня, разумеется, в тонкости этого дела он не посвящал. Но все было видно невооруженным взглядом. Юджина ненавидела Бреццеля и устраивала ему скандалы и истерики, отказывалась есть, швырялась вещами, пыталась укусить его, поцарапать. Держать ее в клинике без того, чтобы не задавить препаратами было невозможно, но и пойти на такой грех Бреццель не мог. Поэтому он поручил дело мне, вкратце сообщив, что если я найду подход к ребенку, он чуть ли не озолотит меня.

— И вы нашли к ней подход?

— Как видите, — усмехнулся доктор. — Я начистоту поговорил с Юджиной. Сказал, что мы будем играть с ней в игру, и если она все будет делать правильно, то скоро выйдет из клиники. Девочка мне поверила, потому что я поверил ей. Я действительно поверил, что она не убивала своего отца, и что ее отец действительно жив.

— Вы видели когда-либо Якоба Майера?

— Нет, я не встречался с ним, но я встречался с Борисом Казариным. Этот человек в итоге согласился на то, чтобы Юджина переехала жить к нему. Всё было сделано тайно и с согласия Лилиан Майер. Они заключили какую-то сделку, суть которой я не знаю. Профессора Бреццеля, насколько я понимаю, в хитрый план не посвятили. Мне без труда удалось украсть документы из архива клиники на Симону Этель, которая была нашей пациенткой. Под этими документами Юджину вывезли из страны. Паспорт был подлинный, риска никакого.

— Что именно вы предложили сделать с Юю в клинике?

— Я разработал ее план лечения и ежедневно заполнял его, показывая улучшения состояния больной. Юджина перестала встречаться с Бреццелем. Через год мы составили с профессором коллективное заключение о возможности ее выписки из стационара. Ребенок вернулась на виллу с тем, чтобы наблюдаться у меня. Дважды в неделю она посещала мои консультации. Лилиан Майер была в курсе этого плана лишь в общих чертах. Она не интересовалась судьбой девочки.

Губерт рассказал, что даже за заключения и план лечения платил профессор Бреццель, который отщипывал кусочек от жирного пирога. Счета за лечение оплачивала старуха Майерша. А когда Юджину выписали, и Густав Граббе пришел со своими документами о расследовании к Лилиан Майер, там было злополучное заключение. В нем-то Губерт Зильберштейн и говорил о вменяемости ребенка и ошибочности диагноза.

— Когда я писал данное заключение, я еще не был привлечен к лечению Юджины Майер, и всерьез думал, что могу своей правдой чем-то ей помочь. Поверил Густаву, который работал тогда в полиции. Потом подумал, что заключение пропало, и не беспокоился о нем. А оно появилось в самый ненужный момент и причинило столько неприятностей.

— Именно это заключение стало причиной побега Юю из дома? — спросил Хью.

— Какой там побег! Все было спланировано бабушкой. Лилиан Майер не терпелось избавиться от Юю да и от шантажиста также. Удалось уговорить Бориса Казарина, который был хорошим приятелем Якоба Майера, приютить ребенка. Тот недолго ломался. Лилиан ему щедро заплатила. Все было обставлено в считанные дни.

Хью пристально посмотрел в лицо доктора, а тот выглядел предельно честным. Светало. Появлялась надежда, такая же тонкая, как и первые лучи солнца. Хью понимал, что от него теперь зависит если не всё, то многое. На кону стоят чьи-то жизни, чья-то репутация, чьи-то миллионы. А вокруг него, Хью Барбера, вихряются такие силы, которыми он не мог управлять. Чем не шутит черт, а если Барберу под силу всё изменить?

— Вы можете подтвердить в суде всё, что сообщили мне здесь?

— Разумеется. Эта тайна много лет не давала мне покоя. К тому же вернуть себе доброе имя... Разве можно отказаться от этого?

Глава 26. Не многовато ли психиатров для одного дела?

Хью вернулся в квартиру Трулте и Федерика под утро. Юджины Майер он не застал, чему детектив не удивился. Он устал удивляться за последние дни. Сонный Федерик сунул ему сложенный вчетверо лист блокнота. Парень выглядел виноватым, хотя ничего плохого и не совершал. Разве можно удержать в руках ветер? Юю написала коротко и безапелляционно: «Дорогой Хью. Я знаю, что тебе будет неприятно моё очередное исчезновение. Я вынуждена уехать в Мюнхен. Бориса надо срочно отвезти в безопасное место. Место, о котором не знают ни Майеры, ни кто-либо ещё. Я свяжусь с тобой, как только эта задача будет решена. Я знаю твой адрес. В крайнем случае я позвоню или напишу Трулте. Люблю, Лаура».

Опять Борис Казарин, опять он на первом месте! И хотя Хью понимал, что старый художник был для Юю и отцом, и учителем, и защитником, досаду было сдерживать трудно. Как он мог смириться с тем, что Юю отставила его, Барбера, на второй план? Может, её чувства и не были такими уж сильными, а приписка «Люблю, Лаура» была сделана из простой вежливости?

Хью, обессилев от навалившихся на него грустных мыслей, лёг на диван и забылся усталым сном. Ночью он перехватил четверть часа для сна, и потому проспал часов до восьми. Солнце било в лицо через редкую тюль. Хью поднялся с дивана. Голова трещала. Из кухни слышалась возня. Это Федерик, демонстрируя голый торс, варил овсянку. Судя по всему Трулте уехала к ребёнку.

— Овсянка — завтрак чемпионов, — безапелляционно заявил хозяин и продемонстрировал крепкие бицепсы. — Я съедаю ровно пятьсот граммов каши по утрам и иду в качалку.

— Замечательно, — рассеянно кивнул Хью. Ему не было дела до хвостовста Федерика, но пренебрегать гостеприимством он не мог, и потому уважительно потрогал бицепс и сел за стол в ожидании завтрака.

— Уехала наша Юю, — сказал банальность Федерик, помешивая варево в гигантской алюминиевой кастрюле, — что будешь делать?

— Не знаю, ничего не соображаю пока, — признался Хью.

— Юю не оставила инструкций? — осведомился Федерик.

Хью помотал головой. Поглощая дымящуюся кашу, он внезапно осознал, что остался без дела. Никакого плана он не имел, Юю его ни о чём не попросила перед отъездом. Чувства завершенности правильно выполненной работы не появилось. Ничего, кроме разочарования, Хью не испытывал. А потом на него накатила усталость и раздражение. Когда он был нужен — к его помощи прибегли, когда он выполнил свою миссию — от него отмахнулись, как от надоевшего домашнего питомца. Он даже не знал, чей труп был найден на вилле «Синий вереск» и жив ли отец Юджины. Он толком не успел поговорить с Лаурой.

— Спасибо за завтрак, — сказал он любезному Федерику. — я пошёл, если что — звони. Трулте — привет. Она у тебя и вправду красивая. Качай мускулы, девчонкам это нравится.

Хью нацарапал свой номер телефона, пришиливав записку на магнитик к холодильнику, и направился домой.

Матери дома не было, на столе красовалась записка, что она ушла на рынок за продуктами. На столе под салфеткой был оставлен завтрак. Но Хью, подивившись, как все его хотят накормить и облагодетельствовать, словно домашнего питомца, снова испытал раздражение. Несмотря на то, что из-под салфетки доносился аромат блинчиков с ягодами, желание подкрепиться не возникло. Хью прислонился к подоконнику и начал чертить на оконном стекле кружки и стрелки, размышляя над своей печальной судьбой.

Что следовало делать, если делать было совершенно нечего?

Хью усмехнулся. Он вспомнил, что Юю вчера наняла его для запутывания и без того запутанного дела. Но распутался клубок довольно легко, только правда, которую узнал Хью, была никому не нужна. Или всё-таки нужна?

Жизнь Юю была похожа на дурацкий кинороман. Она всю жизнь пряталась, доверяла свою судьбу случайным людям. Была ли она счастлива и спокойна? Могла ли принимать сама какие-то решения? Была ли она готова к настоящей жизни?

Вот и теперь вместо того, чтобы решить свою большую проблему, она помчалась к Борису Казарину, который купил себе много лет назад дочь, ученицу и сиделку в одном лице. Знала ли Юю об этом и должна ли она была узнать?

Вопросы роились в голове юного детектива, который никогда раньше не задумывался о том, что есть добро, а что зло, руководствуясь исключительно простым принципом: «Что мне приятно, то и хорошо, и — наоборот». Он не знал, как поступить, но точно был уверен, что не может привести в свой дом девушку и сказать матери: «Вот Юджина Майер, приёмная дочь миллионера, убившая своего отца, пробывшая два года в психушке и семь лет в бегах. Мы решили пожениться». Впервые за свои недолгие двадцать шесть лет Хью осознал, что он мучительно влюблён. И хочет он того или не хочет, но должен быть рыцарем на белом коне, который увезёт Юю в её новую жизнь. И для этого он должен был разобраться в том, что же было правдой в этой самой мешанине фактов и сведений.

Найдя свои старые записки, Хью Барбер наткнулся на имя Люси-Мэй Иэн. Улыбнулся своей «проницательности». Вот с кого следовало начинать поиски! Именно чужой и незамешанный в истории Майеров человек мог представить о Юджине объективные сведения.

Кроме того, опытный детектив Хью Барбер, каковым он себя считал, не мог отметить версию причастности к недавнему поджогу Юджины. Ведь в этой истории ещё предстояло разобраться. Любовь и долг вступали в неизбежное противоречие.

В новом списке дел Хью Барбера первой стала встреча с Люси-Мэй. Она работала психологом кризисного центра, её специализацией были трудные подростки. Несмотря на молодость, Люси-Мэй уже пользовалась авторитетом среди коллег и судебных органов, так как её заключения были полными, обоснованными и не содержали противоречий и бессмысленных рассуждений. Хью Барбер дважды к ней обращался за советом, и всякий раз Люси-Мэй была безупречно точна в своих оценках.

Хью приехал в кризисный центр, где его встретила Люси-Мэй — смуглая брюнетка, коротко остриженная, с минимумом косметики. Она и сама походила на подростка. Её движения были резкими и угловатыми, воробыными. Хаос на рабочем столе компенсировался аккуратностью в рассуждениях.

— Хью, привет, плохо выглядишь, — заметила Люси-Мэй.

— Стараюсь, — отшутился Барбер.

— С чем пожаловал ко мне? Твой телефонный звонок меня заинтриговал. — Люси-Мэй

отбросила чёлку со лба.

— Я хочу, чтобы ты прочла кое-какие заметки, детский дневник, эссе и письмо уже взрослого человека. И составила психологический портрет этого человека, — увидев удивлённо поднятые брови Люси-Мэй, Хью Барбер поспешил добавить, — разумеется, я понимаю, что времени в обрез, да и документов маловато, но дело не терпит отлагательств.

Увидев, что Люси-Мэй качает головой в раздумье, Хью добавил:

— Это исключительно для меня. Мне нужно разобраться, кто эта девушка. Я боюсь, что она психически больная. А я имел неосторожность ею увлечься...

Люси — Мэй засмеялась:

— Врёшь ты всё, Хью. Если бы ты был способен увлечься женщиной, тебя бы не остановила её психопатия. И к тому же я уверена, что ты сначала бы увлёкся мной, а не искал бы романтики на стороне.

Хью засмеялся в ответ и протянул папку.

— Когда я должна тебе дать ответ? — заинтересованно посмотрела на документы Люси-Мэй.

— Желательно вчера, — сострил Хью, — мне нужно позарез. Я подожду твоего вердикта, пошатаюсь по делам, а через три часа вернусь.

— Хорошо, но учти, — строго сказала Люси-Мэй. — ручаться за точность я не могу.

В три часа дня с небольшим опозданием, Хью Барбер вернулся к Люси-Мэй с букетом поздних роз.

— Ничего себе! — удивлённо воскликнула Люси-Мэй. — Я ещё ничего тебе не рассказала, а уже удостоилась награды?

— Это тебе компенсация за то, что я искал романтики на стороне — отшутился Барбер.

Люси-Мэй заметно повеселела, сунула букет в пыльную вазу на подоконнике, хлопнув туда воды из пластиковой бутылки, и присела на край стола рядом с креслом, где разместился Хью Барбер.

— Что я могу сказать? — загадочно протянула Люси-Мэй. — Пожалуй, я помогу тебе. Дам портрет человека в общих чертах.

— А под диктофонную запись? — поинтересовался Барбер.

— Ну, если у тебя плохая память, — засмеялась Люси-Мэй, — то включай.

Подождав завершения необходимых манипуляций, Люси-Мэй начала:

— Что я могу сказать об авторе текста? Будучи ребёнком, эта девочка получала внимание только от отца, мать в её воспитании не присутствует. Это приводит неизбежно к развитию представления о моноцентричности мира. Среднестатистический ребёнок в той или иной степени тянется к центру мироздания, который для него представляет собой мать. В данном случае таким центром стал отец. Ребёнок, воспитанный отцом, становится более хрупким и романтичным, как ни странно, но при этом, как правило, лишён инфантильности и лени. Судя по запискам в дневнике, девочка очень любит своего отца, она придумала ему ласковое прозвище «Папичка», часто упоминает его в своих записях. Ей важно одобрение ее поступков именно со стороны отца, и она же скрывает свои детские грехи именно от него. Так она выбросила чепчик за комод, куда явно «Папичка» не заглянет и не спросит, что к чему. Девочка подражает мужским персонажам, в частности, её тянет играть в пиратов, она копирует их лексику. Её друзья — мальчики. Да, именно с мальчиками ей интереснее играть, ведь подружек она уничижительно называет «дура Зельден» и «рыжая Трулте», что свидетельствует о её невысоком мнении о девчонках.

Люси-Мэй помолчала. Хью, воспользовавшись моментом, задал волнующий его вопрос:

— Люси-Мэй, эта девочка могла поджечь дом и убить отца? Умышленно убить?

— Трудно сказать, на что способны люди, — задумчиво сказала Люси-Мэй. — У нас мало материала, чтобы делать выводы.

— Скажи свои предчувствия, — попросил Хью Барбер. — Фразы в дневнике «гори они синим пламенем» следователи восприняли именно буквально. Я говорил с инспектором Бруксом, он считает, что ребёнок страдал шизофренией с пироманией.

— Не много ли патологий для одной маленькой девочки? — грустно усмехнулась Люси-Мэй. — Фразу про синее пламя девочка упоминает в дневнике часто, но вовсе не потому, что она пироманка. Если ты заметил, она играет в пиратов, а это выражение достаточно пиратское, свирепое что ли... Думаю, что фразе «гори оно синем пламенем» не стоит придавать больше значения, чем «чёрт бы тебя побрал». К тому же психиатрической практике неизвестны случаи пиромании у детей. Шизофрения также проявляется в столь юном возрасте редко. У детей можно с лёгкостью диагностировать аутизм, слабоумие. Но можно ли выявить расщепление сознания выявить у ребёнка восьми лет? Не знаю, не знаю...

— Что же ты скажешь по поводу эссе «Казанова»? Разве там не говорится именно о расщеплении сознания? О том, что девушка чувствует себя одновременно несколькими личностями? — не унимался Хью Барбер.

— Это интересный текст, — оживилась Люси-Мэй и пересела за стол, взяв в руки эссе. — Девушке не отказать в литературном даре. Как ты думаешь, больной человек считает себя больным, страдает ли он от болезни, относится ли к себе критически? Как правило, нет. Посмотри, что говорится о шизофрении в трудах известнейшего психиатра Курта Шнайдера. Все больные отрицают болезнь. С их точки зрения больные — мы. Так-то, Хью. В тексте мы видим фантазии девушки, причём не лишённые эротического подтекста. Это характерно для подростка. Приукрашивание образа своего героя, его романтизация, при одновременном избегании физического или словесного контакта с ним. Сама себе девочка кажется тоже героиней романа, интереснейшего романа с тайнами и грядущими разоблачениями. Как правило, эти фантазии развиваются у подростков, круг общения которых минимален или искусственно ограничен. Их жизненный опыт пока не богат, и они наполняют свою бедную событиями и эмоциями жизнь такими вот цветистыми фантазиями. Опять же я не вижу ничего необычного. Нет, это однозначно не шизофрения.

— Что же скажешь о письме, последнем письме, — задумчиво произнёс Хью Барбер.

— Ничего для тебя нового. Девушка — манипулятор. Ей известно не только о твоём профессиональном, но и личном интересе. И она попыталась, как смогла, донести до тебя мысль, что она никакая ни пироманка и не психопатка. Удивительно, что при своей проницательности ты ничего этого не заметил. — усмехнулась Люси-Мэй.

— Спасибо, Люси-Мэй. — Хью Барбер медлил, не уходил, словно ждал ещё какой-либо подсказки от Иэн.

— Не за что, было интересно, — кивнула Люси-Мэй. — Несмотря на то что ты не ввёл меня в курс дела, я поняла, что речь идёт о девочке из семьи Майеров.

— Как?! — поражённо воскликнул Хью Барбер, который вымарал все имена и фамилии, которые могли хотя бы косвенно намекнуть на принадлежность документов к делу Юю.

— И хотя я живу в Антверпене всего три года, я же специализируюсь на трудных подростках. Все наши учебники о девиантном поведении детей содержат описания случая Юю Майер.

— Не может быть! — продолжал удивляться Хью Барбер.

— В литературе описан этот случай как классический случай детской шизофрении, но с отсутствием предполагаемых тобой симптомов пиромании и психопатии. Шизофрения — это многогранное явление, его даже трудно классифицировать как болезнь. Скорее всего, это состояние психики. Так вот, в учебниках, которые ты можешь полистать и сам, приводится описание состояния Юю Майер как посттравматического ступора. Например, в книге профессора Бреццеля ««Психопатологии в детском и раннем подростковом возрасте»». Ни о каком расщеплении личности, пиромании, эротомании и подобном речь быть не может, если речь идет о шизофренике. Чтобы тебе было понятно, шизофреник заикливается на чём-то одном. — Люси— Мэй помочлала и добавила. — Я даже сомневаюсь, что все документы, которые ты мне принёс, могут относиться к личности Юю Майер.

— Как это? — не понял Барбер.

— Если дневник относится к периоду детства Юю Майер, у которой потом диагностировали шизофрению, а именно посттравматический ступор, то она должна была сидеть как фикус в горшке, смотреть в одну точку, повторять монотонные фразы или однообразные движения. Развитие психической деятельности, её поливариантность исключена. Крайне редко детей выводят из состояния ступора, но их эмоционально—волевая сфера, а тем более, интеллектуальное развитие, угасает.

— Так, — начал понимать Хью Барбер, — написанное эссе и письмо не могут быть плодом деятельности шизофреника. Ты же исходила из того, что девочка Майеров шизофреник?

Люси-Мэй кивнула.

— Да, я брала за основу этот вывод. Принадлежность дневника не вызывает сомнения. Но и он не говорит о шизофрении его автора. Учитывая к тому же, что Юю Майер умерла, и никак не могла написать последнее письмо, то я не могу быть уверена, что это её письмо.

— Очевидно так, — уверенно заявил Хью, радуясь тому, что не подставил Юю, раскрыв тайну, — А могла ли Юю Майер вводить в заблуждение психиатров, полицейских? Симулировать симптомы?

— О нет, это исключено. Даже взрослый, опытный и подкованный симулянт не может продержаться долго, а тут речь о восьмилетней девочке. И о профессоре Бреццеле. Это светила с мировым именем, Хью.

— Что же ты думаешь о документах?

— Думаю, что тебя кто-то разыграл, — Люси-Мэй улыбнулась.

— Спасибо, Люси-Мэй. Ты мне очень помогла, — улыбнулся Хью Барбер и приобнял девушку.

— Не за что, приходи снова, с розами и романтическими письмами. По крайней мере, не скучно, — ответила ему улыбкой Люси-Мэй.

Хью Барбер ушёл от Люси-Мэй в приятных размышлениях. Во-первых, он укрепился в уверенности, что Юю не совершала поджога виллы в 1972 году, и что профессор Бреццель действительно подделал заключение о болезни девочки, которая не страдала ни пироманией, ни шизофренией. А во-вторых, Юю и теперь не была больной психопаткой, которая могла совершить ужасные вещи. В третьих, Люси-Мэй не догадалась о том, что девочка Майеров жива.

Глава 27. Прекрасная хозяйка картинной галереи

Хью ехал по оживлённым улицам и размышлял. Юю утверждает, что ей угрожает опасность, как и Борису Казарину. Походило на правду, иначе бы Юю не скрывалась от своей бабушки, полиции и властей, а при попытке её разоблачения не спряталась бы от Хью Барбера. Значит, Юю не до конца ему доверяет, что не могло не огорчать молодого детектива. Он всеми силами пытался убедить Юю, что не только находится на её стороне, но и пытается распутать клубок дела Якоба Майера. Возможно, Юю считала, что Барбер как и Густав Граббе хочет заработать на её беде? Сыщик терялся в догадках.

Мыслями он возвращался к дельцу Граббе. Тот подозревал, что Якоб Майер не погиб при пожаре, и видимо, не без оснований. Никто Якоба больше не видел, но почему бы Якобу было не совершить сделку с матерью и преспокойно жить, хотя бы и в другой стране? Хью жалел, что не узнал у Лауры подробностей о жизни Якоба после пожара, и даже вчера при встрече ничего у неё не спросил. А вот повторное убийство Якоба Майера имеет существенное значение. Потому что и Юджине угрожает опасность, поскольку она всё ещё наследница по завещанию.

Но, так или иначе, уверенность детектива в том, Якоб Майер не погиб при пожаре, крепла. Самым убедительным был тот факт, что труп полностью обгорел и для его идентификации понадобились вещи Якоба Майера. В пользу этой версии был и тот факт Лилиан Майер была против эксгумации трупа. Экспертизу ДНК не проводили. Версию о том, что глава империи был жив и представлял собой перманентную опасность для Лилиан Майер, следовало подкрепить доказательствами. Но для начала стоило все-таки проверить, были ли у руководителя «Пивной империи Майеров» в действительности финансовые проблемы, о которых умолчали следствию в 1972 году? Кому было выгодно исчезновение Якоба Майера и его мнимая смерть? Наследникам, возможным кредиторам, концерну? Это предстояло выяснить. Хью решил, что следует покопаться хорошенько в центральной библиотеке Антверпена, куда он и направился, не теряя времени. У Хью возникла также уверенность, что он идёт по дорожке, проторённой Густавом Граббе. Но Хью следовало сделать собственные выводы. Слишком часто он нарушал «Принцип Кентавра», которым любил говорить его шеф.

Хорошенькая библиотекаря с вышитыми на кармашке формы фамилией и инициалами представилась Хью Барберу как Бригитта. Хью Барбер не стал придумывать вычурную версию, а сказал, что интересуется историей концерна «Пивная империя Майера» и попросил подшивку местных газет за период с 1970 по 1973 годы, то есть с запасом. Бригитта вежливо сообщила, что за указанный период все архивы фотокопированы и могут быть любезно представлены Хью Барберу на фотоплёнках. Уже через час Хью проматывал километры плёнки на аппарате для чтения микрофильмов. Якобу Майеру было посвящено довольно много заметок. То его кобылы брали на скачках призы, то он участвовал в открытии благотворительных вечеров, то на всю страну шумели фейерверки с фестивалей пива. Иногда на фотографиях рядом с Якобом появлялись Миранда и Юджина, всегда нарядные и довольные жизнью. Газеты упоминали о плодотворном сотрудничестве «Пивной

империи Майера» с компанией «Фуд продактс Интернешнл», и на фотографиях Якоба Майера часто появлялся Джордж Визенготт, глава филиала в Антверпене. Его фамилию и данные о нем Хью Барбер на всякий случай выписал в записную книжку. Также Хью Барбер, памятуя принцип «лучше перебдеть, чем недобдеть», выписал фамилии и имена партнёров «Пивной империи Майера», которых насчитал около десятка, а также спортсменов, имена которых по несколько раз упоминались рядом с именем Якоба Майера. Дважды Якоб Майер был сфотографирован в обществе хозяйки художественной выставки Кристин Белли, необыкновенно красивой блондинки. «Любовница» пометил в записной книжке детектив Барбер, вписав её имя. Кристин упоминал в своём рассказе Константин.

Список лиц всё пополнялся, работа двигалась медленно. Далее следовали заметки о пожаре, некролог на Якоба Майера, скупые хроники дознания и краткие выводы из полицейского отчёта, уже знакомые детективу Барберу.

1972 год не представлял особого интереса для Якоба Майера. Однако, газета «Деловой Антверпен» содержала краткую заметку за 07 июля 1972 года о том, что на расширенном заседании совета директоров так и не было подписано решение о слиянии «Пивной империи Майера» с компанией «Фуд продактс Интернешнл». Далее следовало интервью профессора Брюссельского свободного университета Ганса Баумана о тенденциях глобализации, которую бегло просмотрел взволнованный Хью Барбер. В статье говорилось о том, что расширение влияния иностранного капитала на развитие внутреннего рынка не всегда является благотворным. Как правило, это приводит к удешевлению рабочей силы, сокращению местного производства. В частности, приводился пример присоединения нескольких кондитерских фабрик к концерну «Сладкие облака», что в итоге привело к демонтажу линий производств, упрощению национальных рецептов, унификации продукции. С прилавков исчезли всеми любимые национальные лакомства: анисовые печенья и кубердоны. Хью Барбер почувствовал, что нащупал золотую жилу и продолжил чтение подборок. Но, к сожалению, больше ничего интересного за 1972–1974 год он не нашёл.

Периодически попадались статьи, которые вырезала в свой альбом Зельден.

Итак, кто следующий в списке детектива для посещения? Кристин Белли или Густав Граббе?

Найти адрес Кристи Белли труда не составило, она всё ещё оставалась хозяйкой художественной галереи в центре Антверпена. К ней и направился Хью Барбер. У него не было легенды, и он действовал наудачу. Удачей будет, если Кристин Белли захочет его принять вообще.

Кристин была в галерее, но большого интереса к разговору с Барбером не проявила. Галерея закрывалась на ремонт, и Кристин вела переговоры с подрядчиками.

— Не желаете ли нанять реставратора, который восстанавливал виллу «Синий вереск» после первого пожара? — спросил её Хью Барбер.

Очевидно, что этот вопрос был задан в точку. Кристин Белли посмотрела на детектива с интересом, скрестив на груди руки, слегка откинувшись назад, словно оценивая сказанное.

— Я обещаю вам интересную беседу, — сказал Хью Барбер.

— А по вашему внешнему виду и не скажешь, — нелюбезно хмыкнула красавица, но пригласила Барбера в свой кабинет.

И как же она не была похожа на свою коллегу из Мюнхена! Дамы одного возраста, но если мадам Гольдберг можно было отнести к рабочей беспородной лошадке, то Кристин, несомненно, была чистокровной арабской кобылкой. Тонкие стройные ноги, сильное мускулистое тело, знавшее тренажёрный зал с силовыми упражнениями и беговую дорожку, высокая шея с гордой посадкой головы и роскошной гривой... Эту породу мог объездить опытный наездник, а вот обладать ею мог только богач. Якоб Майер, например.

— Желаете выпить? — дама предложила Барберу бренди со льдом. Барбер не стал ломаться и с удовольствием принял бокал.

— Что нужно молодому человеку от усталой служительницы муз? — игриво начала Кристин Белли.

— Мне нужна правда о событиях, предшествующих гибели Якоба Майера. Мнимой гибели в 1972 году, — уточнил Хью Барбер.

— С чего вы взяли, что мне что-то известно? — засмеялась красавица.

— Есть много свидетелей тому, что вы были близкими друзьями. А друзьям многое доверяют.

— С чего вы взяли, что я скажу вам то, что мне может быть известно, — продолжила игру в кошки—мышки Кристин.

— Якобу снова угрожают крупные неприятности. И, возможно, от него снова хотят избавиться. Вы можете этому помешать.

Кристин Белли мочала, побалтывая стаканчиком со льдом. Костяшки ее длинных пальцев побелели.

— Возможно, вы захотите познакомиться с Лилиан Майер... — продолжил Хью Барбер.

— Кто вы, и откуда пришли сюда? — спросила Кристин уже без улыбки

Хью предъявил своё удостоверение.

— Кто вас нанял? — спросила Кристин.

— Меня нанял член семьи Майеров, чьё имя я вынужден держать в секрете, но который хочет помешать планам Лилиан Майер насчёт её сына.

— Разве Якоба не убили повторно? — скривила губы Кристин.

— Это доподлинно не известно, труп не опознан, от живого Якоба нет вестей, — соврал Хью.

— Что же я могу вам сказать из того, чего вы и сами не знаете? Я вижу, что вы осведомлены достаточно, — усмехнулась Кристин.

— Мне надо знать правду о том, какие у Якоба были финансовые планы в 1972 году, и как они расстроились.

— Я знаю ситуацию только в общих чертах, молодой человек, — Кристин села в кресло напротив, закинув ногу на ногу, обнажив чуть выше колена прекрасное бедро в атласном чулке. — Вряд ли мой рассказ будет вам чем-то интересен.

Хью улыбнулся ей и потянулся, чтобы чокнуться бокалами.

— С другой стороны, вряд ли я уже ухудшу ту ситуацию, в которую попал бедный Якоб, — словно размышляла вслух Кристин.

— Учитывая, что он всё-таки вас предал, стоит рассказать, не так ли?

— О, вряд ли слово «предал» можно отнести к Якобу. Вот уж его никак нельзя было назвать верным или искренним. К сожалению, я слишком поздно это поняла. Люди нужны ему были постольку, поскольку они помогали решать ему какие-то свои задачи. Типичный Майер, — заключила хозяйка галереи.

— Значит ли это, что вы согласны побеседовать? — уточнил Барбер.

— Да, только прошу не включать диктофон, — попросила Кристин.

— Разумеется.

— С чего же начать? — задумалась красавица, приставив картинно палец ко лбу. — С того, как Лилиан Майер расстроила нашу свадьбу или с того, как она расстроила планы Якоба по слиянию компаний? Планы сына не учитывали её мнение, а потому подлежали исправлению по-майеровски. Я была не уверена в своей помолвке. Меня не пугало наличие у Якоба двоих детей, и даже стервы-мамаши, которая пыталась вмешиваться в любое принимаемое Якобом решение. Меня пугало другое: сам Якоб, который проявлял абсолютное безволие. Он был, что называется, — тряпка. Да-да, не удивляйтесь. Можно

противостоять любым трудностям и проблемам. Но нельзя противостоять самому себе. Если говорить о Якобе, то единственный эпитет, которым можно его описать, — «лентяй». Милейший, умнейший, образованнейший... Лентяй. Он любил книги, живопись, музыку. И если бы читателям, зрителям или слушателям платили деньги, он бы, несомненно, обогатился.

— Интересная характеристика, — заметил Хью.

— Многолетние наблюдения, — хмыкнула Кристин. — После того, как Верона Майер впала в депрессию, он не нашёл ничего проще, как запереть её в психиатрической клинике. И это теперь, когда депрессию можно было лечить и дома, и вполне успешно. — красавица поправила юбку на коленях. — В общем, он избавлялся от проблем самым кардинальным способом. Потому что был ленив, да-да, именно потому, что ему было лень возиться с человеком, пытаться его понять, помочь ему. Он все проблемы решал так: быстро и кардинально.

— Тем не менее вы решили выйти за него замуж? — спросил Хью.

— Не знаю, за него ли... Или за империю Майеров, — откровенно сказала Кристин. — В любом случае, этот проект оказался моей неудачей. Иногда, впрочем, я думаю и наоборот. Кто знает, в какой психушке я бы оказалась, если бы вышла за него замуж, да чем-нибудь не угодила.

— Как же наступила роковая развязка в ваших отношениях? — подхватил мысль собеседницы детектив.

— Ах да! Я несколько увлеклась. — спохватилась хозяйка художественного салона. — Развязка была, скажу я вам, весьма эффектная. Якоб был щедр, он помог мне с открытием этого художественного салона, что взбесило Лилиан Майер. Старуха считала, что из «Империи Майеров» не может утечь ни малейшего ручейка. Она устроила форменный скандал с битьем посуды и оскорблениями. И её не волновало, что Якоб Майер был фактическим владельцем здания и всего оборудования в нём. На Якобе были завязаны все контракты, весь небольшой бизнес. А галерея — это не только выставки, это и оценка картин, и продажа антиквариата, и скупка ценностей, и реставрация. Это достаточно прибыльно и интересно. По крайней мере, это значит «не складывать деньги в одну корзину». Потребительский кризис возможен в пищевом производстве, ориентированным на простых людей. Но богачи даже в самые печальные времена «тощих коров» не изменяют своим привычкам. Галерею бы не тронули никакие кризисы.

— Я в этом мало разбираюсь, но звучит спорно, — сказал Хью.

— Так и Лилиан Майер считала. Она фактически расстроила нашу с Якобом свадьбу, но галерею отобрать ей не удалось, так как я настояла на «отступном». Галерея была передана мне целиком! Однако, Якоб решился на второй необдуманный и несогласованный шаг. Он хотел избавиться от «Пивной Империи Майеров, продав свою львиную долю Джорджу

Визенготту из «Фуд продактс Интернешнл».

— Почему же не Лилиан Майер? Мать бы смогла купить долю. И овцы целы, и волки сыты, — спросил Барбер.

— Нет, у Лилиан никогда не было такой суммы, да ещё и сразу. А у транснациональной корпорации, как вы понимаете, деньги были. Но поскольку это была сделка со сторонней компанией, то требовалось одобрение совета директоров «Пивной Империи Майеров».

— Совет директоров не был под пятой Якоба?

— Разумеется, был, поскольку Якоб владел контрольным пакетом, то голосование превращалось в формальность. Лилиан Майер узнала об этой сделке случайно. Что там у них произошло с сыном, я не знаю. Могу лишь догадываться. Но думаю, что она была настроена решительно. В общем, он хотел избавиться от доли — и он от неё избавился. Да притом очень оригинальным способом. Все его оплакивали, а он нежился на каком-то курорте.

— Вы поверили в его гибель?

— Все поверили, — усмехнулась Кристин Белли. — история выглядела очень убедительно, пока в смерти Якоба не обвинили малышку Юджину. Я вступилась за девочку, высказала всё в глаза Лилиан Майер, но она заявила, что мне не стоит лезть со своим мнением в их дела. И через два дня моя галерея была подвергнута атаке вандалов. Это случилось ночью. Все картины были изрезаны, все стенды разбиты. Сработала сигнализация, но никого поймать не удалось. Я понесла ужасающие убытки, которые не покрыла страховка. Потому что большой удар был нанесён именно моей репутации. Как видите, Лилиан умеет решать вопросы.

— Вы обращались со своими подозрениями в полицию?

— Полиция пела под дудку Лилиан Майер, меня бы никто и слушать не стал.

— Вы сказали, что стали сомневаться в том, что Якоб умер, когда в его смерти обвинили Юджину?

— Да, именно так. Я навестила Юджину в больнице. Бедняжка была помещена в ожоговый центр. Обычная муниципальная клиника, и это при деньгах концерна! Я была возмущена, — Кристин сжала кулачки и постучала по полированному подлокотнику кресла, — девочка была совсем одна, ей было одиноко, плохо. И она призналась мне, что к ней приходил отец. Сначала я не поверила, подумала, что это бред больного ребёнка. Но Юю говорила так уверенно! Ксати, она добавила, что отец просил перед ней прощения и пообещал забрать её в Мюнхен, как только она поправится. Согласитесь, на бред это не похоже.

— А после 1972 года вы виделись с Якобом? — спросил Хью. Кристин покачала

головой.

— Нет, не виделась, но получила однажды от него странную открытку. Она пришла то ли из Греции, то ли с Крита. Это было примерно в 1980 году. Я её не сохранила. Почерк был, несомненно, Якоба. Он приглашал меня приехать к нему на отдых. Подписи не было, но был обратный адрес.

— Вы не поехали? — спросил Барбер, хотя и так было ясно, каков будет ответ.

— Нет, — Кристин улыбнулась, — я была так рада, что история с Майерами кончилась, что не имела никакого желания ворошить прошлое и общаться с призраками. И как он себе это представлял: встреча старых друзей в романтической обстановке после всего, что было?

— Спасибо, мадам Белли, — Хью поспешил откланяться.

— Знаете, молодой человек, — Кристин тоже поднялась с кресла, — я прошу попусту не болтать с другими о том, что вы встречались со мной. Но если нужно повторить сказанное в суде — я не буду скрываться. Надоело это майерское чванство, может, кто-то и собьёт с них спесь. Я бы хотела посмотреть на это. До встречи!

Глава 28. Красная папочка Густава Граббе

Детектив направился к дому, чтобы поговорить с Зельден. Он ведь так и не расспросил её о брате и ничего не узнал о том, как она сама пришла в «Зеленый рай», зачем привела туда его, Хью, и какова была роль Зельден в этой истории.

Хью забежал для начала в свою квартиру уверить мать, что с ним всё в порядке. Но Хью с удивлением обнаружил, что его ждет следователь криминального отдела Винсен Мортен, которого Хью хорошо знал с неприятной стороны. Под ложечкой засосало. Мать сидела за столом с очень виноватым видом. Видно, Винсен Мортен уже успел наговорить её всякого.

— Привет, Хью, — Мортен пожал ему руку и уставился чёрными угольками глаз прямо в переносицу Хью. Неприятный, тяжёлый взгляд профессионала, который привык допрашивать с нажимом. Винсен Мортен был единственным детективом в отделе, который не любил покойного отца Хью. И даже героическая смерть старшего Барбера не заставила упорного Мортена изменить своё мнение о нём. Мортен считал, что Барбер был связан с мафией, и его убрали как ненужного свидетеля. На одной пьяной вечеринке Мортен ляпнул об этом в присутствии Свена Свенсона. С тех пор нос Мортена хотя и давно сросся, но выглядел сливой, изготовленной из папье-маше.

— Арестовать меня пришли? — хмуро пошутил Хью.

— А есть за что? — также вопросом отшутился Мортен.

— Я оставлю вас, — мать поднялась со стула и ушла греметь посудой в кухню.

Барбер подошёл к окну и выглянул на улицу. Наряда полиции не было, полицейских машин тоже, но он бы их заметил ещё при входе.

— Вы по поводу кражи из квартиры Зельден? — спросил наудачу Хью.

— Нет, — следователь достал сигареты и попросил разрешения покурить, но Хью кивнул в сторону кухни и покачал головой. Мать не выносила дыма, и визит Мортена не мог изменить этого. Следователь со вздохом убрал пачку в карман плаща, который не снял при входе в квартиру. — Я по поводу жалобы на тебя, как на действия частного детектива.

— С каких это пор лицензионные вопросы волнуют криминальный отдел, — осведомился Хью.

— Лилиан Майер считает, что ты помогаешь убийце, прикрываясь частной детективной деятельностью.

— Ах, Майер... — Хью усмехнулся. — и кто же кого убил?

— Как считает Лилиан Майер, убит её сын Якоб. И вроде бы ты в курсе, кто это сделал.

— Конечно, в курсе, — с улыбкой сообщил Барбер, — вся страна в курсе. Его в 1972 году убила малолетняя Юджина Майер.

— Да, с тобой придётся непросто. Ты такой же упрямый, как и твой отец. С тобой совершенно невозможно говорить серьёзно, — покачал головой Мортен. — Полицию не интересуют дела давно минувших дней. Сейчас мы занимаемся двойным убийством трёхдневной давности, и покушением на убийство.

— Двойное убийство? — поинтересовался Хью.

— Да, при пожаре погиб не только Якоб Майер, но и умерла сегодня утром в клинике Бо Олливен. Между прочим, перед смертью, она сказала, что убийца — малышка Майер. А Констант Смолланд и вовсе пропал, бесследно.

У Хью по спине пробежал холодок, но он молчал. Таких показаний от Бо Олливен он не

ожидал. Неужели она настолько ненавидела Юю, что могла ей вредить даже на пороге смерти? Или вправду знала, что Юю — хладнокровная убийца?

— Ты играешь в плохие игры, парень, — сочувственно сказал Мортен. — Предлагаю тебе поговорить по душам. Ты пока не подозреваемый, а свидетель. Возможно, тебя ввели в заблуждение. Возможно, тобой попользовались. Ты даже можешь не знать обо всех обстоятельствах. И дело Майеров — это не твоё дело, а полиции.

Хью продолжал молчать, удручённо покачивая головой.

— Я вижу, что ты не готов поговорить. Я приду завтра, в это же время. Подумай, чем ты можешь себе помочь. Юджине ты уже не поможешь. — Мортен неожиданно ласково похлопал Хью по плечу.

— Ваши подозрения строятся только на показаниях Бо Олливен? — спросил Хью Барбер.

— Нет. Пропала машина Якоба Майера. Способ убийства — тот же самый, поджог. Есть и прямые улики с места происшествия — отпечатки её пальцев на столовых приборах, в доме. Юджина была на вилле...

Хью покивал головой.

— А Бо Олливен сказала что-то конкретное?

— Нет, она только сказала, что всё это — дело рук малышки Майер. Это если говорить дословно.

Хью включил чайник и снова отошёл к окну. Он стал слишком чувствительным и нервным, что ему совсем не нравилось. Надо уметь быстро успокаиваться и концентрировать внимание. Резко повернувшись, он сказал Мортену:

— Я буду говорить с вами, но скажу только то, что считаю нужным. И говорить я буду в присутствии...

— Адвоката? — насмешливо спросил следователь.

— Нет, комиссара полиции и всей группы, которая ведёт расследование. Также я приглашу журналистов, не менее двух. И своего шефа — Свена Свенсона.

— Странное условие.

— Нет, не странное. На меня открыт сезон охоты. И я хочу, чтобы как можно больше людей узнали то, что знаю я. Это в интересах моей безопасности.

— Когда ты будешь готов говорить? — спросил следователь.

— Завтра, в это же время, в отделе полиции.

Следователь ушёл не прощаясь. Выпив крепкого кофе в одиночестве, подивившись тактичности матери, Хью принял решение немедленно ехать в Брюссель. Ему было необходимо поговорить с Густавом Граббе, по крайней мере, у него было немного времени, чтобы попытаться его найти. Университетов не так много, если Густав преподавал, то его адрес дадут в учебном заведении.

Быстро связавшись по телефону с приятелем отца — криминальным хроникёром Жаком Девре, Хью вкратце описал свою бедственную ситуацию. Жак согласился присутствовать при допросе подозреваемого Хью Барбера, так как запахло жареным и репортёрской удачей. Также Жак любезно предложил помощь молодой сотрудницы Лизы Шульц из газеты «Еженедельник Антверпена». Хью было не до мелочей и этических тонкостей. Лиза так Лиза. Хью повесил трубку и стал собираться в путь, мать вышла из кухни и сказала, печально глядя на Хью.

— Мне кажется, что у тебя серьёзные неприятности, сынок. Не хочешь со мной

поделиться? — мать сложила руки под фартуком, седые волосы растрепались, морщинки вокруг глаз влажно поблёскивали.

— Я тебе расскажу всё, как только вернусь из Брюсселя, я сейчас же уезжаю, — пообещал Хью.

— Зачем тебе в Брюссель? — спросила мать

— Мне надо повидаться с Густавом Граббе.

— А ты знаешь, куда ехать? — усомнилась мать.

— Поищу в адресном бюро, спрошу в университетах... — пожал плечами Хью.

Мать подошла к комоду и достала из верхнего ящика большую шкатулку. Из неё она извлекла яркую открытку и протянула Хью со словами:

— Это Густав меня с Пасхой поздравлял, он каждый год это делает. Иногда по телефону, иногда открыткой.

Хью обнял мать, не найдя слов благодарности.

— Густав странный человек, но в сущности неплохой, — сказала мать. — его сильно подкосила история с увольнением из полиции. Отец даже хотел его взять в детективное агентство, но Густав сказал, что устал от работы сыщика и уехал в Брюссель. Он преподаёт в полицейской академии.

Поезд домчал Хью до Брюсселя за час. Когда Хью вышел на Северном вокзале, то уже смеркалось. Брюссель гудел как встревоженный улей. Барбер не любил столицу, которая напоминала ему о неудаче в университете и позорном отчислении. Город не казался гостеприимным и уютным, он давил своей архитектурной мощью серого и коричневого камня, стрельчатыми окнами и башнями старых зданий центра. Хью узнал в справочном бюро маршрут городского автобуса и напрямик направился к Густаву Граббе, надеясь на благосклонность судьбы.

Дверь после недолгого звонка ему открыла жена Граббе. Молодой детектив отрекомендовался своим именем, сообщил, что прибыл из Антверпена, да ещё и является сыном покойного Ганса Барбера. Мифру Граббе слезливо подивилась его приезду и ласково пригласила войти. Густава следовало подождать, он был на вечерней пробежке в парке. Годы, годы... Берут своё, и за здоровьем следить надо гораздо пристальней.

В разговорах о погоде и новостях Антверпена, о матери Барбера, Свене и Ингрид Свенсонах, делах агентства прошёл битый час. Деликатная Мари Граббе не задавала вопросов о цели приезда Хью Барбера, а осторожный Хью умалчивал об этой цели.

Густав Граббе, войдя в квартиру, сообщил о себе трубным голосом, напевая популярную мелодию:

— Я пришёл дорогая, пришёл без букета! Надеюсь, меня ты простишь!

— Густав, милый, — ласково откликнулась жена, — у нас гость.

На пороге появился высокий плотный мужчина. Бритая голова с могучими складками на шее, мясистые нос и губы, второй подбородок говорили о том, что Густав — любитель вкусно покушать и недурно выпить.

— Кто таков? — прогремел Густав, — студент-задолжник?

— Добрый вечер, господин Граббе, — улыбнулся Хью, — я Хью Барбер, из Антверпена.

— Ба! — взревел толстяк, сжимая Хью в объятиях, а затем, отстранив парня от себя внимательно осмотрел его, обнимая за плечи. — Нет, не Ганс, не Ганс. Вылитая Марта!

Хью невольно засмеялся.

— Что же ты не кормишь дорогого гостя? — Густав грозно засверкал глазами на жену, и

та бросилась накрывать на стол под подбадривающие возгласы муженька. — Срочно этому парню половину барашка да треть быка, да десяток-другой пирожков с ливером, да парочку каплунов на вертеле! Мне кефир, только кефир и творожок, да, пожалуй, пару печёных яблочек! — и уже обращаясь к Хью, добавил, — а меня можно по-простому называть — Густав.

С этими словами Густав пригласил Хью за стол, а сам переоделся из спортивного костюма в домашние брюки и просторную рубашку. Далее последовал обильный ужин и повтор новостей о захолустном Антверпене и его провинциальных жителях. После жареных колбасок и доброй порции тушёных овощей вместо трети быка, Хью разомлел. Тёплый приём был в начале, что же его ждало потом?

— Давно я не бывал в Брюсселе, — начал Хью, постепенно подбираясь к теме беседы. — с тех пор как меня бесславно выгнали с юрфака.

— Э, брат, — засмеялся басом Густав, — на этом жизнь не кончается. Меня вот из полиции попёрли, но я не потерялся! Мы — мужчины, на войне как на войне!

— Вы удивитесь, но я приехал как раз в связи с историей, из-за которой вы ... переехали в столицу, — деликатно начал Хью.

— Нет, не удивлюсь, — засмеялся Густав, — я тёртый калач, да и за новостями слежу. Смотрю-смотрю да и выжидаю, кто же приедет ко мне за толстой красной папочкой.

— У меня крупные неприятности, Густав, — продолжил Хью, — я выхожу по делу о новом пожаре на вилле «Синий вереск» подозреваемым.

— О как! — восхитился Густав, — ну, это разговор не на полчаса, перейдем давай-ка в мою обитель да и потолкуем.

«Обитель» преподавателя Граббе был под стать хозяину. Дубовая тяжёлая мебель, купленная явно не на распродажах, широкий письменный стол, уставленный чугунными пресс-папье и пепельницами, три массивных книжных шкафа украшали обстановку кабинета Густава. Три мягких гамсуновских кресла расположились возле кофейного столика. В одно из них сел молодой детектив, а в другое — бывший сыщик. Хью почувствовал доверие к Густаву, несмотря на нелестную характеристику, которую ему дал психиатр Зильберштейн. Стараясь скрыть большую часть правды, Хью Барбер рассказал свою историю. О том, как егс наняла неизвестная дама, представившаяся Лилиан Майер, как он вёл дела через её представителя Юргена Баха, как он нашёл в Мюнхене Бориса Казарина и Лауру Брегер, как смог снять отпечатки пальцев Лауры, как провёл идентификацию личности, как составил липовый отчёт и как отдал настоящий отчёт Лилиан Майер. О том, что он влюбился в Юджину, и о том, что встретился с ней вновь в Антверпене после второго пожара, Хью умолчал. Дальше Хью рассказал о том, что его подозревают в связи с недавним убийством на вилле «Синий вереск» и вызывают в этом качестве на допрос. Густав слушал, не перебивая, покачивая от удовлетворения головой. Ему, видно, приносило удовольствие, распутывание странных детективных сюжетов.

— Скажи мне, — спросил он после рассказа молодого сыщика, — сам — то ты вошёл в сговор с Юджиной?

— Разумеется, нет. — Хью лгал виртуозно, — она обвела меня вокруг пальца, и сам я был уверен в том, что легко её поймаю да притащу в Антверпен. А она оказалась хитра...

— Тогда почему отправил липовый отчёт своему заказчику по контракту? — продолжил допрашивать Густав.

— Наверное, почувствовал неладное. Мне показалось, что этот Юрген Бах ведёт

двойную игру. С Майер — то я больше не виделся и не говорил с ней, разве что один раз перед отъездом, да и то в телефонной трубке были помехи.

— Интуиция сработала, — кивнул удовлетворённо Густав, и Хью не стал его разубеждать.

— А что в полиции есть на Юджину Майер?

— Показания Бо Олливен, которая сказала, что всё это сделала малышка Майер, и какие-то улики на месте преступления.

— Тебя ничего не смущает? — ухмыльнулся Густав.

— Смущает. Бо Олливен умерла. Констант неизвестно где, — Хью решил ничего не говорить об истинном положении Константа господину Граббе, — улики можно сфабриковать.

— И малышек Майер в семье двое, — засмеялся Густав, — не забывай о Миранде.

Хью обалдело хлопал глазами.

— Не знаю, что ты будешь делать, мой мальчик, но я, помня дружбу с твоим отцом, кое о чём тебе поведаю. — Густав, кряхтя, встал с кресла и достал из книжного шкафа у стены толстую красную папку. — Вот она, история Юю Майер и всей когорты этих зажавшихся миллионеров, — любовно похлопал Густав по папке.

— И вы вот так её храните? — удивлённо спросил Хью.

— А что ей сделается? — усмехнулся Густав. — Лилиан Майер за неё прилично заплатила, полиции она не интересна, а Миранда Майер может о красной папочке и не знать, — Густав подмигнул Хью.

— Вы дадите эту папку мне? — с надеждой сказал Хью.

— Конечно, — с удовлетворением в голосе сказал Густав, — только хочу тебя предупредить. Второй раз за неё Лилиан Майер не заплатит, — и господин Граббе загромыхал своим густым смехом, довольный своей шуткой.

— Расскажите лучше словами, что важно, — Хью бережно взял папку из рук Граббе.

— самого важного — то в папке и нет, — отсмеявшись сказал Густав. — а важное в ней то, что не следует становиться на пути этих людей. Они своих-то не жалеют, а чужих просто растопчут как слон муравья. Я-то этого поначалу не понимал. Вел расследование, как полагается, копал как кабан, учуяв трюфель. А потом и вовсе потерял чувство осторожности. Вот тут Майерша меня и прижала. Это всё равно, что ловить чёрную кошку в тёмной комнате, когда её там и в помине нет.

— Вы уверены в том, что Якоб Майер остался жив в 1972 году? — спросил Хью перед тем, как прочесть папку.

— Да, как в том, что ты сидишь передо мной.

— И у кого же может быть мотив для его второго убийства? Да ещё и обставлено всё так, как и в прошлый раз... Просто мистика... — стал размышлять Хью Барбер.

— Думаю, что ответ на этот вопрос лежит не в плоскости мистики, а в плоскости денег. — Густав засмеялся, обнажив свои крупные желтые зубы, и стал похож на старую собаку — ищейку. — Все мотивы сводятся к трём банальным китам, на которых держится старушка — земля: власть, деньги и похоть. И я не знаю, сколько мотивов тут...

Густав снова поднялся из кресла, затрещав суставами в локтях и коленях.

— Не знаю, где ты остановился, но рекомендую переночевать у меня. По старой дружбе с Гансом не могу тебя выставить на улицу посреди ночи. Только, чур, дверцей холодильника не хлопать, я сплю чутко. Мария постелет тебе в гостиной на диванчике.

Хью не стал спорить. Через час, когда семья Граббе уgomонилась в спальне, Хью приступил к чтению. Он читал до утра, дивясь скрупулёзности детектива Густава. Все недостающие кусочки пазла складывались в общую картину.

Наутро хлопотливая Мария Граббе накрыла сытный завтрак. Хью, практически не спавший в эту ночь, выглядел не слишком бодро. Густав Граббе вышел в столовую в строгом костюме и в галстукe.

— Доброе утро. Вот, тороплюсь на публичную лекцию, — с некоторой гордостью произнёс он.

— Вам нравится преподавание? — вежливо спросил Хью, сдерживая зевок.

— Да, постепенно вошёл во вкус. Сначала мне казалось, что это не моё.

— Бедный мальчик не спал всю ночь, лампа горела, — отметила фрау Граббе, разливая какао по чашкам.

— В поезде высплюсь, — улыбнулся Хью.

— Ты можешь забрать папку, — разрешил милостиво Густав, — по крайней мере, не будешь на допросе идиотом выглядеть. Я полагаю, что ты при расследовании пришёл к тем же выводам, что и я?

— Не совсем, — уточнил Барбер, — я не думал о роли Миранды Майер во всей этой истории, и версию о её причастности не проверял.

— Это из дебрей нашего континентального наследственного права, — вальяжно сообщил Граббе, — не всякий там разберётся. И хотя Лилиан Майер выглядит главной злодейкой, она единственная, кто ничего не получила в результате аферы.

— Она временно исполняла обязанности опекуна Юджины, — возразил Хью.

— Но если проверить документацию, то сразу видно, что ни одной крупной сделки не было проведено и не состоялось ни одного важного решения за этот период, пока Юю была официально жива. Имущество под опекой стоит незыблемой глыбой. Слишком много препон как для развития предприятия, так и для его уничтожения, — засмеялся Граббе.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказал Хью, вытирая рот салфеткой.

— О, это очень просто решается. Когда будет суд, пригласи меня главным свидетелем. Если до того времени я случайно не попаду под трамвай, то с удовольствием приеду, — загромыхал своим густым смехом Густав Барбер.

Засим новые приятели попрощались, и Хью отбыл в Антверпен на ближайшем утреннем поезде.

Перед тем как явиться в криминальный отдел полиции, Хью заскочил домой. Переодеться, привести себя в порядок, захватить копии отчётов, альбом «дуры» Зельден с вырезками. В поезде удалось немного подремать, но полностью отдохнувшим и бодрым молодой детектив себя не чувствовал. К тому же он сильно волновался. Волнение его ещё более усилилось, когда он встретил у себя дома шефа Свенсона. Толстый Свен был покрыт липким крупным потом, несмотря на сентябрьское похолодание и был одновременно и расстроен, и возмущён.

— Ну, ты и дел наворотил, — с порога поприветствовал Свенсон младшего коллегу, — как разворачивать-то будешь?

— С вашей и божьей помощью, — усмехнулся Хью, с ходу направившись в ванную комнату.

Мать хлопотала с обедом, её задача была покормить «зайчика», а остальное — не так уж и важно. К тому же она видела спокойствие сына и сама была спокойна. Хью уже

взрослый, он сам умеет решать свои проблемы, к тому же Густав Граббе наверняка не отвернулся от её сына.

Когда молодой Барбер сел за стол, уплетая яичницу, шеф Свенсон начал рассказывать новости.

— Юджину Майер объявили в розыск. Её фоторобот по всем газетам и фонарным столбам.

— Где же они фото достали? — удивился Барбер.

— Составили на основе портрета. Неожиданная слава портрета «Ангел».

— Борис Казарин тоже в розыске? — спросил Хью.

— Об этом мне ничего не известно. Но зато я знаю, что Лилиан Майер дала согласие на экспертизу ДНК и на эксгумацию тела из фамильного склепа Майеров.

— О, дело набирает обороты! — Хью энергично жевал и поглядывал на часы.

— Господи, Хью, мальчик мой, куда мы вляпались! — неожиданно запричитал Свенсон, — сидели себе тихо, ковырялись в мелких делах... И откуда взялась эта Майерша со своим выводком маньяков...

— С выводком — это точно! — усмехнулся Барбер.

— Что ты ржёшь как кобыла перед случкой! — закричал на него Свен Свенсон, — ты даже не представляешь, что тебе грозит! Майерша заявила, что ты покрываешь убийцу, Зельден Линденбрант даёт против тебя показания!

— О, уже что-то новенькое, — с энтузиазмом отозвался Хью. — маски сорваны, господа, бал-маскарад движется к финалу?

— Не знаю, о чём ты говоришь, но у тебя будут крупные неприятности! — сказал с сомнением в голосе шеф.

— Но ты-то на моей стороне? Ты не будешь давать против меня показания? — засмеялся Хью.

— Боже тебя упаси, мальчик мой, — перекрестил его старый Свен, — ещё не хватало мне за тридцать сребреников друга сдавать. Но чую я, что добром эта история не кончится.

Так, причитая и приговаривая, парочка детективов двинулась в криминальный отдел полиции.

Глава 29. История глазами Хью Барбера

Хью почувствовал себя весьма неудобно, появившись в отделе. Многие из работавших там полицейских знали его лично, многие помнили отца. Конечно, Ганс Барбер был героем. Он не только беспорочно служил, но и погиб смертью храбрых, прикрыв собой друга в перестрелке. Фотография отца Хью красовалась на стенде памяти, увенчанная бронзовой лавровой веткой. Даже те, кто работали в отделе недавно, не могли не знать о таком славном полицейском. А здесь сын, мало того, что не окончил университета, хотя за него платило министерство, как за сына героя, так ещё и неудачник.

Можно было быть детективом непрестижного агентства на пенсии: трудовой путь позади, приличный доход в старости, а на работу ходишь для развлечения. Так позиционировал себя Свен Свенсон. Но молодой Барбер не имел всех вышеперечисленных преимуществ. О нём, как о высокооплачиваемом детективе пока никто знать не мог: ни крупного расследования, ни баснословных доходов. Зато слухи о скандале курсировали по отделу полиции, и многие хихикали в кулачок.

Хью предвидел насмешливые или косые взгляды, потому на встречу взял с собой группу поддержки в виде Свена Свенсона. Шеф, тяжело пыхтя, поднимался по лестнице на четвёртый этаж в малый конференц-зал. Там уже сидели журналисты. Жак Девре радостно пожал руку обоим детективам. Худенькая малорослая Лиза Шульц, с которой Хью и Свен были ранее незнакомы, поздоровалась и представилась сама.

«ЭмансипЭ», — шепнул Свен и захихикал. Хью было известно, что Свен недолюбливает худеньких женщин, называя их брезгливо «недокормышами». Идеалом его женской красоты были валькирии Вагнера. Но Хью понравилась девушка, её острый носик и очки в стальной оправе, аккуратная белая блузка и чёрные балетки. Чем-то Лиза напоминала Лауру. Миниатюрная, белокурая... Лиза спросила:

— Я впервые на подобном мероприятии, что тут будет?

— Я сам впервые, — отшутился Хью, — а что будет — посмотрим.

— Да ничего хорошего не будет, — громко сказал Свен, но обосновать своё предположение не успел, так как в малый зал вошли сотрудники полиции во главе с комиссаром Базилем Дюпоном.

Базиль Дюпон был высоким поджарым полицейским, но довольно нескладным. Он перебирал при ходьбе длинными ногами так, что казалось, что он споткнётся и упадёт. Барбер знал его плохо, видел несколько раз и не сложил о нём мнения. Не зная, чего ожидать от комиссара, Барбер тревожно вглядывался в колючие глаза собеседника. В них не отражалось ничего, кроме недовольства ситуацией.

Комиссар поздоровался и даже пожал руку Хью и Свенсону, представил сотрудников полиции, входящих в группу по расследованию преступления:

— Венсан Мортен — старший следователь, Ли Ченнон — следователь, Барбара Андерс — эксперт-криминалист и Тэо Фарш — оперативный сотрудник.

Барбара Андерс походила на мужчину в юбке. Ни грамма косметики, жёсткие волосы, постриженные ёжиком и шрам над верхней губой. Она скользнула взглядом по Барберу и едва скрыла зевок. Тэо Фарш был неприметным, и встретить такого на улице означало пройти мимо, не зацепившись за какую-то особенность внешности.

Все кивнули друг другу и расселись.

Комиссар обвёл глазами присутствующих и сообщил:

— Особое замечание хочу сделать для журналистов. В ходе нашей беседы, а мы назовём эту встречу именно так, нами не будет сделано для прессы никаких официальных заявлений. Никакие вопросы, которые касаются тайны следствия, освещены нами не будут. Всё, что сообщит свидетель Хью Барбер — это сведения, известные только ему и не проверенные следствием, им не дана надлежащая оценка. Учитывая сложность и особый резонанс дела, прошу не делать резких сообщений в печати. Это может усложнить как поиск убийцы, так и ход следствия в целом. Раньше мы не организовывали подобных встреч, но принимая во внимание срочность расследования и недопущение новых преступлений, мы вынуждены пойти на контакт с любыми источникам информации.

— Значит ли это, уважаемый комиссар Дюпон, что Хью Барберу не будут предъявлены обвинения? — спросила ушлая Лиза Шульц.

— Сейчас — нет. Но это ничего не значит. Поверка в отношении роли Барбера в этом деле будет проводиться наиболее тщательным образом. Если в его действиях будет усматриваться состав преступления, то ему потребуется адвокат. Но герр Барбер не захотел приглашать адвоката, это его право.

— Но и обвинений Барберу не выдвинуто, — уточнила Лиза Шульц.

— Нет, не выдвинуто, — терпеливо подтвердил комиссар. — Хотя в полицию поступило заявление, в котором прямо указано на причастность Барбера к совершению преступления на вилле «Синий вереск». Приступим.

Хью встал со стула, хотя жестом комиссар предложил ему сидеть.

— Я расскажу то, что мне известно и сказанное мной может расцениваться как угодно, но всё, о чём мне известно, подтверждается доказательствами, — Хью похлопал по стопке папок и документов, — эти материалы я могу передать в распоряжение следствия именно в присутствии прессы, не опасаясь тем самым, что они исчезнут. Также я предупреждаю, что свой рассказ я записываю на диктофон, и запись моего рассказа будет передана представителям СМИ, опять же для моей безопасности и сохранности переданных улик.

Члены группы по расследованию преступлений переглянулись. Вопреки ожиданиям Хью, никто из них не засмеялся и даже не хмыкнул.

— Я не обвиняю в коррупции никого из присутствующих здесь, однако, не стоит забывать, что один раз дело о пожаре на вилле «Синий вереск» уже было расследовано, и, как теперь выясняется, недостаточно тщательно. А единственный, кто собрал полные и достоверные факты о пожаре, — Густав Граббе был уволен из органов полиции. Я не хочу, чтобы подобное повторилось.

— Приступайте к существу, — недовольным голосом перебил его комиссар.

— 14 августа 1984 г. в компанию «Барбер, Свенсон и сыновья» обратилась некая дама, которая представилась как Лилиан Майер. Она заключила договор с нашим детективным агентством, при этом она сообщила, что просит найти девушку с картины Бориса Казарина «Ангел», которая была выставлена в Мюнхенской картинной галерее. Заказчик контракта считала, что её пропавшая много лет назад внучка — Юджина Майер не утонула в Шельде, а выжила и выросла. Также она указывала на то, что Юджина Майер посылает ей угрожающие письма. Копии писем у нас не сохранились, а остались только фотокопии. На фотокопиях видно, что письма и конверты обрабатывались дактилопорошком, но отпечатков пальцев обнаружено не было. На предмет микрочастиц и волокон документы не проверялись. Детективное агентство допустило ошибку, которая, собственно, и стала причиной всех

развернувшихся событий. Мы со Свеном Свенсоном не проверили личность посетительницы. — Хью оглянулся на Свена, тот сидел с непроницаемым лицом, лишь коротко кивнул Барберу. — заказчик передала мне дневник Юю Майер, на котором имелись отпечатки пальцев девочки.

Я приступил к выполнению задания. Довольно скоро я нашёл портретиста и его модель в Мюнхене. Мне удалось познакомиться с ними, и я получил предметы, принадлежавшие девушке, с которых я снял отпечатки пальцев. Через знакомого эксперта я получил заключение о том, что отпечатки пальцев с личных вещей девушки с портрета и с дневника Юю Майер идентичны. Также мне удалось похитить черновики литературного эссе, графологическая экспертиза показала, что знаменитый дневник Юю Майер и литературное эссе написано одним и тем же лицом. Однако, доставить девушку в Антверпен мне не удалось, она почувствовала опасность и скрылась от меня. Тем временем, заказчик по контракту перестал выходить на связь. Я заподозрил какой-то подвох, и передал представителю заказчика — некоему Юргену Баху недостоверные сведения о найденной натурщице, скрыв её идентичность Юю Майер. Сам я решил продолжить расследование из чисто профессионального интереса. Лилиан Майер вскорости встретилась со мной и господином Свенсоном. Сначала она скандалила, требуя объяснений от нас по предмету расследования, напрочь отрицая, что заключала с нами какие-либо контракты. Затем она потребовала прекратить расследование и настаивала на передаче ей подлинных материалов расследования, и мы, понимая, что нарушили её право на тайну частной жизни, возвратили ей все документы, которые удалось добыть. В том числе я вернул подлинный дневник Юю Майер, эссе, вещи с отпечатками пальцев из дома Юю Майер в Мюнхене, два рисунка, выполненных Юю Майер.

Юрген Бах также скрылся, найти его место нахождения мне не удалось, но я не уделил этому вопросу должного внимания, в чем раскаиваюсь.

Мне удалось встретиться с психиатром Губертом Зильберштейном, предлагаю послушать его рассказ.

Хью Барбер включил диктофон, по мере прослушивания записи, лицо комиссара полиции вытягивалось, остальные участники встречи недоумённо переглядывались. По окончании прослушивания, Хью добавил:

— Эта версия противоречила тому, что мне стало известно от профессора Бреццеля, который в частной беседе со мной полностью поддержал данное им заключение о неменяемости Юджины Майер. Поэтому я запасся заключением психолога, которая специализируется на работе с подростками с девиантным поведением — Люси-Мэй Иэн.

Журналисты, которые были, судя по всему, знакомы с Люси-Мэй удовлетворённо закивали. А Хью, ободрённый продолжил, — так вот, мадемуазель Иэн утверждает, что автор дневника Юю Майер, как и автор эссе никаким психическим расстройством не страдают, в том числе шизофренией и пироманией. Проверая эту версию, я встретился с Константином Смолландом, место нахождения которого я вам сообщить категорически отказываюсь, так как сам Константин просил меня о сохранении этой тайны. Предлагаю послушать запись его опроса. Запись изготовлена 9 сентября текущего года, то есть три дня назад.

Хью снова включил диктофон. Комиссар сидел мрачнее тучи. Журналисты строчили в блокнотах, многозначительно ухмыляясь. После прослушивания записи, Хью добавил:

— Меня интересовали события 1972 года, и поэтому я «копал» в том направлении, так

как считаю, что корень всех бед в отвратительном качестве расследования инцидента на вилле «Синий вереск». Со мной поговорила Кристин Белли, бывшая невеста Якоба Майера. Она сообщила мне, что Якоб Майер собирался тайно продать свои акции владельцу транснациональной корпорации «Фуд продактс Индастрис». Лилиан Майер была противником этой сделки, и, настаивая на разрыве договоренности, убедила Якоба пойти на крайние меры. Мать и сын инсценировали пожар и гибель Якоба Майера. Вину свалили на малолетнюю Юджину Майер. «Пивную империю Майеров» удалось сохранить. Кристин Белли за молчание была подарена художественная галерея Антверпена.

По залу пробежал смешок.

— Частично это подтверждается официальными публикациями газет, которые имеются в альбоме, составленном Зельден Линденбрант и сделанными мной фотокопиями статей за период с 1970 по 1973 год. — Хью протянул альбом и конверт с фотографиями комиссару.

Хью продолжал. Теперь на лицах сотрудников полиции ничего не отражалось, кроме вялого интереса. Они словно хотели сказать: ну что за доказательства?

— Буквально вчера я поговорил с Густавом Граббе, который, как известно господину Дюпону и господину Мортену, входил в группу по расследованию убийства Якоба Майера. Граббе был отстранён от ведения следствия и отправлен на пенсию. Но материалы, которые удалось добыть ему, он любезно в знак старой дружбы с моим отцом, передал мне. — Хью открыл папку и стал перечислять документы, которые в ней были, кратко указывая их основное содержание. В деле была копия завещания на имя единственной наследницы Юджины Майер, протокол заседания совета директоров, отклонивших сделку «Пивной империи Майеров» и «Фуд продактс Индастрис» от 13 июля 1972 года, решение опекунского совета о назначении Лилиан Майер опекуном несовершеннолетней Юджины Майер, в котором значился запрет на совершение сделок по отчуждению собственности Юджины Майер до достижения ею 18 летнего возраста. Заключение Губерта Зильберштейна о вменяемости Юджины Майер.

Свен Свенсон утирал пот со лба и с гордостью смотрел на молодого детектива. Комиссар задумчиво постукивал карандашом по столу. Хью продолжил:

— Я не отниму у вас много времени. Могу сказать, что я пришёл к выводу о невиновности Юджины Майер в поджоге виллы «Синий вереск» 1972 года и в убийстве Якоба Майера. — Хью Барбер замолчал,

— Господин Барбер, — саркастично улыбаясь, спросил Винсент Мортен, — а что вам известно о роли Юджины Майер в недавнем поджоге на вилле «Синий вереск».

— Если быть честным, то практически ничего, — Хью старался быть спокойным.

— Вы встречались с Юджиной Майер после пожара на вилле? — спросил следователь Мортен.

— Да, я с ней встречался. Но поговорить о пожаре мне не удалось.

По залу прокатился смешок. Хью стремительно терял позиции. Что и говорить: романтическая встреча с преступницей никак не украшала детектива.

— О чём же вы говорили? — насмешливо произнёс Винсент Мортен.

— О том, как спасти жизнь Константу Смолланду.

— И вы помогли Константу? — продолжил Винсент Мортен.

— Да.

— Куда направилась Юджина Майер? — спросил комиссар суровым тоном.

— Мне это не известно.

— Не известно, или вы скрываете правду? — продолжил допрос Винсент Мортен.

— Не известно. Мне нечего скрывать. — убеждённо сказал Хью Барбер.

— Почему Юджина Майер приезжала в Антверпен? — спросил Жак Девре, пытаясь спасти ситуацию.

— Она мне не сказала... — сообщил Хью.

Беседа стала принимать характер перекрёстного допроса, где каждая ошибка Хью могла стать роковой.

— Юджина вам рассказывала, что она встречалась с бабкой, сестрой и отцом на вилле «Синий вереск» в ночь накануне поджога? — продолжал пытку Винсент Мортен.

— Нет... — упавшим голосом ответил Хью.

— Что ещё вы можете сообщить следствию? — спросил комиссар, явно давая понять, что аудиенция окончена.

— Я считаю, что нужно найти Юргена Баха, с которого и началась вся заваруха вокруг забытой истории Юджины Майер. И также нужно объединить в одно дело с данным преступлением кражу в квартире Зельден Линденбрант.

— Что касается Юргена Баха, то тут сомнений нет — этого персонажа бала—маскарада следует найти, — комиссар поднялся со стула, и все остальные сотрудники криминального отдела также поднялись. — А дело о краже в квартире Зельден Линденбрант закрыто, так как собственница квартиры забрала заявление о краже.

Хью, словно пораженный громом, стоял посреди конференцзала. Полицейские без всяких объяснений покинули помещение, гуськом выйдя в коридор. Никто даже не оглянулся и не взглянул с одобрением или дружелюбием. Между собеседниками пролегла граница недоверия и взаимных подозрений. Журналистам было заметно, что Хью расстроен и обескуражен. Пообещав быстро сдать в набор свои статьи, они неловко попрощались.

Хью двинулся в кабинет комиссара, исполненный намерения выяснить, что к чему.

Шеф Свенсон пошёл следом, утешительно похлопывая Хью по плечу.

— Главное, что тебе не предъявили никакого обвинения, мой мальчик, — сказал он. Хью рассеянно покивал ему. — У меня мало времени, господин Барбер, — сказал с раздражением комиссар. — Я понимаю, что по вашей репутации нанесён удар, но это уже меня не касается.

Хью постучался в кабинет и после тихого звука из-за двери, которое он принял как приглашение войти, толкнул её.

— Я хочу узнать, в каком направлении движется следствие. Мне кажется, я имею на это право, — упрямо заявил молодой детектив.

Комиссар мял в пальцах сигарету.

— Учитывая вашу прыть и вашу бесполезную и даже вредную способность путаться под ногами, — начал со злостью в голосе комиссар, — я скажу вам напрямик. Мы разрабатываем версию об убийстве Якоба Майера. Проверяем на причастность к убийству всех членов его семьи. В первую очередь — Юджину Майер, так как именно она скрывается как от родственников, так и от следствия. Большого я вам сказать не могу. Но предупреждаю, что все ваши попытки встретиться с Лилиан и Мирандой Майер, с Зельден Линденбрант будут нами расцениваться как помощь преступнику, и мы будем вынуждены вас задержать.

Хью кивнул, словно ничего другого не ожидал. Комиссар, еле сдерживаясь, указал Хью рукой на дверь, и молодой детектив покинул кабинет высокого начальства.

Глава 30. Много догадок и все мимо

После странной пресс-конференции Хью чувствовал себя раздавленной лягушкой. По пути в офис детективного агентства его шеф деликатно молчал, но его сопение и вздохи были красноречивее любой речи. Он словно говорил Хью: «Эх, зелёный ты юнец! И куда только ты полез без жизненного опыта, без плана и поддержки!»

Придя в свой кабинет, Барбер подумал: «Совсем недавно я думал, что профессия детектива не для меня. Я считал, что не готов к серьёзным делам, да и все окружающие тоже так думали. Теперь же, когда нависла угроза потерять работу, я не собираюсь сдаваться. Мой отец и перед угрозой смерти не спасовал. И я не трус. Всем докажу, из какого теста Барберы!»

Такая мантра подействовала на Барбера успокоительно. А учитывая молчание Свена Свенсона по пути в офис, можно было сделать вывод, что не всё так уж плохо. Барбер расселся в кресле и стал бессмысленно рыться в ящике стола. Вот пачка визиток, вот огрызки карандашей, вот исписанные блокноты, вот вымпел футбольной команды и значок за победу в армрестлинге... У каждой вещи своя молчаливая история... И у каждого человека. А Барбер — как раз из тех, кто любит разгадывать загадки. И никто ему не может помешать довести дело до конца!

В кабинет заглянул шеф и заговорщически подмигнул Барберу.

— Мальчик мой, я знаю, что ты чувствуешь, и даже несколько рад твоему горю. Начало осмысление проблемы — путь к её решению.

— Что? — Хью вскинул голову и непонимающе посмотрел на Свена Свенсона.

— Тебе полезно посидеть и посмотреть в одну точку. Это позволяет вращаться мозгам в правильном направлении, — шеф покрутил пальцем над макушкой и продолжил, — Ты проделал большую, я бы сказал титаническую работу. И не впустую. Заметь, я подчёркиваю, — не впустую. И у меня для тебя есть новая работа.

— Новая старая работа, — догадался Барбер,

— Да. Контракт с настоящей Лилиан Майер, которая подписала его вчера. Она хочет, чтобы ты разыскал Юджину Майер и доказал ее невиновность.

Хью вскочил и подбежал к широко улыбающемуся шефу. На лице юноши явно читалось желание запустить в голову Свенсона чем-то увесистым. Только субординация не позволяла, и Хью сдержался, хотя сжатые кулаки говорили о его злости лучше, чем слова, которые он выпалил.

— Почему вы мне не сказали об этом сегодня утром?! — возмущённо вскрикнул Хью, но его уже захлёстывал азарт. Ведь если Лилиан Майер не верит в виновность Юю, то значит, и он не ошибался в своей возлюбленной.

— Потому что ты не умеешь владеть собой. Ты должен был выглядеть естественно и не сболтнуть лишнего, — просто сказал Свен Свенсон.

Молодой детектив вернулся за стол, откинулся в кресле и закрыл глаза.

— Ханна, рыбка моя золотая, — завопил шеф Свенсон, — сделай-ка нам два крепких кофе!

Ханна в ответ промычала, перестав стучать на машинке и включив дребезжащую кофемолку. Шеф сел за свой стол напротив Хью и самодовольно произнёс:

— Тебе кажется, что фирма не права, раз заключила контракт с Майерами. Но ты уж

мне поверь: деньги не пахнут. И опять же... Мы должны вернуть себе утраченный авторитет.

— Ну да...

— Ты нарушил первейший принцип нашей работы. Какой? Я хочу услышать его от тебя, — указующий перст Свеносна целился прямо в лоб Хью.

— Не смешивать личное и рабочее, — уныло сказал парень.

— Не-е-е-ет, — насмешливо протянул Свенсон. — главный наш принцип — это принцип кентавра. Если ты встретил на дороге следы человека и копыт лошади, то это не значит, что тут прошёл кентавр. Даже Ханна это знает.

Хью засмеялся и поблагодарил Ханну за кофе, который она внесла, открывая ногой дверь его кабинета.

— Ханна, ты знаешь, какой вывод надо сделать детективу, если он встретил на дороге следы человека и копыт? — весело спросил Свен Свенсон.

— Дайте подумать, шеф, — невозмутимо сказала секретарша, наливая сливки в чашку начальника, — я бы подумала, что тут проходил цыган с краденой лошастью.

Шеф Свенсон засмеялся, довольный своим и её остроумием. Прихлёбывая кофе, он ввёл Хью в курс дела.

А дело с точки зрения Свенсона обстояло так... Детективы всё время исходили из того, что Юю Майер невиновна в пожаре и в убийстве Якоба. Барберу это удалось доказать. Однако о действиях и мотивах семейки Майеров судить было рано. Слишком мало доказательств чистоплотности семейства. Майерам была выгодна смерть Якоба и Юджины, а не только Якоба, учитывая наличие завещания. Даже скорее, им была выгодна только смерть Юджины.

— Ты думаешь, что Юю была не выгодна смерть отца? — усмехнулся шеф Свен. — мы можем сказать о том, что в 1972 году она не была сумасшедшей. Но можешь ли ты категорически высказаться о её здоровье на день грядущий? Учитывая полное отсутствие воспитания в подростковом возрасте, дурную наследственность и постоянное нахождение в психотравмирующей ситуации? А чувство мести? А желание вернуть себе богатство?

— М-м-м-м... — протянул Хью Барбер.

— Тебе хочется думать, что она не сумасшедшая и не преступница. Ты влюблён и не видишь ничего в пелене своих чувств. Но ты ведь о ней ничего не знаешь. Откуда у Казарина деньги на шикарное житьё-бытьё? Он диссидент, изгнанник на чужбине, — шеф перешёл на ироничный высокопарный слог. — Лилиан явно помогала средствами Казарину и своей внучке, но помощь — источник ненадёжный. С другой стороны, у Юю Майер может быть банальный мотив мести. Разве нет причин? Украденное детство, поруганное имя, жизнь вдали от дома — да всё, что угодно. Могут быть и другие причины — внезапно возникшие. Но вполне возможно, что причин и мотивов нет.

— Есть довод в пользу невинности Юю, — сказал молодой детектив, — Лилиан Майер не верит в виновность Юю.

— С чего ты взял? — усмехнулся Свен Свенсон, — Лилиан Майер верит в то, что ты найдёшь Юджину, так как до тебя это не удалось никому. Совершенно точно, что Лилиан хочет найти внучку. Но вот зачем? Это тебе не известно. Полиции Лилиан даёт одни показания, нам — другие пояснения.

— Мы не знаем, что она говорит полиции, — задумчиво ответил Хью.

— Это ты не знаешь, а я — знаю, — с заговорщическим видом сказал Свен.

— Что? — вскинулся парень.

— Всеми своё время. — самодовольно сказал Свен, — и так, все твои выводы зыбкие. Потому что по принципу кентавра ты ищешь подтверждение своим догадкам, а надо искать истину.

Если у Барбера были мотивы найти возлюбленную и доказать её невиновность, о Свен Свенсон думал о другом. Мало было найти факты, которые бы ложились в версию Хью, надо было обрести уверенность в том, что другие не найдут опровержения этим актам. После обнаружения беглянки стоило подумать: возвращать ли её в лоно злобной семейки. А если их опять используют вслепую, и по следу идёт истинный убийца из Майеров или приближённых к ним?

— Мы с тобой заикнулись на одной версии, — стал рассуждать Свенсон, прогуливаясь по кабинету, — почему мы ищем убийцу Якоба Майера только в кругу его семьи? После 1972 года прошло значительное время, можно успеть нажить новых врагов. Кто-то ведёт нас по следу именно Майеров и младшей дочери. А вдруг это ложный след. Что, если целью убийцы был не Якоб, а Юджина? Мы ведь тоже о ней мало знаем.

— Мы даже пока не знаем, чьё тело найдено при пожаре.

— Это вопрос времени, — продолжил Свен. — учитывая, что мы действуем в обстановке недостатка информации, то самое важное — не навредить. Себе или кому-либо.

Свен отошёл к окну и задумчиво окинул улицу взглядом.

— Я столько времени раскапывал историю пожара 1972 года, а теперь мне придётся раскопать ещё одну историю... — Хью вздохнул и даже махнул рукой.

— Не стоит так отчаиваться, мой романтичный друг, — сказал ему Свен. — то, что ты раскопал — тебе несомненно пригодится. Просто пока не понятно, за какую ниточку надо дёрнуть.

— Надо иметь хотя бы малейшее представление о том, что происходило на вилле «Синий вереск» четыре дня назад. Константин молчит, Бо Олливен умерла....

— Почему Константин тебе ничего не рассказал о том, что Юджина и ее дурная семейка были на вилле вечером перед пожаром? Почему сама Юджина об этом умолчала?

— Не знаю, — уныло сказал Хью, — не доверяли мне. Или им было, что скрывать от полиции... То есть они не доверял никому вообще.

— А что Зельден Линденбрант может иметь против тебя? — спросил Свен у молодого Хью, на что тот только пожал плечами. Свен вздохнул и снова сел за стол, сцепив пальцы рук. — у тебя есть план?

— Нет, — Хью улыбнулся, — вы же знаете, что планирование никогда не было моей сильной стороной. Но я знаю, что я буду делать сначала. Я встречу с заказчицей, хотя это мне и запретил комиссар, а потом поеду к Юджине.

— Так ты знаешь, где она? — удивился Свен.

— Догадываюсь, — уклончиво ответил Хью.

— Тогда помалкивай. Даже в этом кабинете. И вообще, прежде, чем ехать к ней, надо убедиться, что за тобой нет хвоста.

Вечером того же дня Хью Барбер и Свен Свенсон прибыли в офис «Пивная Империя Майеров». Хью настаивал на скорой встрече, так как ему не терпелось выяснить ряд важных вопросов и приступить к поискам Юджины.

Лириан Майер была в трауре. Её чёрный брючный костюм и вуалетка в шляпке

выглядели невыразимо стильно. Оказывается, что дизайнеры не обходят своим вниманием и траурные наряды.

— Ужасно хоронить своего сына второй раз, — сказала она после краткого приветствия.

Хью вскинул брови, ведь насколько ему было известно, первые похороны были инсценировкой, которой руководила сама же Лилиан. Видя удивление молодого детектива, Лилиан добавила:

— Я всегда знала, что судьба отомстит мне за ложь, которая не давала мне покоя все эти годы. И эта месть оказалась очень жестокой.

— У вас есть догадки, где находится Юджина? — спросил Хью.

— Нет... Я знала только о том, где она живёт в Мюнхене. Полиция искала её там, но Юю скрылась вместе с Борисом Казариным. — Лилиан была расстроена, — а вы знаете, где она?

Поскольку вопрос был явно адресован Хью, то тот ответил отрицательно. Отрицал он и дружбу с беглянкой, и взаимную симпатию. Качая головой на вопросы клиентки, он стремился выглядеть максимально естественно. Лилиан решила поднажать, и было заметно, что Хью она не верит.

— Зельден Линденбрант сказала мне, а уж потом полиции, что в кафе «Зелёный рай» вы встречались с Юджиной. Потом вместе с нею уехали оттуда.

— А зачем Зельден вам это рассказала?

— Не знаю, Зельден такая милая... Он искренне сочувствует Юю, ведь это детская дружба, отголоски прошлого...

Барбер предпочёл не комментировать. Ему было также неприятно узнать, что Майерша сообщила полиции об альбоме Зельден.

— Зачем вам искать внучку самостоятельно? Это дело полиции, — с весомой интонацией сказал шеф Свенсон.

— Дело не в том, что полиция нерасторопна и медлительна. Я боюсь, что кто-то хочет расправиться с Юджиной. Мне не даёт покоя тот факт, что вам, господин Барбер, был передан детский дневник Юю Майер и буклет с выставки. Эти вещи хранились на вилле «Синий вереск», я не думала, что их можно так запросто украсть. Кто-то же хотел найти Юджину. А с какой целью? И мне не понятна роль Юргена Баха во всей этой истории, а тот как в воду канул. На эти вопросы мне найти ответа пока не удалось.

Барбер молчал, что было для него совсем не характерно. Мало того, что он не доверял Майерше, так ещё ему не давало покоя её дрянная актерская игра. Всего два дня назад старуха обвинила его в пособничестве убийце, натравила на него криминальный отдел полиции, а теперь наняла на работу. Если бы он принимал решения в детективном агентстве, то выпроводил эту миллионершу за дверь и не стал бы задумываться ни о деньгах, ни о потерянной репутации.

Сверкающие злостью и досадой глаза Барбера слишком выдавали его отношение к ситуации, и шеф Свенсон перехватил его взгляд. Надо было спасти ситуацию и брать инициативу в свои руки.

— Вы можете рассказать, что было на вилле «Синий вереск» перед недавним пожаром? — спросил Свен Свенсон.

— Да, я уже рассказывала полиции, расскажу и вам. Инициатором встречи на этой вилле была Миранда Майер. Я рассказала ей о том, что Юджина жива после того, как тайное

стало явным. По крайней мере, Миранда должна была узнать обо всём не от частных детективов, а от меня. Моя внучка была удивлена и потрясена. Но через несколько дней она предложила нам всем встретиться. Она сказала, что теперь, спустя столько лет нам нечего прятаться ни от кредиторов, ни от полиции. Что Якоб — ее отец, и она будет счастлива снова его обрести, несмотря на то, что она была возмущена жестокой инсценировкой его гибели, она настаивала на том, что всем в семье надо примириться, и сообща решать все вопросы компании. Миранда была согласна на то, чтобы Юджина также приехала. Учитывая планы на вступление старшей сестры в брак, желание простого общения и воссоединения семьи, я не стала отговаривать Миранду. Поскольку связь с Юю у меня была всегда, как вы понимаете, то и внучка, и сын приехали по первому зову. Конечно, они приехали тайно, не афишируя приезда. Константа мы отослали по делам в город, в доме осталась только Бо Олливен.

— Почему же Константин обгорел в пожаре? — перебил Свен Свенсон рассказ Лилиан.

— Я и сама удивлена. Возможно, он вернулся и пытался потушить пожар? Не знаю, — Лилиан пожалала плечами, словно это не было важным обстоятельством, — так вот, все мы встретились. Конечно, эмоций было много, слёз и взаимных обвинений. Мы проговорили весь вечер, но ни о каких конкретных имущественных вопросах не договаривались. Решено было оставить их наутро, так как было не совсем понятно, стоит ли объявлять обществу о том, что Якоб и Юджина живы, и как организовать их появление с точки зрения закона. Потом мы с Юджиной, Мирандой и её женихом уехали из Хобокена, а Якоб остался на вилле. Я пригласила Юджину к себе, но она сказала, что хочет встретиться с вами, Хью.

Лилиан сделала паузу. Хью молчал. Конечно, Юджина с ним не встретилась. И где она провела ночь, детектив не имел ни малейшего представления. Он пожал плечами и сказал хриплым голосом:

— В ту ночь я её не видел, а встретил только после пожара.

— Вот оно что... — медленно протянула Лилиан, — а я сказала полиции, что Юджина направилась к вам. Потому вы у них на подозрении.

— Спасибо, — саркастически ответил ей Барбер.

— Было большой ошибкой сообщать полиции о своих беспочвенных подозрениях, — упрекнул Свен Свенсон.

— Зато это пойдет на пользу дела, — просто, без стеснения сообщила старуха, — Барбер не будет вступать в сговор с Юджиной, если найдёт её вновь. И полиция будет держать его на крючке, он лучше работать будет.

— Это умный ход, но циничный, — заметил Свен Свенсон.

— Я заинтересована в установлении истины, — сообщила Лилиан, — Итак, я продолжу свой рассказ о событиях, и попрошу меня не перебивать. Ночью мне позвонила Бо Олливен. Из её спутанной речи я узнала, что вилла горит. Конечно, были вызваны пожарные, но и я поспешила в Хобокен. Там я узнала, что при тушении пожара сильно пострадали моя служанка и Константин. Также мне сказали, что погиб какой-то мужчина. Я почувствовала, что потеряла Якоба.

— Вам удалось поговорить с Бо Олливен? — спросил Свен

— Да, я видела ее в больнице. Она была без сознания. Но когда она очнулась, то прошептала: «Это всё дело малышки Майер». Эту фразу слышал врач и медсестра.

— И вы трактовали эту фразу как то, что Юджина подожгла дом?

— Это первое, что приходит в голову. — Лилиан помолчала, сжав подлокотники кресла, справляясь с волнением. — к сожалению, Бо скончалась, и допросить её не удалось... Потом из больницы пропал Константин...Юджина не выходила на связь. Борис Казарин тоже перестал отвечать на звонки. Что я могла подумать?

— А что вы можете сказать о своей второй внучке Миранде? — спросил Свен.

Глава 31. Визит к бегемоту

Миранда очень нравилась себе в белом халате, строгой шапочке и лаковых туфлях. А ещё ей нравилось доказывать всем окружающим, что она не только наследница пивной империи, но и самостоятельная, уверенная в себе женщина. Молодой специалист клиники «Дентика». Правда, на работу рядовым зубным врачом в Брюсселе её взяли по протекции бабушки... Но Миранда убеждала себя в том, что такой способ трудоустройства в современном мире вполне обычный, а работает она без всяких поблажек.

Юная Майер очень нравилась главному врачу — госпоже Депрез. Обаятельная Миранда легко прижилась в коллективе, находила общий язык с пациентами и не кичилась вольными деньгами, которые она тратила весьма широко. Миранда, если бы хотела, могла бы и вовсе не работать, но раз она выбрала профессию дантиста, то в этом была своя цель. Достойная уважения цель. Сколько таких селебрити проводили дни на курортах и светских мероприятиях? Миранда мечтала о карьере врача. Как-то она призналась госпоже Депрез, что как только она наберётся опыта и почувствует себя уверенной, то также откроет свою клинику, только в родном городе.

Конечно, госпожа Депрез, не стала возражать девушке, хотя прекрасно знала, что опыта врачебной деятельности для медицинского бизнеса совсем недостаточно. Госпожа Депрез не привыкла перечить богачкам, тем более что Лилианн Майер купила часть уставного капитала «Дентики».

Каково же было удивление главного врача, когда Миранда сообщила о том, что бросает работу и в срочном порядке возвращается в Антверпен. Губы девушки дрожали, а сама она нервно комкала белый носовой платок. Госпожа Депрез усадила Миранду в кресло и стала уговаривать всё рассказать.

— Что-то не так на любовном фронте? — ласковым голосом спрашивала главный врач,

— Нет... — шептала Миранда.

— Заболела бабушка?

— Я их всех, всех ненавижу! — разрыдалась девушка, закрыв лицо руками.

После долгих расспросов и утешений госпожа Депрез узнала, что Лилианн Майер всё решила за свою внучку: врачебное дело — это баловство, настоящие деньги надо зарабатывать, развивая семейный бизнес. «Пивная империя Майеров» требует внимания от молодого и перспективного руководителя, которым, без сомнения, обязана стать Миранда.

— Ты же хотела руководить клиникой, это примерно то же самое, — попробовала утешить девушку госпожа Депрез, но она и сама не верила в убедительность своих слов.

— Нет, нет! Это вообще не одно и то же! «Империя Майеров» — это огромный пылесос, который выкачивает из тебя всё: силы, душу, саму жизнь! — эмоционально размахивала руками девушка. Слезы так и брызгали из её огромных голубых глаз. — Она отца до могилы довела, она из бабушки сделала монстра, и я стану такой же: старой, злобной мегерой. Я помру там среди этих пивных бочек, счетов на зарплату и закупок суслу! Поймите, я хочу жить своей жизнью, а не под колпаком Совета директоров и моей милой бабули!

Не прошло и недели, как Миранда вернулась в Антверпен, а уже через год госпожа Депрез не узнала бы свою бывшую ученицу. Конечно, Миранда не состарилась, закупая солод и заказывая дизайн этикеток для новой марки пива, но глаза девушки уже не лучились

небесной голубизной, а приобрели холодный отблеск Шельды, протекавшей недалеко от «Синего вереска».

— Моя Миранда — очень добрая, милая девушка. Весьма далёкая от вопросов бизнеса. Она хотела быть врачом, успешно училась и даже год проработала в одной крупной клинике. Но дела империи Майеров требовали её присутствия. Как подназначенный наследник она должна была заниматься всеми вопросами компании. Знаю, что Миранда была этому не слишком рада. Но мы, Майеры, долг и честь семьи ставим превыше собственных желаний.

— А её жених? Что можете сказать о нем? — сказал Свен.

— Это амбициозный, но грамотный и способный юноша. Его зовут Уильям Линд, — сказала Лилиан Майер. — Он работает в нашей компании около шести лет. Сначала он был рядовым юристом, потом показал своё рвение и профессионализм, и около года работает начальником юридического отдела. Не знаю, так уж ли хорош он для моей внучки, я бы желала ей другой партии.

— Я так полагаю, он не из знатной семьи, — спросил Хью, который неожиданно нащупал новый путь в расследовании.

— Да, он сирота. Наш отдел безопасности проверяет каждого сотрудника. — Лилиан поморщилась. — Конечно, я бы хотела, чтобы Миранда остановила свой выбор на человеке из нашего круга. Но она сказала мне как-то, что я слишком долго решала всё за её отца, и потому она настаивает на своём выборе. Учитывая, что Уильям имеет прекрасный послужной список и предан компании, я смирилась.

— Вы всё время говорите о компании, о её благе и её целях. Но хорош ли выбор для самой Миранды? — спросил Хью.

— Это к делу не относится, я полагаю, — холодно ответила Лилиан. — однако, учитывая, что жених моей внучки посвящён в тонкости семейного бизнеса, и в семейные тайны, я лично проверяла этого молодого человека. Он блестяще учился, у него не было порочащих его связей. У него нет родственников, которые жаждут отхватить кусочек от сладкого пирога. С Мирандой он мил и предупредителен, хотя, конечно, он ей и не ровня.

Хью Барбер скривился и повернулся к окну, чтобы было не так заметно его выражение лица. Разумеется, сам он не мог похвастаться ни превосходным образованием, ни безупречным послужным списком. Хью прекрасно понимал, что не может претендовать на руку Юджины Майер, хотя бы и с учётом, что она не кровная внучка Лилиан. Для сердечных дел было не так важно, насколько он подходит как партия Юджине. Он влюблен, и точка!

— Вы не подозреваете жениха Миранды в причастности к поджогу виллы? — спросил Свен Свенсон.

— Разумеется, нет! — с раздражением сказала Лилиан. — Ни его, ни Миранду я не могу подозревать. Вилла стоит огромных денег. Чтобы убить Якоба, не нужно уничтожать ценное имущество.

Оба детектива невольно рассмеялись такому простому объяснению, и этот смех возмутил практичную Лилиан. Она нахмурилась и продолжила:

— К тому же их алиби проверено полицией, и оно не вызвало сомнений.

— Миранда подтвердила, что Уилли провёл ночь с ней, а Уилли сказал то же самое о Миранде, — ответил Хью.

— Молодой человек, — выходя из себя, обратилась к нему Лилиан. — Я прошу ваши комментарии оставлять при себе. Я наняла детектива с определённой целью — найти мою

младшую внучку. Либо вы выполняете контракт, либо платите неустойку и мы расторгаем соглашение.

У Майерши хватка была что надо, отметил про себя Хью. Но Свен Свенсон его опередил с извинениями и уточнениями.

— Уважаемая госпожа Майер, прошу извинить детектива Барбера. У него сегодня утром был весьма неприятный разговор в полиции. Учитывая ваше заявление о пособничестве в убийстве, вполне понятна его реакция.

— Извинения приняты, достаточно, — отрезала Лилиан, — подумайте вот ещё о чём.... Юджина с Константом были друзьями, и моя внучка никогда бы так не поступила с ним. Не могла же она подвергнуть опасности друга детства. Отца она при желании могла убить где угодно и как угодно, ведь все эти годы они общались в Мюнхене. Для чего было поджигать «Синий вереск»?

— Если только она не узнала что-то совсем недавно. Что-то такое, что могло толкнуть ее на убийство, — сказал Свен Свенсон.

— Это тоже догадки, — коротко сказала Лилиан.

— Вы уверены, что именно Якоб погиб в пожаре, — осторожно уточнил шеф Свен.

Лилиан вздохнула и кивнула. Немного помолчав, она сказала:

— Я его опознала, хотя тело сильно обгорело. Экспертиза ДНК всё поставит на свои места. Мне бы очень хотелось, чтоб

Лилиан рассказала, что Якоб, покинувший Антверпен много лет назад, практически прервал все связи с ней. Он был единственным сыном, но не желал общаться с матерью и обвинял её в том, что она разрушила его жизнь, его брак с матерью Юджины, намечавшийся брак с Кристин Белли. Миранда росла без отца, таила на него обиду. Общий бизнес не сплачивал семью, а отторгал членов семьи друг от друга.

— Какая информация для поисков Юджины могла бы помочь в расследовании? — спросил Хью Барбер.

— Адрес Юджины в Мюнхене и круг её общения вам известен и без меня.... — Лилиан помолчала и добавила, — у меня есть адрес Якоба Майера в Берне. Возможно, там уже побывала полиция, но я не говорила им об этом адресе. У моего сына наверняка была женщина, но я ничего об этом не знаю.

— В общем, никаких зацепок? — спросил Свен Свенсон.

Лилиан покачала головой.

— На чём Якоб и Юджина приехали в Антверпен? — спросил шеф детективного агентства.

— На машине Якоба. Они приехали вместе. Но потом машина исчезла.

— Но когда вы покидали виллу вчетвером, где была машина? — спросил Хью.

— Оставалась у виллы на парковке... — Лилиан потёрла переносицу. — Но теперь там машины нет.

— На чём же Юджина уехала из Хобокена?

— Она села в мой автомобиль, и шофер её высадил на площади где-то в центре. Она сказала, что дальше она доберётся сама. С её слов я поняла, что она поедет к вам, Хью....

Свен Свенсон выразительно посмотрел на Барбера, но его лицо было непроницаемо. Затем детективы выяснили ряд незначительных моментов, например, в чём была одета Юджина и как выглядела в ночь перед убийством. Она была в серо-голубом костюме, белокурые волосы завиты в локоны. Больше Лилиан ничего сообщить не могла.

Когда детективы распрощались с госпожой Майер, осталось много неразрешенных вопросов. Хью всё ещё чувствовал аромат духов Лилиан, оставшийся после прощального делового рукопожатия. Юноша подумал, что он в сущности ничего не знает об этой женщине. Почему она стала жёсткой, бескомпромиссной, почему утратила способность к сочувствию. Неужели и Юджина станет такой когда-нибудь? Она столько лет провела с бабушкой, перед глазами девушки не было нормального примера семьи. Уютных вечеров за чашкой чая, пирогов и вязания. Вся жизнь Юджины до побега была как глянцевая картинка, выставленная напоказ публике, витрина жизни внучки миллионерши. После переезда в Мюнхен, Юджина только и делала, что старалась забыть прошлое и не привлекать к себе внимания людей. Никакой золотой середины.

Свен Свенсон не стал давать Хью отдыха, а устроил настоящий мозговой штурм. Как только они уселись в машину и двинулись прочь, им пришлось разложить по полочкам всю известную из разных источников информацию.

— Кому мы можем безоговорочно доверять? — спросил Свен Свенсон, лихо управляя автомобилем, поглядывая в заднее стекло.

— Друг другу и Ханне с Арни. — усмехнулся Хью Барбер.

— Я веду подсчёт людей. Мне нужно будет знать, сколько человек можно задействовать в операции. Четверо — это мало, — детектив Свен оглянулся. — О, смотри, за нами хвостик.

Хью тоже посмотрел через плечо в заднее стекло и увидел, что за ними движется на такой же скорости тёмно-зелёный БМВ — Е21. Свен уверенно вёл машину, но БМВ не отставал. Лица водителя рассмотреть не удавалось из-за козырька кепки, надвинутой на лоб. Однако было можно утверждать, что это мужчина средних лет плотного телосложения, и это точно был не Юрген Бах.

— Этот типус меня нервирует, — сказал шеф и неожиданно заехал на парковку у музыкального магазина. БМВ проехал вперёд, явно ища место для остановки. Свен и Хью бодро зашли в магазин, и направились к запасному выходу через торговый зал. Путь им преградила толстая уборщица. Свен ткнул ей в лицо удостоверение, и она отпрянула, даже не успев его прочесть.

— Эта дама меня нервирует, — добавил со смешком Хью Барбер. Свен сухо кивнул.

Мужчины спустились вниз по лестнице в подсобку и вышли через чёрный ход. Двор магазина был со всех сторон огорожен хлипкой сеткой и завален пустой картонной тарой от фруктов. Свен и Хью, демонстрируя слаженность и прыть, перескочили ограду и припустили по улице. Прохожие улыбались, глядя на странную парочку, которая совершает пробежку в деловых костюмах и с очень сосредоточенным видом.

Пробегая мимо трамвайной остановки, детективы догнали отъезжавший вагончик и протиснулись внутрь. Преследователь выскочил за ними, но завис на ограде, зацепившись курткой за проволоку. Он беспомощно смотрел вслед уезжающему трамваю. Жаль, что не удавалось рассмотреть его лица и насладиться его бессильным бешенством.

— Как в детстве, — сказал Свен, смеясь. Свен и Хью проехали пару остановок и вышли у зоопарка. Бродя между вольерами по дорожкам сквера, Свен поучал Хью, как справиться с подступившими проблемами. Всю инициативу расследования Свенсон решил взять на себя.

— Ты стараешься, спору нет, но одному тебе не справиться. Ты выведешь убийц на Юджину. Почему сбежал Смолланд из больницы? Человек при смерти, лежит весь в проводах и в безопасном месте, а нет — сбежал.

— Ему могла угрожать опасность, — предположил Хью.

— Возможно, но от кого?

Хью пришлось сказать правду о Гуерте Зильберштейне. Врач произвёл на него самое приятное впечатление, но Свену следовало знать всё, в том числе и о месте нахождения свидетеля. Зачем путать шефа недостоверными сведениями, ведь Смолланд не убежал «в никуда»?

— А что, если Константин не сбежал, а ушёл? Если он виноват в поджоге и потому ушел к своим хозяевам, в безопасное место?

Хью удивился и покрутил кистью руки в воздухе, показывая, как эфемерны предположения шефа.

— Почему бы и нет? Ни одна версия на этом этапе неплоха. Предположим, что поджог устроил Константин Смолланд. По неосторожности он и пострадал сам в огне. Зачем ему сбегать из ожогового центра? Его жизни ничто не угрожало. Он вне подозрений, полиции.

— А вдруг он встречался с Юю, вычислял её помощников, её планы? Хотел выдать убийце? — печально сказал Хью.

— Если моя версия точна, то твоё дополнение тоже. Всё очень уж похоже на правду. Играя на чувствах девушки, он мог многое узнать ценного о ее планах. Вы говорили о том, куда она собирается направиться?

— Да, — Барбер поморщился. — Мы говорили. Это было в той же комнате, где лежал Константин. Но мы говорили шёпотом, он мог и не услышать.

— А мог и услышать. — Свен укоризненно покачал головой.

— Мне нужно срочно ехать туда, к ней! — Барбера затрясло от возбуждения и страха.

— Согласен, но нужно для начала принять меры безопасности. Скорее всего, я и Ханна поедem с тобой. Для отвода глаз и для алиби. Говори, куда мы направляемcя.

— Она сказала что-то про местечко Рамзау. Там у друга Бориса Казарина имеется домик в горах. Друга звали Соколовский. Он уже умер, а домик так и остался в пользовании Юджины и Казарина. Скорее всего, Юджина там. И об этом знает Смолланд. Об этом может знать и убийца.

Идея о поездке в Рамзау прозвучала как гром среди ясного неба. Её надо было обдумать. Она требовала значительной подготовки и средств. Свен почесал затылок. Конечно, Лилиан не ограничивала их в средствах, но и сообщать о том, куда и зачем они едут не стоило. В нём боролся сыщик и бухгалтер. Хью с мольбой смотрел на шефа, потому что в юноше боролся сыщик и влюблённый балбес.

За оградой возле искусственного прудика лежал бегемот и поблёскивал глянцевым боком. Он и представления не имел о том, какие страсти кипят в человеческом обществе. Его мир был прост и уютен. Не имелось никаких причин для беспокойства. И с тех пор как бегемотика привезли из Алжира, его жизни и благополучию ничего не угрожало. Свен посмотрел на животное и вздохнул: «Пенсия не так чудесна, как кажется на первый взгляд». Хью перехватил взгляд шефа и добавил: «Не представляю вас, лежащего в шезлонге со стаканом пива».

Бегемот махнул хвостиком, словно прогонял назойливых зевак.

Глава 32. Без Шилова не обойтись

Через три часа в аэропорту Антверпена пассажиры могли заметить ярко покрашенную блондинку в спортивном костюме и лыжной шапочке. Она капризно морщила губки и поминутно рассматривала себя в зеркальце. Её сопровождал грузный немолодой мужчина, явно любовник и спонсор, который иногда поглаживал блондинку по плечу, а иногда опускал руку на её талию и пониже. Свен Свенсон любил маскарады. Ханна тоже не впервые участвовала в затеях «Барбер, Свенсон и сыновья» и чувствовала себя уверенно. Парочка купила авиабилеты до аэропорта Франца Джозефа Страусса и прошла на посадку. Явного хвоста за ними не было.

Хью Барбер на пассажирском сиденье в машине Арни Свенсона двигался прямо в Мюнхен, откуда должен был вылететь добраться до Рамзау. Свенсон рассуждал, что если слежка будет вестись только за Барбером, то ему удастся улизнуть. Если же следят и за Свенсоном, то он также заметит хвост еще в аэропорту. Но медлить не следовало и в Рамзау нужно было попасть наикратчайшим путем на случай, если убийце известно о домике в горах.

Хью был не согласен с планами шефа. Он считал, что именно ему следует двигаться к Юджине, потому что Свен раньше не встречал её, и девушка не была с ним знакома. Юджина могла просто не поверить Свену. И вообще, этот план был слишком запутанный.

Расторопная Ханна выяснила адрес домика, оформленного на имя Соколовского, поэтому путь «влюблённой парочки» лежал напрямик в деревеньку у подножья Альп. Хью решил посетить также Виктора Шилова, которому он мог доверять. Детектив помнил, как тот рьяно защищал своих подопечных в Мюнхене. Также он хотел заехать по старому адресу Юю.

Для плана, разработанного Свенсом Свенсоном, требовалось как можно больше действующих лиц, которые могли подстраховать детективов. Но никаких помощников у них не было.

Хью не давала покоя мысль о том, что они действуют вслепую, полагаясь только на свою интуицию. Барбер и его шеф были уверены в невинности Юджины Майер и, соответственно, в заинтересованности Лилиан Майер в смерти мнимой внучки. А что, если они ошибались и на этот раз? Вдруг преступнику или преступникам удалось обойти их хотя бы на шаг? Вдруг не Лилиан Майер, а кто-то другой хотел убить Юджину? Вдруг Юджина сама ждала их, вооружённая до зубов?

Детективам было также неизвестно, как действовала полиция Антверпена, успели ли они подключить немецких коллег к поимке Юджины Майер. По городскому телевидению пару раз прокрутили ролик с обращением шефа полиции Базиля Дюпона о необходимости поимки Юджины Майер, которая может скрываться под именем Лауры Брегер. Был представлен зрителям довольно похожий фоторобот Юджины и репродукция с картины Бориса Казарина. Потом Хью уже не отслеживал новости о том, как продвигаются поиски Юджины Майер. Однако, расторопная Ханна уже позвонила в полицию, назвавшись именем Зельден Линденбрант, и сообщила, что видела Константа Смолланда в аптеке на пересечении улицы Мэйр и переулка Ваппера. Разумеется, звонок был ложный, но и по такому звонку полиция будет вынуждена провести проверку. Та же Ханна из автомата аэропорта сообщила, что видела девушку, похожую на Юджину Майер, в отеле «Золотой

Лев» в районе аэропорта, якобы девушка была в сопровождении молодого высокого афроамериканца, внешность которого Ханна подробно описала полиции. Хью понимал, что если эти белыми нитками сшитые истории не станут приманкой для полиции, то им не поздоровится. Надежда была на то, что правда о Ханне не вылезет. К слову сказать, какие—то блондинки в отеле «Золой Лев» наверняка останавливались, и отвлекут силы полиции на себя.

Арни вёл автомобиль уверенно, и километры мелькали за спиной детективов. Примерно через пятнадцать минут после выезда из Антверпена Хью заметил слежку. За ним ехал белый «Шевроле». О том, что это слежка Барбер мог только догадываться. Он использовал классический приём — обогнал все попутные машины, превысив скорость, также поступил и водитель «Шевроле». Находясь сзади от Хью на расстоянии одна— две машины «Шевроле» явно ехал за Хью в Мюнхен. Через шесть часов Арни, который молчал всю дорогу, размышляя о чем-то своём, припарковался возле придорожного кафе. Парни выпили кофе с булочками, наблюдая за дорогой. «Шевроле» поблизости не было, до Мюнхена оставалось не более 200 км. Когда Арни снова вышел на прямую трассу, то Хью заметил сзади старого знакомого. «Шевроле», выехав с парковки у бензиновой заправки рядом с кафе. Последние сомнения относительно развеялись и у Арни.

— Даже не скрываются, стервецы, — сказал водитель, усмехнувшись.

— Мы ведём их по ложному следу, но они скоро об этом догадаются, — ответил Хью, задумчиво глядя на то, как машина въезжает в Мюнхен.

Петляя по дорогам Мюнхена, Арни встал в пробке. Впереди явно велись дорожные работы, так как маячили рабочие в ярких комбинезонах. Хью заметил, что «Шевроле» уже не виден в зеркале заднего обзора, вместо него за машиной Свенсона пристроился старый «Фордик». Несмотря на то что пробку можно было объехать, Арни сделал вид, что не понял дорожной развязки. Сигналившие ему недовольные автомобилисты, свернули на боковую улицу, объехав машину Арни, цепляя тротуар. «Фордик» не двинулся с места.

— Не исключено, что у Майеров не одна машина для слежки за нами, — сообщил Арни о своих наблюдениях.

К вечеру, прилично поколесив по Мюнхену в сопровождении неутомимого хвоста, Арни подъехал к дому Виктора Шилова в Нойперлах. Хью вышел из автомобиля и решительно зашёл в подъезд. Консьержка сообщила, что мистер Шилов дома и ожидает гостя. Хью понял, что Ханне удалось дозвониться и до Шилова.

Неприятный знакомый детектива Барбера встретил его без улыбки и быстрым жестом пригласил внутрь квартиры. Там было чисто и уютно, чувствовалась рука хозяйки, как отметил про себя Хью. После краткого приветствия Барбер рассказал о событиях, которые произошли после пожара. В течение беседы Шилов молчал и сосредоточенно смотрел на Барбера. Барбер не стал утаивать никаких своих соображений на счёт преступления на вилле «Синий вереск», и насчёт угроз жизни Юджины.

— За вами следили? — спросил русский.

— Да, две машины поочередно по дороге из Антверпена, и одна — ещё и в Антверпене.

— Значит, Майеры в курсе, что вы встречаетесь со мной, — утвердительно кивнул сам себе Шилов. — знает ли полиция о том, где вы и с кем встречаетесь?

— Не уверен, — ответил Хью. — скорее нет, чем да. У полиции, как известно, нет свободных людей, чтобы следить за свидетелем. Я же прохожу по делу в ранге свидетеля.

— Что требуется от меня? — спокойно и по-деловому осведомился Виктор Шилов.

— Нужна ваша помощь. У нас есть опасный план, но выполнимый, — сообщил Барбер.

— Вы намерены сдать Лауру полиции? — спросил Шилов.

— Нет, хотя общение с полицией входит в наши планы.

— Вы намерены встречаться с Лаурой? — снова спросил Шилов.

— Нет, это опасно для неё. С Лаурой ни вы, ни я встретиться не можем. За нами будет слежка, если мы покинем пределы Мюнхена и направимся в Рамзау, то неизбежно приведём Майеров к Лауре.

При слове «Рамзау» Виктор Шилов вздрогнул.

— Кто вам сказал о Рамзау? — спросил он, недоверчиво сверля Хью глазами.

— Юджина. Беда в том, что о Рамзау мог слышать Констант Смолланд. А он у нас под подозрением, как вы поняли.

— Кто ещё? Кто ещё мог слышать о Рамзау? — волнуясь, спросил Шилов.

— Надеюсь, что Симмонсоны о Рамзау не слышали, если Лаура сама им не сказала в другой какой-то раз. Надеюсь, что и Зельден о Рамзау не знает.

— Ваши сотрудники агентства знают о Рамзау? — снова спросил Шилов.

— Да. Мой шеф и один из сотрудников под видом туристов выехали в Рамзау. Они хотят вывезти Лауру в безопасное место, о котором будет известно только нам, участникам операции.

— Я согласен помочь, — сказал Виктор Шилов. — что нужно делать?

— Прежде всего вы должны рассказать, встречались ли вы с Юджиной после её возвращения из Антверпена и что вам она рассказала о пожаре на вилле. Без взаимного доверия работа невозможна.

— Лауры нет в Рамзау, там только Борис Казарин и моя жена.

Шилов не собирался ничего обсуждать с Барбером. На его лице отражалась смесь насмешки и презрения. Барбер еле сдержался, чтобы не съездить по небритой физиономии Шилова.

Вместо подробного рассказа Шилов передал Хью письмо со словами:

— Лаура знала, что ты придёшь сюда, поэтому оставила тебе письмо.

— Значит, она догадывалась, что я буду её искать?

— Она не знала, что Майеры наймут тебя. — Виктор Шилов почесал нос в раздумье, — но она была уверена, что ты захочешь её найти, причём в самое ближайшее время.

После этих слов Шилов отправился на кухню и стал там греметь посудой, всем видом показывая, что Хью может прочесть письмо наедине.

«Здравствуй, Хью. К сожалению, я была вынуждена уехать из Антверпена быстрее, чем мы объяснились. Хотя я и была в компании старых приятелей, но я уже не могла никому всецело доверять. Особенно после того, как я осмотрела Константа. Его ожоги совсем не опасны. Перевязывая его раны, я заметила, что огонь глубоко не поразил его. Жизни Константа ничего не угрожало, а он продолжал симулировать обморок и стонать. Да еще и настаивал не помещать его в больницу! Понимал же, что обман откроется. Я испытала к нему не сочувствие, а отвращение. Я уверена, что поджог — его рук дело. И он определённо связан с Майерами. Только я не уверена, кто более заинтересован в моей гибели и гибели Якоба — Лилиан или Миранда. Не знаю, что Константа заставило поступить так со мной и с моим отцом... Почему он согласился совершить преступление? Это я могу узнать только от него самого. Если он доживёт до нашей с ним встречи, учитывая, что от него могут избавиться как от лишнего участника заговора. Но свой план я хотела довести до конца. И

потому обратилась к Губерту, пусть полечит мнимого больного! Да и Константин не раскусил бы моей хитрости. Надеюсь, что Губерту ничто не угрожает, он ведь не в курсе дела, да и Константин в его клинике вряд ли задержится. Я не случайно сказала в присутствии Константа о местечке Рамзау. Полагаю, он расслышал, где я намерена спрятаться от убийц. На самом деле, в Рамзау я не поеду, но мне не удалось отговорить Бориса от поездки туда. Казарин с Еленой уехали в домик Соколовского. Возможно, там меня уже ищет полиция, а не только убийца. Напоследок, чтобы у тебя развеялись окончательные сомнения относительно моей невиновности, я хочу рассказать тебе о встрече в «Синем вереске».

Я чувствовала, что нас с Якобом там ждёт подвох, но отец убедил меня поехать в Антверпен. Он беспрестанно повторял, что невозможно прятаться всю жизнь. Миранда собралась замуж, и её волновала определённость в бизнесе. Появление другой наследницы в её планы не входила. Да и бабушка вряд ли хотела, чтобы я отодвинула Миранду от управления компанией. Якоб сказал мне, что он не желает «воскресать», но раз уж прошлое стучит в его двери (так он поэтично выразился), то следует всем договориться, как мы будем жить. Майеры нас встретили дружелюбно, но без теплоты. Мы с сестрой не испытывали друг к другу родственных чувств. Мы с Якобом были на одной стороне. Нас устраивало, что мы живем под чужими именами. А доходов от «Золотой бочки Вероны» — дочерней компании «Пивной Империи Майеров» вполне хватало нам обоим. «Золотая бочка Вероны» была подарена моей матери в качестве свадебного дара, и после её смерти перешла по наследству Якобу и мне в равных долях. По соглашению с Лилиан Майер все доходы от этого предприятия уходили к нам, в Германию. Видимо, это и «раскопал» расторопный жених Миранды, который работал начальником юридического отдела у Лилиан. Именно эта ниточка привела к нам, в Мюнхен, в совокупности со злосчастным буклетом «Лица и лики», который бабушка не предусмотрительно оставила в своём кабинете. Раузмеетса, жених Миранды отрицал тот факт, что он обнаружил к нам ниточку и что меня разыскивал именно он. Но я подозреваю именно его, он мне показался алчным и хитрым человеком, который манипулирует и Мирандой, и Лилиан. Но, именно Уилли предложил сохранить ситуацию, как она есть, так как, по его мнению, доходы от «Золотой бочки» были невелики, на общую картину ведения бизнеса они не влияли, и раз мы с Якобом не имели претензий к семье Майеров, то зачем было ворошить прошлое.

С сохранением статуса-кво была не согласна Миранда, которая говорила, что спокойствия у неё нет, пока бизнес построен на лжи. Якоб тоже заметно нервничал. Он сказал, что поскольку Лилиан уже юридически устранена от управления компанией, то Миранда могла расторгнуть странное соглашение относительно судьбы «Золотой бочки Вероны» и даже потребовать слияния компаний в целях недопущения дробления капитала. В общем, он не доверял ни матери, ни дочери. Всё это было гадко.

К слову сказать, я была тоже не готова к потере единственного источника дохода, но и менять расположение сил на игровом поле я не хотела. Ситуация сложилась патовая. Посреди ночи мы уже были неспособны что-либо решить кардинальным образом. Тем более что Якоб стал срывать на крик и обвинять Лилиан в предательстве его интересов. В общем, решено было взять тайм-аут до утра, а затем продолжить переговоры в «Синем вереске».

Я не хотела ночевать на злосчастной вилле, слишком много плохих воспоминаний там кружило. Миранда с Уилли подбросили меня до площади в центре, я намеревалась встретиться с Трулте и Федериком. Когда я ждала их в кафе «Зеленый рай», то телевизору

передавали новости, и я узнала о пожаре на вилле «Синий вереск». Трулте и Федерик даже подшутили надо мной, назвав "поджигательницей".

Я поняла, что мне не разобраться в этой мешанине. Знаю только одно: я никогда никого не убивала и не поджигала ничьих домов. Также я знаю, что как и Якоба, меня захотят убрать с дороги мои милые родственники. Поэтому я вынуждена прятаться. Только теперь у меня не будет доходов «Золотой бочки Вероны», и мне нелегко. Надо ли говорить о том, что я не доверяю полиции? Полиция столько лет ела с руки своей хозяйки....

Дорогой Хью! Я прошу тебя только об одном! Если я погибну, я прошу отстоять мою честь в суде, потому что я не убийца. Сделай всё возможное для этого. И береги себя».

Хью Барбер прочел письмо и некоторое время не мог перевести дух, от последних строк письма подступил комок к горлу.

План по спасению Лауры- Юю, который виртуозно разработал Свен Свенсон, рухнул. А ведь этот план был блестящим: шеф Свен с красавицей Ханной прибывает в Рамзау, там две блондинки меняются местами. Ханна выдаёт себя за Лауру, Лауру перевозят в укромное место. Ханна в бронезилете как приманка для наёмных убийц фланирует по Рамзау, привлекая внимание к себе. Свен следит за Ханной и параллельно вычисляет убийцу. Убийцу ловят на живца на стадии приготовления к преступлению, и он попадает в руки немецкой полиции. Хью тем временем отвлекает внимание на себя, направляясь в Мюнхен, разъединяя силы Майеров.

Какой прекрасный план! Какой чёткий и быстро разработанный! И Ханна согласна, и Лилиан ни о чём не догадается, так как Рамзау — это место, куда Лаура действительно намеревалась приехать, сообщив о нём в присутствии Константа.

И теперь всё пошло прахом, все усилия и планы. А сам Хью был не способен вернуться к конструктивным действиям, так как в такую ситуацию он попал впервые, а связи с шефом у него не было...

Виктор Шилов вернулся из кухни и позвал Хью поужинать.

— А как же Арни? — невесело улыбнулся Хью.

— Меньше ушей — меньше проблем, — лаконично ответил русский.

Это означало, что за ужином будет обсуждаться план спасения Лауры. Или, по крайней мере, будут решать, как спасти проваленную операцию.

Маленькая кухонька была опрятная и чистая. В нише окна стояли легкомысленная герань, с десятков мелких плошек с кактусами разной формы и даже отцветшая эустома. С холодильника вальяжно свисала традесканция. В углу скучал крупный фикус. На кухонном шкафчике расположились парочка ростков домашней пальмы. Неужели, у Виктора была страсть к цветоводству? На столе стояли приборы для двоих. Яичница с беконом и бутерброды горкой удовлетворили невзыскательный вкус Хью. Управляясь с вилкой и ножом, Барбер рассказал подробности плана Свенсона относительно спасения Лауры. Виктор слушал его молча и внимательно, орудуя челюстями. Покончив с яичницей, он разлил растворимый кофе по двум гигантским кружкам.

— План неплохой, но сырой, — неожиданно заключил Виктор. — Вы, конечно, исходили из того, что Лаура в Рамзау. Но это не значит, что она там не появится. Если план доработать, то им вполне можно пользоваться.

— Я бы рад выслушать предложения, — сказал Хью, обрадованный реакцией Виктора.

— С Рамзау у нас связь есть. С Лаурой тоже. Мы можем скоординировать линию поведения по телефону. Навряд ли Майеры успели поставить «жучки» на телефонные линии.

Но без полиции нам не обойтись.

— Лаура против полиции, — возразил Хью.

— Я тоже против бельгийской полиции, в особенности против антверпенского отдела, — уточнил Виктор, — но мы не в Бельгии.

— У вас есть связи в Мюнхене? — спросил Хью.

— У меня есть связи в Германии, — просто сказал Виктор. — Как вы думаете, можно ли русскому выжить в чужой стране и не обзавестись своими людьми повсюду?

Хью усмехнулся и покачал головой.

— Через этот домик Соколовского в Рамзау прошёл не один десяток эмигрантов — продолжил Виктор. — В полиции я там знаю всех.

Хью и Виктор, допив кофе, приступили к планированию операции. Уже глубоко за полночь Хью спустился к машине. На улице было тихо, ни прохожих, ни случайных машин. Только машина Арни Свенсона и белый «Шевроле». Хью разрешил Арни поехать в гостиницу переночевать, а сам вернулся в квартиру к Виктору, озадачив водителя «Шевроле», который не без колебаний остался у дома Шилова.

Глава 33. Бесхозный труп гражданина Бельгии

Стены палаты окрашены в цвет свежего салата, лампы дневного света включены, а окна затенены плотными шторами. Возле больничной койки мелкими цветными лампочками мигает медицинское оборудование непонятного назначения. К безжизненно вытянутому телу девушки в белых бинтах тянутся десятки проводков и трубок. Так себе герр Линдт представлял последнюю иллюстрацию к странной истории жизни Юю Майер. Зачем сохранять жизнь тому, кто проведёт её жалкий остаток в больничных стенах?

Уилли Линдт знал это не понаслышке. Его бабка много лет была прикована к постели и только портила воздух. Вначале ему казалось, что она симулирует болезнь, притворяясь в своей немощи, притягивая к себе лишнее драгоценное внимание матери. Из-за постоянно болевшей бабки внимания фрау Линденбрант едва хватало на старшего сына и дочь. В итоге муж ушёл из семьи, найдя себе молодую официантку, и укатил в неизвестном направлении. Зельден, постепенно превращающаяся в серую мышку, зубрила катехизис и правила правописания. Уилли возненавидел душные стены своей квартиры, где всё пропахло старческой мочой и таблетками. Где не было ни одного уголка, где он мог бы побыть наедине с собой и со своими честолюбивыми мыслями.

Надо ли удивляться, что после окончания школы парень навсегда ушёл из семьи, и даже в анкетах и резюме указывал на то, что он сирота. И даже фамилию сократил до «Линдт». Сироте гораздо легче снискать расположение общества, чем парню из рабочего квартала. Неплохо закончив школу, он поступил в университет, где сразу примкнул к спортивной секции. Посещение спортивного клуба лыжников, баскетболистов и теннисистов не дало развиваться его спортивным способностям, так как он рассеивал своё внимание и силы. Но компания молодых спортсменов более демократична, среди них попадаются не только сироты, но и сынки и дочери богатей. Уилли скоро завёл себе нужные связи. Ещё в университете он познакомился на одной из вечеринок с Мирандой Майер. Скромное обаяние отпрыска известнейшей семьи Антверпена покорило Уилли, и он сделал всё возможное, чтобы покорить Миранду. Оказалось, что ей нужно не восхищение и поклонение, а простое человеческое участие. Окруженная денежными мешками, она забыла, что значит иметь истинных друзей, поддержку и понимание.

А когда недоступная девушка стала его, пропуск на первое рабочее место — простым клерком в «Пивной Империи Майеров» появился сам собой. За десять лет Уилли вырос до начальника юридического отдела. Любил ли он Миранду? Уилли никогда об этом не думал. Он знал только одно: Миранда — это единственный смысл его жизни. Альтернатива ему была хорошо известна: санитарка в приюте, официантка в баре, продавец супермаркета. С каждой из таких женщин он жил бы в муниципальной крохотной квартире с кучей орущих детей.

Но Уилли планировал свою жизнь начиная с шестнадцати лет и вмешаться в неё слепому случаю он позволить не мог. Планомерно идя к своей цели — браку с Мирандой, он освоил прихоти богатых: игру в гольф и горные лыжи, два иностранных языка, танцы. Завёл себе модный гардероб и большую библиотеку, обставил небольшую, но уютную квартиру холостяка и избавился от привычки пересчитывать сдачу в магазинах и кафе.

Уилли не принимал на веру ничего, и когда он стал начальником юридического отдела «Пивной Империи Майер», то стал проверять финансовое положение компании и всех её

дочерних предприятий. Уилли было нужно убедиться, что фундамент, на котором он построит свою империю, заложен прочный. Помня о жёсткости Лилиан Майер по отношению к младшей внучке, Уилли нисколько не сомневался, что от мелкой сошки в виде жениха старшей внучки старуха избавится без особых колебаний. И потому проверки деятельности компаний велись скрытно. О них знал лишь он сам и Юрген Бах, к тому времени уже достаточно потрепанный жизнью, но горящий желанием досадить старухе Лилиан, лишившей его куска хлеба в редакции газеты. К чести Уилли, он довольно быстро нашёл странное обстоятельство с «Золотой бочкой Вероны» в виде соглашения Лилиан Майер и уже покойного Якоба Майера о передачи прибыли не на нужды «Пивной Империи Майеров», а на счета сторонних лиц — Бориса Казарина и Жана Дантена. Лилиан Майер даже не прятала сведения о получателях прибыли от деятельности «Золотая бочка Вероны», видимо, не рассчитывая на то, что кто-то заинтересуется выгодоприобретателями. Однако, Уилли не устраивало, что в семье Майер есть какие-то секреты от него. И он стал искать Жана Дантена и Бориса Казарина. Жан Дантен был странной личностью, на имя которой не была приобретена какая-либо недвижимость, он декларировал доходы от «Золотой бочки Вероны», но личные сведения налогоплательщика Дантена добыть не удалось. В аренду имущества Жан Дантен также не брал, человек с таким именем не был зарегистрирован по постоянному месту жительства в Бельгии. А средства с его бельгийских счетов направлялись (что узнал по секрету Уилли от своего сокурсника, работавшего в одном из крупных банков) в Берлинские банки.

Бориса Казарина найти было проще. Ниточка от русского художника странным образом потянулась к прекрасной блондинке Лауре Брегер. Уилли был умён, и ему не стоило труда узнать, что под именем Лауры скрывается Юю Майер. Линдт перепроверил свои догадки, наняв детектива «Барбер, Свенсон и сыновья» для поиска Юджины Майер. Тысяча бельгийских франков, предложенная малоизвестной провинциальной актрисе за небольшую роль Лилианы Майер сделала своё дело. Юрген Бах довершил остальное.

Слежку за наивным Барбером установить было нетрудно. Сам же Уилли во все глаза смотрел за счетами, как только Барбер нашёл малышку Юю, поведение Лилиан заметно изменилось, она почувствовала угрозу. Денежные средства на счета Дантена и Казарина поступать перестали. Наступило затишье, которое должно было разразиться бурей. И буря последовала. Якоб Майер не мог терпеть того, чтобы его отлучали от кормушки. Скрываясь под именем Жана Дантена, он безбедно существовал, пока Лилиан, а затем и Миранда не спали ночей, пытаясь управлять разваливающейся пивной империей.

Уилли действовал хладнокровно. Поняв, что к чему, Уилли сделал важный шаг. Он выкрал семейный альбом из квартиры матери, за кругленькую сумму исправил актовую запись о рождении, записав вместо матери вымышленное имя Марии Линдт, тем самым очистив предыдущую историю жизни. Для бизнеса должна быть ясная голова и длинные руки, а об их чистоте заботиться не обязательно, рассуждал он. Конечно, цепочка смертей, которая потянулась от «Золотой бочки Вероны» до «Пивной Империи Майеров» удлинялась с каждым днём. Жаннетт Дюваль, провинциальная стареющая актриса покончила с собой на фоне длительного алкогольного делирия, Якоб Майер сторел в постели собственной виллы. Уилли очень был рад этому обстоятельству, особенно его радовал способ преступления, который вёл к Юджине Майер. Теперь на его пути к золотому запасу империи стояла сама Юджина и неугомонный Юрген Бах, который должен был, как лишний свидетель, сгинуть с

глаз долой.

Лилиан Майер удивляла Уилли неожиданно нахлынувшей на неё сентиментальностью. Новое задание для детектива Барбера стало известно Уилли практически сразу после того, как был подписан контракт Лилиан и «Барбер, Свенсон и сыновья», так как в порыве родственных чувств Лилиана забыла об осторожности и дала распоряжение оплатить работу по контракту безналичным способом. Уилли в душе смеялся и потирал руки. Пожалуй, управлять данной семейкой не будет составлять особого труда. Но после скандала по телефону с шефом Свенсоном, Лилиан сама прибегла к помощи будущего зятя.

Теперь он сопровождал озлобленную Лилиан и её старшую любимую внучку Миранду в городок Рамзау. Накануне Лилиан получила телеграмму от Свена Свенсона, за ней последовал длительный телефонный разговор. Старуха Майер кипела от злости, выкладывая Уилли и Миранде подробности переговоров с шефом детективного агентства.

— Можете представить себе, этот старый негодяй Свенсон требует от меня уплаты страховки! У меня внучка лежит при смерти, я не представляю себе, какие затраты повлечёт её лечение! Я не могу даже посчитать примерно, в какую сумму мне обойдётся урон репутации «Пивной Империи Майеров» убийством Якоба Майера! А этот Свенсон требует страховку! — Лилиан срывалась на злобный крик.

— Могу я узнать, вашим контрактом предусматривается выплата страховки в случае гибели детектива, который исполнял контракт? — поинтересовался Уилли Линдт.

— Я специально взяла контракт с собой, Уилли, и в самолёте ещё раз его пролистала. Никаких таких условий там не имеется. — Лилиан вытерла лоб платком, пока Уилли услужливо усадил её в новёхонький БМВ, присаживаясь с нею на заднее сиденье.

Водитель покати по автостраде, ведущей в Рамзау. Мимо мелькали прекрасные горные пейзажи: склоны Альп, усыпанные домиками и шале с красными крышами, отели, окружённые соснами. Ослепительный снег приподнимал дух, создавал в сентябре неуместное рождественское настроение. Было бы прекрасно выбирать время года по своему вкусу. Уилли любил Рождество, и был не против праздновать его и в сентябре. Возможно, успех операции он отпразднует с не меньшим шиком, чем зимние каникулы.

Миранда задумчиво поправила волосы и сказала:

— Конечно, о выплате страховки речь вести нельзя, не так ли, Уилли, — и получив одобрительное поддакивание, продолжила, — но мы не разоримся, если пойдём на некоторые уступки. Парень погиб, у него осталась престарелая мать. Нужно взять на себя расходы на погребение, выплатить двойной гонорар и покрыть текущие расходы. Но более ничего.

— Я поддерживаю, — сообщил Уилли своё мнение, чем вызвал негодование старухи Майер.

— У тебя хоть когда-нибудь бывает свое мнение? Уилли, ты потрясающий тьюфяк! Только и делаешь, что во всём потакаешь Миранде! Её расточительство иногда достигает невероятных размеров.

Уилли пожал плечами и виновато уставился на свои большие руки. Он привык показывать, что играет второстепенную роль в их с Мирандой отношениях.

— Бабуля, лучше скажи, как там Юджина, — проворковала милая внучка.

— Я говорила с доктором Вебером, он не делает утешительных прогнозов. Линейный перелом черепа — с ним выживают редко. Если выживают, то человек становится инвалидом.

— Это печально, — Миранда удручённо покачала головой и отвлеклась на уникальный горный пейзаж.

— Погибнуть в таком красивом месте! Что может быть более романтичным! — Уилли восторженно воскликнул и притронулся к плечу Миранды.

— Фу, дурачок, — ласково рассердилась девушка, — ещё чего! Я не собираюсь гибнуть в этой замшелой деревушке.

— Уилли, видимо, имеет в виду не нас, а этого глупца Хью Барбера, — прошипела Лилиан Майер, — который слишком увлёкся нашей малышкой Юджиной. Вот что значит путать личное и деловое.

— Я говорил с комиссаром полиции Шварцбергом, они планируют закрыть дело Барбера, потому что явных доказательств его насильственной смерти не имеется. Сорвался с утёса, обычное дело для данной местности. Если ему до этого и нанесли удары по голове, то уже не установишь, кто и как. Комиссар сказал, что тело превратилось в сплошное месиво, ни одного целого ребра или кости.

— Фу, Уилли! — воскликнула Миранда, — избавь нас от таких подробностей!

— Что комиссару известно о подозрениях в отношении Юджины, о её поджоге виллы «Синий вереск»? — спросила Лилиан Майер.

— Насколько я понял — ничего, — спокойно ответил Уилли. — Юджина не была объявлена в международный розыск. О том, что она сбежала из Антверпена в Рамзау — никому в Антверпенской полиции не известно. Её искали только в Бельгии, даже в Мюнхен запрос не посылали.

— Потрясающая беспечность и халатность! — фыркнула Лилиан Майер. — Бедняга Барбер её чудом нашёл. И очень упростил нам задачу.

— Получается, что так, — утвердительно кивнул Линдт. — только не будем спешить говорить «спасибо» детективному агентству. Судя по всему, у них были свои планы на Юджину.

— Что ты имеешь в виду? — удивлённо спросила Миранда.

— Насколько я понял, Юджину нашёл не только Барбер, но и Свенсон. Свенсон по какой-то причине не доверял Барберу и организовал самостоятельные поиски. Когда Юджина была обнаружена, то она скрылась вместе с Барбером и деньгами Бориса Казарина. Только далеко они не убежали, пытались перейти через перевал в горах, чтобы незаметно попасть в Рестен.

— Там они и свалились в пропасть? — спросила Лилиан.

— Да, говорят, что на снегу было не только много крови, но и около полумиллиона немецких марок, которые вывалились из разорванной сумки и летали по ветру.

— Бедный Борис Казарин, — усмехнулась Миранда.

— О, нашла кого жалеть! — возмутилась Лилиан, — это деньги не Бориса, а Юджины. От «Золотой бочки Вероны» прибыль шла на счета Бориса только для того, чтобы содержать Юджину, а Борис, судя по всему, любил деньги тратить сам.

— Сколько грязи, — скривила губы Миранда, — я больше не желаю слушать об этом! Достаточного того, что мы и так ежегодно теряли крупную сумму из-за не дальновидности бабули.

При этом Миранда обернулась на Лилиан и выразительно посмотрела, как бы говоря: «Да-да, я о тебе говорю, о твоей не дальновидности, которая вот к чему привела!»

— Тем не менее, Борис Казарин не отходит от Юджины, — усмехнулся Уилли. —

комиссар говорит, что его инвалидное кресло и днём, и ночью рядом с её койкой.

— С Борисом надо разобраться, Уилли, — спокойно сказала Лилиан. — если Юджина поднимется на ноги — её будут судить в Бельгии. Если она останется инвалидом, которого даже в суд нельзя доставить, то мы определим её в хоспис. Буду считать, что это мой крест. Но возиться с этим старым дураком я совершенно не желаю. Пусть идёт на все четыре стороны! — Лилиан поджала губы.

— Я полагаю, что нянчиться с этим русским художником никто тут не намерен, — одобрительно кивнула Миранда, — пусть свою судьбу сам устраивает. В конце концов, и дом в Мюнхене, и счёта в банках должны быть возвращены в семью.

— Да, на улице он не останется, — успокоил Лилиан Майер Уилли, — я навёл справки по поводу домика в Рамзау. Он принадлежал некоему Соколовскому, который давно умер, но домиком пользовался Казарин. Вот, статус-кво будет сохранен.

— Наш Уилли очень добр, — Миранда протянула ладошку к жениху с переднего сиденья на заднее, и тот чмокнул сладко пахнущую девичью кожу.

Машина скоро подкатила к полицейскому управлению. Низенькое здание, выдавшее виды, стоявшее без ремонта добрый десяток лет, было единственным в Рамзау зданием, с фасада которого облупилась краска. Внутри помещения стоял кислый запах. Миранда не захотела даже заходить вовнутрь, оставшись возле машины. Старуха Майер с будущим зятем решительно вошли в кабинет к комиссару Шварцбергу. Это был низенький полный человечек с большими красными руками, покрытыми жесткими рыжими волосами. Намечающаяся лысина украшала невыразительное лицо, мясистый пористый нос являл контраст с узкими губами. Комиссар встретил парочку неприветливо, показывая, что времени на общение у них мало.

— Вы будете забирать тело детектива Барбера? — осведомился он.

— Разумеется, нет, — отрезала Лилиан. — Хью Барбер не имеет никакого отношения к нашей семье.

— Что же мне прикажете с ним делать?

— Этого я не знаю, — продолжила Лилиан тоном, не терпящим возражений, — вы можете позвонить его матери, отцу, кому — то из родственников.

— Я звонил матери, у нее нет средств для того, чтобы приехать за телом или организовать перевозку. Отец его погиб давно.

— В конце концов, есть Свен Свенсон, его шеф, — подсказал Уилли Линд.

— Да, он был здесь. Выглядел очень расстроенным, опознал тело. Мы его допросили, всё запротоколировали. Но он тоже ссылается на отсутствие средств для перевозки тела. Ума не приложу, что делать.

— Вы оповестили консула, все-таки Барбер — гражданин Бельгии. — подсказал Уилдди.

— Ах, да! — комиссар даже выдохнул от неожиданно разрешившейся проблемы, — о консуле я и не подумал. У нас нечасто, знаете ли, такие ситуации.

— Разве у вас не бывает несчастных случаев с иностранными туристами? — удивилась Лилиан Майер.

— Хвала небесам, за последние пять лет ничего такого не было, — замахал на нее своими красными лапищами комиссар.

— Мы отвлеклись от цели нашего приезда, госпожа Майер, — подобострастно напомнил Уилли Линд.

Лириан Майер уселась на жесткий стул напротив кресла комиссара и достала платочек из сумочки.

— Вы бы желали знать, как ваша внучка? — спросил комиссар, — сейчас я приглашу нашего детектива Ямину Ленц. Она недавно работает в отделе, но она очень способная, поверьте.

Глава 34. Коварные планы Линда

Комиссар набрал по внутреннему телефону номер и вызвал детектива, которая пришла только через десять минут. Всё это время Лилиан и Уилли рассматривали обшарпанный кабинет начальника полиции. Стены кабинета были усеяны кнопками, на которых крепились карты местности, сводки происшествий и прогнозы погоды, фотографии и обрывки бумаги. Возле стола стояло целых две корзины для бумаг, обе были переполнены доверху, и вокруг них валялось немало мусора. Пепельница на подоконнике давно не опорожнялась. В кабинете тоже витал кислый запах дешёвого кофе, бренди и сигарет.

Ясмина Ленц была молоденькой, на вид не более двадцати пяти лет. Худощавая, невысокая, с мальчишеской стрижкой, Ясмина бойко вошла к кабинет и улыбнулась посетителям. В руках у неё была картонная папка.

— Добрый день, перейдём к делу, — сказала бодро Ясмина и стала рассказывать об обстоятельствах несчастного случая, которые более или менее уже были известны старухе Майерше и её спутникам.

— Как установило следствие, Лаура Брегер отдыхала в шале со своим любовником Борисом Казариным. Эту пару давно знали в Рамзау, так как ежегодно по два-три месяца, а то и больше, они проводили на нашем горном курорте. Жители знают их как спокойных, уравновешенных людей. Конфликтов с ними ни у кого не было. Примерно пять дней назад в Рамзау приехал некто Хью Барбер, знакомый Лауры Брегер, откуда он прибыл — установить не удалось, так как при нём не было документов, билетов или чеков. Между Хью Барбером и Борисом Казариным возник конфликт на почве ревности, в ходе которого Барбер избил инвалида, причинив побои незначительной тяжести, не повлёкшие существенного вреда для здоровья. После этого 18 сентября Хью Барбер и Лаура Брегер покинули дом в Рамзау, забрав ценные вещи в виде золотых украшений, денежные средства, принадлежавшие Борису Казарину, и ушли в неизвестном направлении. По просьбе Бориса Казарина, который был не в состоянии оказать им сопротивление, Виктор Шилов, являвшийся другом Бориса Казарина, и жена Шилова — Елена, стали преследовать Лауру Брегер и её спутника. Преследование завело их в горы, где туристический сезон только был открыт. По непонятной причине Лаура Брегер и Хью Барбер отклонились от туристического маршрута, по которому они могли дойти до Рестена и сорвались со скалы. При падении Хью Барбер получил телесные повреждения, несовместимые с жизнью. Лаура Брегер сильно пострадала, и её тело доставили спасатели в медицинский туристический пункт. Затем она попала в местную больницу, где находится сейчас. У Лауры был диагностирован линейный перелом черепа. Также неподалёку от места происшествия был найден кольт 45 калибра, из которого были произведены несколько выстрелов, гильзы были найдены, пули не были найдены. Также были найдены гильзы и пули от пистолета Макарова, который находился в пользовании Виктора Шилова. Раненых не обнаружено. На теле Барбера или Брегер огнестрельных ранений не было. Следствие полагает, что между Барбером и Шиловым завязалась перестрелка, которая предшествовала падению Барбера с утеса. Шилова мы взяли под арест до выяснения подробностей, но скорее всего... Отпустим. — Ясмина внимательно посмотрела на Лилиан Майер и Уильяма Линда, который смотрел на неё с непонятной ухмылкой.

— Что-то не так? — осведомился шеф полиции.

— О, нет. Просто ваш профессиональный язык, такой черствый и формальный... Совсем не вяжется с вашим обликом, фройлян Ленц — несколько развязно сообщил Уилли.

— Это всё? — спросила Лилиан у Ясины, проигнорировав ремарку Линда.

Ясина переглянулась с начальником полиции, тот кивнул.

— Нет, не всё. — детектив захлопнула папку и обратилась к Лилиан Майер, — буквально вчера вечером мы узнали, что Юджина Майер и Лаура Брегер — это одно лицо. И она находится в розыске в Бельгии по подозрению в убийстве собственного отца и поджоге виллы, на которой вы проживали. Почему вы от нас это скрыли?

Лилиан пожала плечами и неожиданно разрыдалась, закрыв лицо платочком. Тем самым она предоставили Уилли возможность ответить на вопросы Ясины.

— Я надеюсь, что вы нас за это не арестуете, — сказал примирительно Уилли Линдт. — во-первых, мы думали, что полиции известны эти обстоятельства. Межведомственное взаимодействие, международное сотрудничество и так далее. Во-вторых, мы были настолько расстроены и опечалены событиями, что просто не подумали, как это может быть важно для вас.

— Это очень важно, — сказала с нажимом Ясина, — потому что нам надо организовать охрану палаты Юджины Майер, как минимум. А, как максимум, обеспечить ей адвоката и переводчика на всякий случай. И направить отчёт в Бельгию. А у нас в распоряжении три постовых, которые патрулируют улицы, два инспектора по делам детства, и они также заняты. Еще есть сотрудник по делам миграции, два детектива, которые заняты расследованием других дел и два стажёра. У нас нет людей для этой цели!

— Поймите, мы в этом совсем не виноваты, уважаемая фройлян Ленц, — стал оправдываться Уилли, в голове которого уже забегали «шестеренки», составляющие мгновенный новый план действий. — к тому же Лаура Брегер, как мы поняли, находится в коме, и вряд ли может сбежать. Да и её жизни никто не угрожает.

— Да, возможно, вы правы, — ответила Ясина, — но из-за того, что люди не хотят сотрудничать с полицией, у нас всегда много лишней работы. Но как только что-то случится, то сразу бегут в отдел. И тут же подключают газетчиков и журналистов.

— Ну, пока журналисты вряд ли знают о том, что подозреваемая в убийстве девушка лежит в больнице Рамзау, — заверил её Уилли. — так что в течение нескольких дней вы можете быть спокойны, а потом мы планируем забрать Юджину и отправить её медицинским самолётом в Антверпен.

— Это совершенно исключено, — вмешался в разговор комиссар полиции, — уже утром нам поступили официальные документы о розыске Юджины Майер, и теперь нам нужно что-то придумать с обеспечением её безопасности и безопасности жителей города. Мы вам не можем позволить увести Юджину в Антверпен.

— Даже в сопровождении офицера полиции? — осведомился Уилли Линдт.

— Даже в сопровождении офицеров полиции, и целого взвода вооружённых полицейских. Мы подождём, когда сюда прибудет следственная группа из Антверпена, и совместными силами мы решим, что делать дальше.

— Слава богу, Интерпол в это дело не вмешался, так как наши нерасторопные коллеги не додумались объявить Юджину в международный розыск, — добавила со смешком Ясина.

— Но мы хотя бы можем увидеть девочку, — перестала рыдать Лилиан, подняв заплаканное лицо на комиссара.

— Да, пока можете... До завтрашнего утра у её палаты будет дежурить наш стажер, а утром придут антверпенские коллеги, и пусть берут всю ответственность на себя, — комиссар развёл руками.

Уилли Линдт поторопил Лилиан, которая внезапно обмякла и стала двигаться медленно и безвольно. Уилли подумал, что старуха сдаёт свои позиции, и внутренне этому усмехнулся.

Больница была именно такой, как её себе и представлял Уилли Линдт. Маленькая, плохо оснащённая, но чистая и пропахшая карболкой. Много палат пустовало, насколько он мог судить, шествуя в сопровождении пёстрой компании. Лилиан держалась стойко, Миранда морщила нос и сдерживала позывы рвоты, Ясмينا бодро шагала впереди и не оглядывалась. На третьем этаже слева по коридору Ясмينا распахнула дверь последней палаты. Линдт машинально отметил, что рядом имеется пожарная лестница, ведущая во внутренний двор и на крышу. Палата была довольно большая, но в ней находилась только две койки. На одной лежала Юджина, закрытая одеялом до груди, на второй валялся скомканный плед и какие-то неопрятные тряпки. Видимо, Борис Казарин оборудовал там себе лежбище.

Уилли сразу посмотрел в его сторону. Художник, сгорбившись, сидел в инвалидном кресле, его лицо заросло неопрятной щетиной, глаза ввалились, скулы обозначились. Под глазами залегли тёмные тени. Как верный пёс он сидел рядом с постелью хозяйки и явно не собирался уходить. Уилли испытал к нему презрение. Молодая девка ушла с другим, обокрала Бориса, унизила его после стольких лет совместной жизни, а тот сидит рядом и тоскливыми глазами смотрит на её полумёртвое лицо. Воистину Купидон посылает стрелы любви вслепую.

Казарин мутными глазами обвёл вошедших в палату. Остановив взгляд на Лилиан Майер, он ослабил.

— Приветствую вас, госпожа Майер... Пришли разлучить меня с моей девочкой...

— Мы обсудим это позже, Борис, — с достоинством ответила Лилиан и попросила больничную сестру вывезти Казарина из палаты. Как только медсестра развернула инвалидную коляску к двери, художник стал буйствовать и сопротивляться. Ясмин Ленц подошла к Борису и взяла его за плечо со словами:

— Я же вас предупреждала. Малейшее неповиновение, и в палату вы больше не войдёте, герр Казарин. К тому же вскоре возле палаты будет выставлена охрана, и посторонним находиться здесь нельзя.

Казарин сник и позволил себя выкатить. Миранда присела на край постели Юджины, но уже через пару минут поморщилась и отошла к двери.

— Раны пахнут, — сказала она.

— Фрёкен, — укоризненно ответила ей вернувшаяся медицинская сестра, — этого просто не может быть. Мы обрабатываем всё очень тщательно. Швы наложены, раны чистые. Могу показать вам, перевязку мы делаем трижды в день.

Уилли смотрел на лицо Юджины-Лауры. Оно сплошь было покрыто синяками разного цвета, один глаз заплыл и не был виден. Он заметил, что под медицинской повязкой волосы сбрили. Девушка была сильно изуродована. Лилиан начала глухо всхлипывать.

— Уилли, её надо во что бы то ни стало перевезти в Антверпенскую больницу, — старуха умоляюще смотрела на Уилли. — сделай же что-нибудь.

В палату вошёл доктор Вебер. Уилли успел прочесть его фамилию на беджике халата.

Доктор был молодым долговязым мужчиной с аккуратной бородкой и яркими синими глазами. Он обратился к Лилиан и попросил всех пройти в его кабинет. Женщины повиновались чересчур быстро, а Уилли задержался. Он внимательно рассматривал оборудование, стоявшее в изголовье Юджины и справа. Несколько тонких проводков тянулись к телу девушки, а на мониторе фиксировался уровень кровяного давления и другие показатели.

— Лаура подключена к аппарату искусственной вентиляции лёгких, — сообщила медицинская сестра.

— Почему? — удивился Линдт.

— Доктор не знает, почему Лаура не дышит сама. Чтобы вам было понятно, механизм комы до конца не изучен, некоторые больные могут дышать сами, у некоторых судороги, у всех по — разному проявляется, — с запинкой пояснила медицинская сестра.

— Ей делали трепанацию черепа? — спросил Линдт, на что сестра кивнула и попросила выйти из палаты.

Линдт решительным шагом направился в кабинет доктора. Там уже был шум. Лилиан утверждала, что за её внучкой плохой уход, а доктор успокаивающими жестами пытался остановить надвигающуюся истерику. В итоге Лилиан снова разрыдалась, а Линдт попросил Миранду побыть с бабушкой в коридоре.

Из разговора с доктором Вебером Линдт понял, что ему ничего не известно с «подвигах» Лауры. Видимо, полиция не стала вводить его в курс дела. Линдт пригрозил Веберу судебными разбирательствами по поводу некачественно выполненного лечения и диагностики девушки. Молодой доктор держался спокойно, но было заметно, что он начал нервничать. О «Пивной Империи Майеров» слышал даже он, и неприятности ему были вовсе не нужны. Вебер рассказал, что Лауре зашили все раны на теле, сделали трепанацию черепа, откачав восемь миллилитров крови. Однако, он не гарантирует, что все сосуды перестали кровоточить, и что в черепной коробке не возникли новые гематомы. Лаура после операции не обследовалась. После того как она впала в кому, её подключили к аппарату искусственного дыхания и стали ожидать развития событий. По мнению Вебера, с такой травмой, как у неё, выживание — сложный процесс. Однако, даже в его практике бывали случаи, когда пациент приходил в себя и даже возвращался к более или менее активной жизни. Учитывая молодой возраст девушки и возможности современной платной медицины... Всё может быть хорошо.

То, что услышал Линдт, ему совсем не понравилось. Он вспомнил случай с актрисой Даной Шнайдер, которая разбилась на гоночном автомобиле, но уже через полгода после комы блистала в театре.

— Доктор Вебер, — я видел, что на мониторах показатели жизнедеятельности фрёкен Брегер в норме, — сказал с подозрением в голосе Уилли Линдт.

— Разумеется, герр Линдт, — заверил его доктор. — иначе и быть не может. Кровяное давление, ритм сердца и пульс мы поддерживаем специальными препаратами, которые вводятся внутривенно непрерывно. Аппарат искусственной вентиляции лёгких обеспечивает снабжение организма кислородом. Искусственное питание в виде растворов витаминов мы также вводим трансфузионно.

— То есть состояние стабильное?

— Стабильно тяжёлое состояние, с тенденцией к улучшению.

Уилли поблагодарил доктора и вышел к Лилиан и Миранде. Старуха практически

успокоилась и сидела в глубоком раздумье. Когда заботливый Уилли предложил ей проехать в гостиницу, чтобы обсудить ситуацию, она не стала противиться.

Оставив дам отдыхать от событий тяжёлого утра, Уилли направился к ближайшему телефону — автомату и позвонил Юргену Баху. Через полчаса, ровно столько потребовалось Уилли, чтобы доехать до Рестена, они встретились в придорожном кафе.

Герр Линдт был крайне недоволен действиями подручного, о чём не преминул ему сообщить.

— Почему ты не выполнил задания, — еле сдерживая гнев спросил Линдт. — я передал тебе машину Якоба Майера, я дал тебе пистолет. Что ещё нужно было?

— Машину я утопил в Шельде, это слишком опасная улика. Пистолет при мне. Но вы слишком многого от меня требуете. — парировал ему Юрген Бах. — одно дело выстрелить в голову малышке, а другое дело прорваться через целый кордон полицейских в больницу. В Антверпене девка как сквозь землю провалилась, я её упустил. Констант мне сказал только, что она в Рамзау собирается.

— Что с Константином? — спросил Уилли.

— Он будет молчать, не такой уж дурак. Отсиживается где-то. Нас он не выдаст, слишком хорошо уплачено.

— Почему в Рамзау не справился быстро?

— Не успел. Надо было слежку организовать за Барбером.

— К чему это привело? Слежка за Барбером ничего не дала. К тому же ты нагл лжешь, — процедил сквозь зубы Линдт, — ты приехал в Рамзау за три дня до несчастного случая, и у тебя было время всё сделать тихо.

— Да, я нашёл домишко Соколовского. Но там было полно народу. Свен Свенсон со своей бабой, старый козёл Казарин. Только Юджини там не было.

— И где она была? — поинтересовался Линдт.

— Чёрт её знает. Я установил наблюдение за домом, Свен Свенсон со своей бабой съехал в отель, Казарин один остался, а через три дня приехала Юджина с Хью Барбером. Я же по улице с пистолетом не буду бегать?! Ну, пропустил я момент их приезда.

— Успокойся, успокойся и не кричи, — Линдт оглянулся. Их разговор никто не слышал.

— Я вернулся в гостиницу, взял снаряжение своё, поднялся на опорный пункт в доме напротив, а тут такое началось — беготня. Начался скандал, Юджина выскочила с Хью Барбером и села в машину, за ней поехал какой-то черноволосый хмырь с бабой. Я не успел выстрелить.

— Юджина лежит в больнице, она при смерти. Почему ты недоделал начатое дело? — спросил Линдт.

— Там постоянно вертятся из полиции, я осмотрелся.

— Он осмотрелся, — с горечью сказал Линдт, — я заплатил тебе кучу деньжищ не за то, чтобы ты осмотрелся, а за то, чтобы ты сделал работу.

— Знаете что, — Юрген придвинулся к Уилли, — заберите своё бабло, а я — пас. Одно дело устроить поджог втихую, а другое дело — с пистолетом по улице бегать на виду у тысячной толпы туристов.

— Успокойся, Юрген, я не хотел тебя обидеть, — Линдт пошёл на попятную. — Мне удалось узнать, что завтра утром приедет полиция из Антверпена, а в эту ночь палату будет охранять какой-то стажер. Всего — то дела — отключить Юджину от аппарата искусственной вентиляции лёгких, а потом через десять минут снова её подключить. Она

окочурится, а никто и не поймет, с чего. Но в запасе только эта ночь.

— Идея хорошая, — встрепенулся Юрген. — только надо, чтобы и в палате никого не было.

— Об этом уже позаботились. — самодовольно ответил Уилли. — если всё пройдёт без сучка и задоринки, я тебе доплачу ещё половину суммы.

— Щедрый дар, — усмехнулся Юрген, потягивая кофе.

Глава 35. Последняя глава

Стажёру было невыразимо скучно. Под дверями в палату Юджины Майер он томился уже шесть часов. Сначала сидел, потом стоял, потом снова сидел. Потом подходил к окну, потом гулял по коридору. Совсем не к этому его готовили в полицейской академии. Он хотел участвовать в захвате преступников, перестрелках, освобождать заложников и искать улики. Ясмина Ленц не ставила его ни в грош. Она долго насмехалась над ним, и предлагала ему взять стопку кроссвордов с термосом и бутербродами, чтобы не заснуть от скуки. А ведь в это время в камере находился Виктор Шиллов! И хотя этот посетитель требовал адвоката и консула и отказывался говорить по-немецки, кто знает, может, он и понимал насмешки. Вот такого подследственного бы допросить! А вдруг удалось бы расколоть крепкий орешек? Но нет — стой тут столбом, охраняй дверь... И ведь ни одной красивой или хотя бы симпатичной пациентки, и медсестры все старые и толстые.

Примерно около десяти вечера погасили свет, оставили лишь контрольные лампочки в коридоре. Никлас сел на стул и закрыл глаза. Но подремать ему не удалось. И палаты напротив выглянула молоденькая сиделка и позвала Никласа:

— Молодой человек!

— Да, — с готовностью откликнулся Никлас.

— Помогите мне жалюзи закрыть, прошу. Рычажок висит высоко, я не достаю.

— Я не могу пост покидать, — неуверенно возразил Никлас.

— А мы никому не скажем, — хихикнула девушка. — к тому же мы дверь оставим открытой.

Никлас поколебался, но согласился. В самом деле — что тут такого? Отлучиться на тридцать секунд — не так уж и страшно. Никлас вошёл в палату и... упал на пол, поскольку на его лицо была наложена маска с хлороформом.

Через несколько минут в коридор отделения со стороны пожарной лестницы появился Юрген Бах. Убедившись, что стажёра обезвредили, он быстрой и бесшумной походкой двинулся к двери палаты Юджины Майер. Палату освещал лишь приглушённый ночник и тускло мигавшие лампочки медицинских приборов. Юрген Бах приблизился к кровати Юджины. Было слышно мерное дыхание, поддерживаемое аппаратом. Юрген, не колеблясь, выдернул штепсель из розетки питания, рассудив, что все системы жизнеобеспечения подключены к одной розетке. Послышался тихий писк прибора, лампочки мигнули и погасли. Юрген задержался, наклонившись ухом к телу Юджины. Юджина дышала. Что за чёрт! Бах стал шарить пальцами в перчатках по приборной доске, шепча проклятия. И в этот момент он услышал звонкий голос Хью Барбера:

— Вы что-то потеряли, герр Бах?

От неожиданности Юрген попятился и с грохотом опрокинул больничную тумбочку. В этот момент свет в палате включился, и в палату пошел весь отдел полиции Рамзау в полной красе.

— Герр Юрген Бах, вы арестованы, — сообщил ему комиссар полиции и зачитал права. От злости у Юргена пошли пятна по лицу. Он вспыхнул и закричал:

— Я молчать не буду, я всё расскажу, как было, и даже не сомневайтесь, Майерам не помогут их деньги.

— Разумеется, — спокойно сказала Ясмина Ленц, улыбаясь Хью Барберу, который уже

сидел на кровати Лауры Брегер и обнимал её. Девушка всхлипывала и сдираала бинты с головы.

Через пятнадцать минут Юрген Бах уже писал показания в камере, к нему спешил консул и адвокат, а патрульная машина остановилась возле отеля «Радужный перевал», где ничего не подозревающая Лилиан Майер готовилась отойти ко сну, а Миранда и Уилли беспечно целовались на балконе на фоне темнеющих гор.

После наступления нового года в Рамзау неожиданно выпал обильный снег. Все дороги были заметены, за окном стояла тишина, через плотную пелену снега не было слышно даже шума работ снегоуборочных машин. Подъёмники пришлось остановить, и туристы пережидали стихию в отелях. В домике Соколовского собралась тёплая компания: Юджина, Борис, Хью и Констант Смолланд. Юджина накрывала стол к чаепитию в небольшой комнате с камином. Её волосы, безжалостно сбритые Ясминой Ленц, немного отросли, и завились в непокорные колечки. Она превратилась в хорошенького барашка, хотя Хью был убеждён, что именно так выглядят рождественские ангелки.

Барбер сидел за столом в предвкушении чаепития. На столе матово поблескивали чашки из тонкого фарфора, стоял пузатый заварочный чайник, розетки с домашними сладостями. Елена Шилова, хотя и жила больше пятнадцати лет в Германии, но не оставила русской привычки варить на зиму варенье. Хью и Константу предстояло оценить царское варенье из крыжовника, грушевый мармелад и сливовый джем. Полки в погребе в Рамзау ломились от домашнего изобилия.

— Юю, зачем ты поставила пять чашек? — Хью обратил внимание на накрытый стол.

— Ах, да, — смутилась девушка и убрала одну чашку с блюдцем, — многовато для нашей компании.

Вдруг позвонил телефон, Хью вздрогнул от неожиданности, а Юджина, не торопясь, взяла трубку.

— Вас беспокоит нотариус Вильгельм Штокман. Фрёкен Майер, согласно завещанию Якоба Майера от 10 мая 1972 года вы являетесь наследницей имущества, принадлежавшего Якобу Майеру. Данное завещание никем не отменено и не изменено. Других завещаний Якоб Майер не оставил. Учитывая, что смерть Якоба Майера, наступившая в 07 сентября 1984 года установлена, после его смерти открылось наследство.

В трубке немного помолчали.

— Да, я поняла, — сказала Лаура Брегер, на минуту почувствовавшая себя Юджиной Майер.

— Вам не обязательно принимать решения сейчас, но вы должны быть в курсе, что для принятия наследства у вас остаётся три месяца. Также я вас уведомляю о том, то вас ждёт судебная тяжба, так как Лилиан Майер и Миранда Майер уже написали заявления об оспаривании завещания. Предварительная оценка наследственной массы составляет тридцать миллионов франков, без учёта активов и недвижимости за рубежом, а также наследства в виде части «Золотой Бочки Вероны».

— Спасибо за информацию, герр Штокман, — я приму решение в ближайшее время и сообщу вам, — сказала Юджина Майер.

Ком снега, брошенный ветром в окно, заставил её вздрогнуть. Это было не похоже на звук выстрела, но девушка испуганно посмотрела на Хью.

— Нотариус сообщил, что меня ждёт тяжба о тридцати миллионном наследстве, — в раздумье сообщила она.

И Хью уловил влажный блеск глаз девушки, которой он собирался вечером сделать предложение. Недорогое колечко с тремя фианитами... Стоит ли его дарить миллионерше? Лаура-Юджина села рядом с Хью и положила на его плечо белокурую головку.

— Снова вопрос о наследстве... Если бы я написала книгу о Майерах, то назвала бы её «Украденное детство»... Уверена, книга имела бы успех вне зависимости от моего литературного дара, — девушка печально усмехнулась. — Людям всегда интересны чужие скелеты в шкафу. А здесь они бы обнаружили не скелет, а оживший труп, а также похищенного из могилы мертвеца, пожары на вилле богачей, финансовые аферы, целый сонм сумасшедших и притворяющихся. Да, не стоит забывать также о взяточниках и полуграмотных писаках, которые успешно выдают себя за профессионалов своего дела. Я думаю, что могла бы неплохо заработать, продав какому-нибудь издательству историю своей жизни.

Лаура наклонилась и подбросила в камин пару поленьев.

— Возможно, если меня не оставят в покое, я напишу мемуары. Но мне меньше всего бы хотелось продолжать эту войну.

Немного помолчав, Лаура посмотрела Хью прямо в глаза.

— Все люди мечтают о славе. Когда я училась в школе, я знала, что девочки хотят быть актрисами, мальчики — боксёрами или футболистами. Но все они с удовольствием оказались бы на моём месте. Они все мне завидовали. Роскошный особняк со слугами, частые приёмы, шикарные платья и куклы в любой момент, стоит только попросить. Путешествия по миру, дни рождения в Диснейленде... А я завидовала им, моим одноклассникам. Мне хотелось прийти домой и увидеть мать за вязанием свитера, отца, который курит трубку и украдкой стряхивает пепел на ковёр. Бабушку, приходящую в гости по выходным, да ещё и с ароматными пирожками. Старшую сестру, которая будет делиться со мной первыми любовными тайнами. А у нас не было всего этого. Имелся только респектабельный фасад.

Лаура надолго замолчала, взяла велюровую тряпочку и стала машинально протирать на каминной полочке незамысловатые сувениры. Хью тоже не решался сказать ничего, он печально смотрел на Лауру и невольно любовался нежной грацией её простых движений. Лаура снова присела на подлокотник кресла рядом с Хью.

— Знаешь, что было самым ужасным в моем детстве? — спросила она, и Хью отрицательно покачал головой. — не спеши говорить, что это ожоговая клиника или сумасшедший дом.

Лаура тихо засмеялась и отошла к окну, рассматривая метельные узоры на стекле.

— Самым ужасным было для меня — жить в полном одиночестве два года в своём доме. Я не ходила в школу, я ни с кем не общалась, я не могла учиться, я прятала свои рисунки и книги. Я могла ходить на прогулки и к психиатру на приёмы. И когда я шла по улице, то сзади меня тащилась старая Бо, которая скрипела зубами от ненависти ко мне, а прохожие на меня таранились и перешёптывались: «Вон идёт психопатка».

— От такого даже у взрослого человека шарики за ролики заедут, — в негодовании воскликнул Хью.

— И ты хочешь, чтобы я вернулась в тот дом, к Лилиан Майер и своей сестре, которые и пальцем для меня никогда не пошевелили? У этих людей я должна отобрать положенное

мне состояние? Я должна стать одной из них? Моя мать попыталась — и очутилась в психиатрической клинике, я однажды попыталась и очутилась там же — Лаура с печальной улыбкой смотрела на Хью. А тот не знал, что и ответить, безвольно развалившись в кресле.

— Представь собаку, которая грызёт кость. И человека, который пытается отобрать её добычу. — Лаура была безжалостной в своих сравнениях.

— Мне понятно то, что ты хочешь мне сказать. Но как можно смириться с потерей богатства и столь высокого положения в обществе? Как можно не хотеть покарать обидчиков? — запальчиво выкрикнул Хью.

— Когда-нибудь ты поймёшь, что деньги и общественное положение — это не главное. — серьёзно сказала Лаура и продолжила уже шутя, — помнишь, как Малыш сказал Карлссону: «Эх, Карлссон, не в пирогах счастье».

Хью улыбнулся и поднял руки вверх, показывая, что он сражён аргументами и сдаётся в плен. Лаура улыбнулась в ответ.

— Следствие не установило причастности Миранды или Лилиан Майер к убийству Якоба Майера и поджогу виллы. Уилли проявил неожиданное благородство, сообщив, что действовал в одиночку.

— Предварительные слушания прошли, но это не конец, — заверил её Хью.

— Сомневаюсь, что будут какие-то изменения. Я удивлена только тому, что ошиблась в Константе Смолланде. И мне очень жаль, что я подозревала его.

— Ты должна радоваться тому, что помогла Константу, так как не известно, что было на уме у Линдта и Юргена Баха.

Из соседней комнаты, опираясь на костыли, вошёл Борис Казарин. Он чувствовал, что окреп за последние месяцы. Несмотря на перенесённые волнения и опасности, он словно стал твёрже. Борис сел в кресло, Лаура подхватила костыли и поставила в угол. Борис потребовал чаю, и когда Лаура разрешила яблочный пирог, пахнувший корицей и мёдом, разговор возобновился.

— Мне только одно не ясно, почему старая Бо обвинила меня в поджоге, — закинув ногу за ногу сказала Лаура.

— Я тоже об этом думал, — прихлёбывая чай ответил Борис. — но старуха сказала «Это дело рук малышки Майер». Возможно, она совсем не тебя имела в виду, а Миранду Майер.

— Вряд ли о причастности Миранды будут какие-то доказательства, — сказал Хью. — Юрген Бах дал показания только об Уилли Линдте. Миранда все отрицает...

— Мне так жаль стажёра... Мало того, что он надышался эфиром, так ещё и из полиции его выгнали. Не прошёл проверку. — хихикнула Юджина.

— Поумнеет теперь, — возразил ей Хью. — а если бы кто-то из нас допустил малейшую ошибку? Например, если бы Юджина чихнула или Борис Казарин выглядел бы бодро и весело при встрече с компанией Майерши?

— А Ясмина Ленц какая хитрая, додумалась усыпить стажёра эфиром, чтобы не путался под ногами.

Все дружно засмеялись.

— Как Виктору Шилову пришло в голову придумать историю с ревностью и бегством в горы? — спросила Юджина.

— О, Виктор не любит усложнять. Он считает, что из всех ситуаций есть простой выход, а то и два. Даже если тебя скушали, — сказал серьёзно Казарин. — у нас была одна девушка и два мужчины. Нужно было сделать правдоподобным ситуацию, когда Юджина

находится при смерти. Вот и возникла идея с конфликтом на почве ревности. Первое, что пришло в голову.

— Принцип кентавра, — добавил Хью Барбер.

— Что это означает, Хью? — удивилась девушка.

— Этот принцип — краеугольный камень нашей работы, — важно сказал Хью. — Если на дороге есть следы человека и копыт, но не надо искать кентавра, надо искать цыгана и лошадь.

Все снова засмеялись.

— Умно сформулировано, — отметил Казарин.

— В этом плане мне только одно не нравилось, — сказал детектив, — что меня представили погибшим. Это плохая примета.

— Наоборот, — возразил ему Борис Казарин, — у нас, у русских, это означает, что сто лет проживёте.

— А где Константин? — поинтересовался Хью.

— Я его позвал, — откликнулся Борис, — он, видимо, переодевается к чаю. Наш садовник приобрёл аристократические привычки.

Хью замечал, что Борис относится к Смолланду с недоверием, не упуская случая поддеть его самолюбие, и высказывается в глаза и за глаза с ехидством и насмешкой. Хью это понимал. Неожиданное появление ещё одного молодого мужчины, к тому же преданного Юджине и знавшего её с детства, нарушало хрупкое равновесие в семье Казарина. Если с появлением Хью Барбера Казарин смирился, то Константин раздражал старого художника любым своим словом и жестом.

Барбер уже давно понял, что Борис относится к малышке Майер как к родной дочери, которой у него никогда не было. Грустная история развала семьи Бориса была известна Барберу. Жена Бориса с их маленьким сыном отказалась от эмиграции и осталась в СССР. Борис всю жизнь в Германии тосковал по ним, пытался возобновить переписку и даже вернуться в Москву, но потом понял, что его там практически забыли. Всю свою отцовскую любовь и внимание он дарил Юджине. Хью, разумеется, знал о том, что старуха Майерша щедро платила из «Золотой бочки Вероны» на содержание младшей Майер, но Казарин действительно любил Юджину как родную дочь, вложив в неё все свои творческие силы учителя и воспитателя. Он пестовал её зарождающийся талант художника, следил за творческим и человеческим ростом. Мысль о том, что Юджина может выйти замуж, уйти из дома Казарина пугала Бориса. Хью видел, как иногда из инвалидного кресла Борис следит ревнивыми глазами за общением Хью и Юджины и украдкой вздыхает. Почти всегда громоздкая фигура Бориса имела мрачный вид. С Константа он и вовсе глаз не спускал, и в отцовском взоре уже не было ни нежности, ни тепла.

Констант приехал в домик Соколовского перед самым началом снегопада, принес с собой новости. Старуха Майерша его уволила, не объяснив причин. Миранда публично не расторгла помолвку с Уилли Линдтом, но это было вопросом времени. «Возможно, после приговора суда, когда опасность разоблачения минует, она это и сделает», — сказал Константин, который не скрывал подозрений о причастности Миранды к организации убийства Якоба и покушения на Юджину. Старуха Майерша озабочена валом расторгнутых с «Пивной Империей» контрактов, о чём трубят все газеты Бельгии, предвещая скорое банкротство семьи.

Раны на руках и груди Константа практически зажили, оставив некрасивые шрамы. На

косметические операции денег не было, но Лаура— Юджина обещала помочь, как только ручеек из «Золотой бочки Вероны» возобновится, над чем работали адвокаты Юджины. Три дня в Рамзау благотворно повлияли на усталого паренька, его лицо посвежело, появился румянец, но общая скованность и зажатость поведения пока не исчезала. Хью объяснял это влюблённостью в Юю, Борис — неумением вести себя в обществе. Юю молчала и поглядывала на Константа искоса.

Наконец, Константин вошёл в комнату с камином. Он нёс поджаренные тосты с маслом.

— Забежал на кухню, — извиняющимся голосом произнёс парень и начал намазывать горячие тосты вареньем.

Все сели за стол, и беседа неспешно потекла. О снегопаде, о том, что к дому подходили лисы, чьи следы с порожка видел Борис, о том, что молочник не принёс утром сливок и сыра, так как тропинки между домами замело. Смех Лауры-Юджины звенел как колокольчик. Она подливала чаю в чашки, подкладывала кусочки пирога.

— Борис, я забыла сказать. Мне недавно позвонил нотариус Штокман по поводу наследства Якоба Майера. Так вот... Он сказал, что наследство в Бельгии оценивается в тридцать миллионов франков.

За столом возникло некоторое напряжение

— И что ты решила делать? — спросил спокойно Борис.

— А ты примешь моё любое решение? — ответила Юджина вопросом на вопрос.

— Абсолютно любое.

— А ты, Хью? — обернулась с улыбкой Юджина.

Хью замолчал и уставился в стол. Но Юджина ласково взяла его за руку, призывая к ответу.

— Я приму любое твоё решение как правильное и поддержку во всём, — сказал Хью со вздохом, — хотя не скрою, Лаура Брегер мне нравится гораздо больше, чем Юджина Майер.

— А что скажешь ты, Константин, — обратилась к парню, сидевшему напротив Барбера, Юю, но уже без улыбки.

— А разве я имею право что-то советовать? — удивился садовник.

— Да, на правах старого друга. Почему бы и нет? — настаивала Юджина, — на самом деле только от тебя зависит, что я буду делать дальше. Буду я жить, или нет. Ты же приехал поставить точку в деле?

Неожиданно в комнате повисла тишина. Было только слышно, как тикают старинные ходики на стене, потрескивает радиоприёмник и по-стариковски мерно и тяжело дышит Борис.

— Я? — растерянно пробормотал Константин, — Почему я?

Хью увидел, как яростные огоньки вспыхнули в глазах его возлюбленной, как сжались её кулачки. По лицу садовника пробежала тень. Хью медленно встал, но опередить Константа не успел. Смолланд выхватил из кармана кардигана небольшой пистолет и приставил его к голове старика, удерживая Бориса за плечи.

— Не приближайтесь! Прострелю башку старому пердуну!

Юджина вскрикнула и прикрыла ротик ладошкой.

— Успокойся, Константин, — забормотал Хью, — положи пистолет.

С бывшего друга слетел весь лоск. Куда и подевались изысканные манеры и культурная речь! Теперь он был похож на взбесившегося пса.

— Ты давно меня подозревала? — спросил он с перекошенным ртом у Юю.

— Да... — губы у Юю задрожали, в глазах блеснули слезинки.

Борис застыл, нагнувшись вперёд в неудобной позе, дуло пистолета упиралось ему в висок, где кость черепа особенно тонка. Старческая пигментированная кожа была похожа на пергамент.

— Надо было доделать всё ещё на вилле, да ты слишком быстро уехала. А у Юргена кишка тонка. Много болтает попусту.

— Констант, что ты такое говоришь? Чем я могла тебе так насолить? — Юю почти причитала, качая головой.

— Сама подумай, вспомни, как вела себя всегда! Как меня презирала, как постоянно насмеялась надо мной! Я всегда был пустым местом для тебя и для Майеров. Да вот, однако ж пригодился.

— Тебе Уилли много заплатил? — спросил Хью просто, чтобы потянуть время, так как он не мог придумать, как быстро кинуться на Константа через стол, чтобы тот не успел выстрелить.

— Почему только Уилли? — осклабился садовник. — Миранда тоже была щедр. Неизвестно, кто ещё был более щедр.

Хью неотступно следил за движениями Константа, и тот, предупреждая его действия, заявил:

— Всем сидеть на местах, кто дёрнется — сильно пожалеет. Мы с Борисом сейчас выйдем из дома, а вы останетесь на местах. Если в течение получаса хоть один из вас дёрнется — в Борисе будет парочка аккуратных дырочек. Констант потянулся к телефонному проводу, чтобы выдернуть его из розетки, как получил сокрушительный удар по затылку от Ясины Ленц.

Ясина Ленц, бесшумная как кошка, появилась из боковой двери, которая вела из комнаты с камином в спальню Юю. Барбер даже не знал, что в доме есть ещё один гость. Ясина деловито надела наручники на Константа, заведя ему руки за спину, привалила его тело к посудному шкафу, пистолет Смолланда сунула в пакет, который извлекла из заднего кармана джинсов. Хью Барбер с завистью наблюдал за её чёткими движениями. Юджина подбежала к Борису, обняла его и стала осыпать поцелуями, он поглаживал её по плечу и что-то успокаивающе бормотал.

— Вы с Юджиной давно спланировали это? — осведомился Хью.

— Нет, я только вчера ночью пришла, на лыжах, — усмехнулась Ясина. — Еле успела. Я узнала, что бабка Лиденбрант опознала Константа Смолланда по фотографии, это он был в её квартире с Уилли Линдтом. Разумеется, я сразу же поспешила к вам.

— А почему вы мне ничего не сказали? — ревниво спросил Хью.

— А мы до конца не знали, на чьей ты стороне! — весело добавила Ясина.

Хью посмотрел на Юджину, и в его взгляде было столько горечи, что она опустила глаза.

— Пришлось конечно, немного пошарить в твоих вещах, — продолжала Ясина, — ничего я в них не нашла интересного, кроме маленькой бархатной коробочки, но она совершенно неопасна.

Хью невольно рассмеялся. Засмеялась и Юджина, подбежав к Хью и обняв его.

— А вот у Константа кое-что интересное в вещах было...

При этих словах Констант заворочался и замычал. Он открыл глаза и уставился на

компанию.

— О, очнулся наш садовник, — констатировала Ясмينا, поправив чёлку, спадавшую на глаза. — Урок первый: всегда проверяй оружие.

Ясмينا щёлкнула затвором пистолета и показала, что в нём нет патронов.

— Урок второй: не садись спиной к окну или двери.

Борис Казарин хмыкнул. Констант злобно молчал.

— Урок третий. Всегда имей запасной план действий. И если надумал что-то делать, то меньше говори. Ты не в кинофильме.

Ясмينا подошла к телефону и вызвала патруль из Рамзау.

— Приедут нескоро, — констатировал Борис, потирая затылок.

— Ничего, мы его подержим взаперти, никуда не денется. — Ясмينا ловко сдёрнула с ног Константа ботинки и бросила их за шнурки в угол комнаты. Также бесцеремонно вытащила брючный ремень и растянула брюки садовника, спустив их практически до колен озлобленного Константа. — Так-то не побегаешь по снегу.

Потом она, как ни в чём не бывало, подошла к столу и налила себе чаю. Юджина положила ей кусочек яблочного пирога, и девушка стала с аппетитом уплетать угощение.

Борис сказал, что смертельно устал, и подхватив костыли, с помощью Юю удалился в спальню.

Хью Барбер всё ещё не мог успокоиться от внезапно нахлынувших событий. Юю до конца ему не доверяла, он постоянно был под подозрением... Даже после того, как он с Виктором Шиловым и Ясминой Ленц спланировал и организовал операцию по поимке Юргена Баха и Уилли Линдта.

— Как ты меня вычислила? — спросил хрипло Констант, обращаясь к Ясмине.

— Это Лаура вычислила, а не я, — Ясмينا дожёвывала кусок пирога. — Она сказала, что ты слышал её разговор с Хью о домике в Рамзау. Я проверила информацию о прибывших в Рамзау. Юрген Бах приехал в город и остановился под вымышленным именем за три дня до появления здесь Свена Свенсона. Значит, он мог узнать о Рамзау либо от тебя, либо от Барбера.

Ясмينا с извиняющейся гримаской посмотрела на Хью, тот кивнул.

— Я не спускала глаз с Хью, хотя это и было трудно. Ведь он во время операции жил у меня в квартире, а я была на работе. Не могла же я запереть его в морге?

Хью засмеялся.

— Да, это была трудная часть плана. В морге очень холодно. Я бы там точно околел.

— Не знаю, что бы мы делали, если Лилиан Майер захотела взглянуть на труп Хью Барбера, — продолжила Ясмينا.

— Расчёт был на то, что она жадна до потери контроля, и если ей намекнуть на то, что расходы по перевозке трупа лягут на её плечи, то она вряд ли захочет смотреть на сам труп.

— Хитрожопые вы, — сквозь зубы сказал Смолланд.

Юджина вернулась в комнату с камином и подбросила несколько щепок в огонь.

— У Бориса поднялось давление, я сделала ему укол, он поспит немного.

Юджина села на поручень кресла рядом с Хью и шепнула ему на ухо: «А что находится в той маленькой чёрной коробочке?»

Хью также шёпотом ей ответил: «А ты не видела сама?» Юю покачала головой, так что её короткие кудряшки пощекотали нос Хью.

— Эй, парочка, о чём вы там шушукаетесь? — строго спросила Ясмينا, — в компании

это не принято.

— Мы просто планируем свою помолвку, — с лёгкой улыбкой сказала Юджина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net